This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P S/a v 148.15 (8-9)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

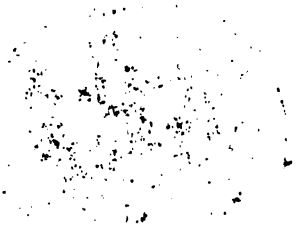
OPB

CHTENIIE V BESEDE LIUBITELEI RUSSKOGO SLOVA
VOLUME VIII

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor *London*

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1961

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE
ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY
UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1961



R040
vol 8

ЧТЕНІЕ

PSlav 148.15 (8-9)

ВЪ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

ЧТЕНІЕ ОСЬМОЕ.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JUN 20 1961

СТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ѳ. ДРЕХСЛЕРА,

1813.

NEW YORK PUBLIC LIBRARY

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770995A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1936 L

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Августа 16 дня 1812 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій

ОПЫТЪ

О РОССІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ ВЪ БЕСѢДѢ.

Iый. ѲЕОФАНЪ.

Мы не имѣемъ на языкѣ нашемъ писателей далѣе введенія въ Россію православной Христіянской вѣры. Богатство языка свидѣтельствуетъ, что оные долженствовали быть и прежде; но сіе подвержено изслѣдованіямъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто разсуждать. Съ принятія Христіянской вѣры процвѣтало у насъ духовное краснорѣчіе, состоявшее въ переводахъ Священнаго Писанія, житія Святыхъ отецъ и нѣкоторыхъ нравоучительныхъ сочиненій, писанныхъ высокимъ Славенскимъ слогомъ. Сверхъ сего имѣемъ мы древнія лѣтописи и другія подобнаго же рода книги; также народныя сказки, пѣсни и по-

PERL JAN 21 1935

словицы, въ которыхъ слогъ находимъ простѣе и ближе къ обыкновенному разговору, или устному употребленію языка. Что принадлежитъ до свѣтской словесности, оную узнали мы не прежде, какъ по сближеніи нашемъ съ иностранцами, то есть, со временъ Петра Великаго. Безъ сомнѣнія и въ сей части могли бы мы гораздо прежде и прямѣе получить свѣденіе отъ Грековъ, съ которыми имѣли толь частыя сообщенія; но повидимому одна духовная словесность обращала на себя вниманіе нашихъ предковъ. Можетъ быть оставленіе идолопоклонства и познаніе истиннаго Бога не позволило углубляться въ такія творенія, въ которыхъ хотя и блисталъ умъ человѣческій, но преисполненный ложными о баснословныхъ богахъ понятіями, не могъ нравиться строгому благочестію. Отсюду упражненіе въ наукахъ и свѣтской словесности началось у насъ гораздо позже, нежели у другихъ Европейскихъ народовъ. Однако сіе не мѣшало духовному краснорѣчію нашему, по причинѣ превосходства Славенскаго языка, далеко надъ ихъ духовными

писаніяхъ преимуществовать. Мы намѣрены, сколько можемъ, проходить по порядку извѣстныхъ нашихъ писателей, и выписками изъ оныхъ показать предъ почтенными посѣтителями ихъ слогъ, ихъ краснорѣчіе, ихъ достоинство; и начинаемъ съ Ѳеофана.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новгородскій, родился въ Кіевѣ въ 1681-мъ году отъ простаго гражданина и нареченъ Елиссемъ, скончался же въ 1736-мъ, на 55-мъ году отъ своего рожденія. Онъ обучась Греческому и Латинскому языкамъ, также Краснорѣчію и Философіи, находился нѣкоторое время въ Володимирѣ обучая юношество Стихотворству и Риторикѣ. Въ сіе время уже столько прославился онъ своими дарованіями, что многіе ученѣйшіе мужи пріѣзжали къ нему для собесѣдованія. Оттолѣ, яко способнѣйшій изъ всѣхъ монаховъ, отправленъ онъ былъ въ Римскую Академію, куда обыкновенно посылались молодые избраннѣйшіе монахи для совершеннѣйшаго изученія Философіи и Богословію. Потомъ изъ Рима, проѣзжая чрезъ

Венецію, Германію и Польшу, прибылъ онъ, подъ именемъ путешественника, въ Грекопольскій Почаевскій монастырь, гдѣ Игуменомъ того монастыря Исаевичемъ постриженъ въ Греческіе монахи, и нареченъ Самуиломъ. Въ 1704-мъ году, по приглашенію Митрополита Варлаама Ясинскаго, переименовавшись по имени дяди своего Ѳеофаномъ, перешелъ онъ въ Кіевскую Академію въ званіи учителя Стихотворства и при посѣщеніи сего мѣста Петромъ Великимъ говорилъ ему поздравительную рѣчь. Въ 1711-мъ году Императоръ сей повелѣлъ ему слѣдовать за собою въ Турецкій походъ, и по возвращеніи оттуда пожаловалъ его Игуменомъ въ Кіевопустыно-Николаевской монастырь и Ректоромъ Кіевскихъ училищъ; а въ 1715-мъ году призванъ онъ былъ въ Москву и возведенъ въ достоинство Псковскаго Епископа. Императоръ употреблялъ его во многихъ дѣлахъ и совѣтахъ Государственныхъ. Онъ написалъ предисловіе къ морскому уставу. Трудами его изданъ духовный Регламентъ; послѣ чего названъ онъ Вице-президентомъ Сунода. Наконецъ по

смерти Петра Великаго супругою его Екатериною Первою возложенъ на него санъ Новогородскаго Архіепископа. Въ 1728-мъ году вѣнчалъ онъ царскимъ вѣнцемъ Императора Петра Втораго, а въ 1730-мъ Императрицу Анну Ивановну. Около сего времени юный Ломоносовъ по врожденной къ наукамъ склонности, ушелъ отъ отца своего, Городо-Архангельскаго рыбака, и записался въ Иконоспаское училище. Ѳеофанъ, примѣтя въ семъ юношѣ отличную остроту и охоту къ наукамъ, взялъ его подъ свое особое покровительство; но чрезъ шесть лѣтъ потомъ сей знаменитый пастырь церкви отшелъ отъ земнаго житія сего въ небесную обитель.

Онъ оставилъ намъ многія сочиненія стихами и прозою, но большая часть оныхъ небреженіемъ утрачена. Особливо же стихи его почти всѣ безъ изъятія, къ великому сожалѣнію, не дошли до насъ. Напослѣдокъ въ 1760-мъ году нѣкоторыми любителями словесности (да будетъ имъ наградою за то благодарность

потомковъ!) собраны и напечатаны проповѣди и рѣчи его, неуспѣвшія еще погибнуть. Издатели оныхъ говорятъ о немъ слѣдующее:

„Когда предки наши съ толь великимъ „раченіемъ собирали и свѣту сообщали дѣла „Россійскихъ писателей, то чемъ мы предъ „потомками нашими оправдаться можемъ, „ежели въ томъ имъ подражать не будемъ? „Когда они оставили намъ многихъ, въ прочемъ „чести своей достойныхъ, но посредствен„ныхъ писателей въ печать изданныя сочи„ненія, то небезотвѣтныбъ ли мы были, „предавъ забвенію труды Ѳеофана? Ѳеофана, „перваго изъ нашихъ писателей, который „многоразличнымъ ученіемъ столь себя про„славилъ, что въ ученой Історіи заслужилъ мѣ„сто между славнѣйшими Поліисторами, Ѳео„фана краснорѣчіемъ толь великаго, что нѣко„торые ученѣйшіе люди почтили его именемъ „Россійскаго Златоуста, и, что всѣхъ боль„ше есть, Ѳеофана поборника и провозвѣст„ника великихъ трудовъ и преславныхъ дѣлъ „обновителя и просвѣтителя Россіи ПЕТРА

„ВЕЛИКАГО. Признаетъ то всякъ, естьли „только безъ самолюбія и зависти прочтетъ „его слова и рѣчи. Увидитъ въ немъ Богослова „чистое Евангельское ученіе проповѣдующаго, „Философа остроумнаго и просвѣщенному „разуму слѣдующаго, Политика проницатель- „наго, искуснаго Историка и трудолюбиваго „древностей испытателя, напослѣдокъ съ зна- „ніемъ всѣхъ тѣхъ наукъ совокупившаго толь „превосходное краснорѣчіе, что съ славнѣйши- „ми въ свѣтѣ Ораторами равняться можетъ.„

Такъ сказано о немъ при изданіи трудовъ его, изъ которыхъ, какъ уже выше объявлено, хотя многіе утрачены; однако же мы и за тѣ благодаримъ, которые собраны и сохранены. Россійская словесность не престанетъ никогда украшаться ими. Славенскій слогъ его, смѣшенный иногда съ простонародными реченіями, хотя бы и могъ въ иныхъ мѣстахъ быть равнѣе и чище; но сіи не примѣтныя въ великихъ твореніяхъ мѣлочи, подобно какъ въ Рафаиловой кисти малыя небрежности, не препятствуютъ чувствовать

главныя достоинства его, состоящія въ порядкѣ и глубинѣ мыслей, въ плодовитости воображенія, въ приличіи украшеній и въ силѣ языка. Оставшіяся сочиненія его можно раздѣлить на три рода: 1-е Надгробныя слова, то есть, говоренныя имъ при погребеніяхъ знаменитыхъ лицъ. 2-е Похвальныя, поздравительныя или торжественныя рѣчи, на разныя достопамятныя произшествія. 3-е Обыкновенныя проповѣди и поученія. Мы пройдемъ всѣ оныя, сколько краткость бесѣды нашей позволитъ намъ о томъ распространиться.

Первое, говореннное имъ на погребеніе слово, было благодѣтелю своему и величайшему изъ вѣнценосныхъ главъ Владыкѣ, Петру Великому. Представимъ себѣ состояніе Россіи, когда вѣсть о смерти сего, толь славно царствовавшаго надъ нею Отца отечества, поразила ее удивленіемъ, печалію и ужасомъ! Представимъ унынie стекшагося во храмъ народа, гдѣ весь Царскій домъ, Князи, Вельможи, Градоначальники, Полководцы, въ чер-

момъ одѣяніи, мрачны духомъ, съ поникшими главами, стояли во кругъ одра, на которомъ лежало (плачевное зрѣлище!) тѣло Царя, безсмертными дѣлами своими весь свѣтъ удивившаго! Представимъ Ѳеофана въ печальномъ облаченіи изшедшаго изъ среды Первосвященниковъ, и тако рѣчь свою начинающаго: „Что „се есть? до чего мы дожили, о Россіяне? „что видимъ? что дѣлаемъ? ПЕТРА великаго „погребаемъ!„ По изреченіи сихъ словъ горесть пресѣкла гласъ его, и онъ облился слезами. Представимъ же каковъ былъ стонъ и рыданіе тогда, когда и нынѣ, воспоминая о томъ, едва можемъ мы удержаться отъ слезъ? На долгій часъ царствовалъ во храмѣ одинъ всеобщій вопль и стенаніе. Напослѣдокъ, по нѣкоемъ облегченіи удрученнаго сердца пролитіемъ горькихъ слезъ, краснорѣчивый проповѣдникъ сей, исчисля кратко дѣла сего Монарха, и сказавъ, что настоящая печаль и жалость, понуждающая только сѣтовать и проливать слезы, не допускаетъ его простирать о семъ рѣчь: „Негли (продолжаетъ онъ) со временемъ нѣчто притупится терпъ

„сей, сердца наша бодущій, и тогда простран-
„нѣе о дѣлахъ и добродѣтеляхъ его побесѣдуемъ.
„Хотя и никогда довольно и по достоинству
„его возглаголати не можемъ: а и нынѣ крат-
„ко воспоминающе, и аки бы тонкимо воскрилій
„ризъ его касающеся, видимъ Слышателіе, ви-
„димъ бѣдніи мы и нещастливіи, кто насъ
„оставилъ и кого мы лишилися.„ Наконецъ,
дабы пролить въ отчаянныя сердца нѣчто
утѣшительное, говоритъ онъ: „Не весьма же,
„Россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жало-
„сти, не весьма бо и оставилъ насъ сей
„великій Монархъ и Отецъ нашъ: оставилъ
„насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное
„богатство силы и славы его, которое
„вышеименованными его дѣлами означилося,
„при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣ-
„лалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ
„любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ вра-
„гомъ страшную, страшная и будетъ; сдѣ-
„лалъ на весь міръ славную, славная и быти
„не престанетъ. Оставилъ намъ духовная,
„гражданская и воинская исправленія. Убо
„оставляя насъ разрушеніемъ тѣла, духъ

„свой оставилъ намъ.„ Такимъ образомъ Ѳеофанъ вездѣ въ теченіи слова своего показываетъ искусство краснорѣчія. Начинаетъ оплакивать Петра высокимъ, поразительнымъ, пронзающимъ душу изреченіемъ; исчисляетъ дѣла его, и увеличиваетъ воображеніе слушателя справедливою оговоркою, что настоящая горесть, понуждающая только лить слезы, не допускаетъ его распространяться о томъ; утѣшаетъ, и въ утѣшеніи тѣже дѣла его, и тужъ похвалу представляетъ такъ, что кажется прерывая, продолжаетъ; и отрицаясь сказывать, сказываетъ.

Въ словѣ своемъ, говоренномъ въ 1727-мъ году, на погребеніе Императрицы Екатерины Первой, супруги Петра Великаго, между прочимъ исчисленіями дѣлъ ея и добродѣтелей говоритъ онъ объ ней: „Живущу и царствующу „ПЕТРУ, во великихъ важныхъ дѣлахъ и слу„чаяхъ здравыми услужила совѣтами, высо„кую порфирородную фамилію, хотя и мно„голичную, и въ любленіи Государя, и въ „Государевой къ нимъ милости, и во всѣмъ-

„номъ между собою согласіи такъ утвер-
„ждати тщалася, что хотя инымъ невѣстка,
„инымъ тетка, инымъ бабка была, однакожъ
„вси ю матерь свою нарицали, не тако
„за превосходную честь, яко за благоутроб-
„ное, и во правду матернее къ себѣ призрѣ-
„ніе. И кто въ гражданской Философіи не
„весьма гость, знаетъ всякъ и исповѣсть,
„коликое зиждется всему государству благо-
„состояніе отъ таковаго въ Царскихъ домѣхъ
„добраго строенія.„ Потомъ представляя,
какъ она всегда и вездѣ сопутствовала и
раздѣляла труды и попеченія съ Петромъ
Великимъ, продолжаетъ: „И симъ дивнымъ
„и необычнымъ трудолюбіемъ своимъ, боль-
„ше къ подвигомъ возбуждала воинство Рос-
„сійское, нежели возбудити моглъ бы кто
„вѣтійскими проповѣдьми и увѣщаніи. Кто
„бо моглъ унывати въ путныхъ безгодіяхъ,
„кто бы не устыдился рабѣти въ боевыхъ
„бѣдствіяхъ, когда видѣлъ жену, а жену
„всякаго благоугодія достойную, великую
„Государыню свою таяжде безгодія носящую,
„тѣхъ же бѣдствій участницу?„ Наконецъ

изображая, каковою долженствовала она быть поражена печалію и унынiемъ, когда по смерти супруга своего приняла престолъ Россiйскiй, говоритъ: „Безпрiкладное подалъ Ей „Богъ щастiе въ ПЕТРѢ великомъ, безпри„кладную же возъимѣла и горесть во отшес„твiи Его; паче всякихъ надеждъ и чаянiй „сподобилась воспрiята быти въ супружество „отъ столь славнаго Монарха, имѣла за „добродѣтели своя чрезъ толь долгое время „непремѣнную любовь Его, произнесла отъ „крове Его благословенныя плоды чрева своего, „та же и въ наслѣдiе престола царскiй вѣнецъ „отъ него получила. Когда убо толико лю„бимый супругъ, и толикiй Ея любитель Го„сударь незапно въ вѣчная отлучился, кто „изрещи можетъ, колiкимъ утробу Ея изра„нилъ сердоболiемъ? А отъ сего непрудно „познати, колiкое Ея и великодушiе, и къ „Россiйскому отечеству усердiе. Толикою бо „поражена скорбiю, не токмо не забыла вы„сокаго долженства своего, но и чудное во „всемъ показала тщанiе: смотрѣти и строи„ти полки, исправляти правительства, раз-

„давати чины и чести, посылати воинскія „експедиціи, сопрягатися въ союзничество съ „другими потентатами, на голосъ страшной „войны быти въ храброй готовности: сія „и симъ подобная дѣла исполняти, кто не„исповѣсть, что выше женскія силы есть, „и въ самое безпечальное время? а ЕКАТЕ„РИНА во дни воздыханія и стенанія своего „все то исполняла, и тако исполнила, что „многая отъ ПЕТРА намѣренная произвела „въ дѣло, многая начатая совершила: и не „познало Россійское оружіе руки женскія, и „не ощутило море Петровой смерти.„

Рѣчь свою на погребеніе великой Княжны Наталіи Алексѣевны, скончавшейся въ началѣ 1729-го года, начинаетъ онъ сими словами:

„По многопечальномъ тебѣ, о Россіе! ПЕ„ТРА великаго во вѣчная отшествіи, пре„свѣтлѣйшее его наслѣдіе, ово часто отри„раетъ слезы твоя, ово же и паки возобно„вляетъ люпую скорбь. Не осиротѣвшій „кончиною его престолъ, потомъ новымъ

„солнцемъ державнѣйшимъ Монархомъ Пет-
„ромъ Вторымъ возсіявшій, при семъ же
„отъ губительнаго навѣта избавленный, и
„домъ возвращеніемъ Великія Государыни
„обрадованный, и приращеніемъ въ чужихъ
„странахъ Царской своей крови увеселенный,
„коль великое возъимѣлъ успѣхъ и торжествъ
„своихъ богатство! Но оскорбляющему и
„упѣшающему Богу по неисповѣдимымъ судь-
„бамъ его изволися, дабы свѣтозарные дни
„наша не были до-селѣ весьма чисты отъ
„облакъ скорбей и печалей. Порфироносное
„Петрово потомство, аки бы и въ семъ
„слѣдъ его возлюбивше, не въ единомъ лицѣ
„отходя къ высшимъ въ сѣтованіи остав-
„ляетъ насъ. Коликое же сѣтованіе ты на-
„ипаче навела на домъ и на все отечествіе
„твое, горѣ отъ насъ восхищенная, о Вели-
„кая Государыня! Всякъ въ послѣднемъ семъ
„творимомъ тебѣ послуженіи, аще и видитъ
„коль славное и по достоянію высокой осо-
„бы твоей успроенное велелѣпіе; однакожъ
„помышляя, кого приводимъ ко гробу, всю
„славу сію мнится видѣти темную и мрач-

„ную, и сухими очми смотрѣти на сіе не „можемъ. Что же речемъ о твоей главѣ, о „Богомъ вѣнчанная главо наша, Петре вто- „рый? Что речемъ о утробѣ твоей, Великая „Государыня, Царица Евдокія Ѳеодоровна? „Что о сердцахъ вашихъ речемъ, Великія „Государыни Цесаревна и Царевны? Коли- „кихъ вы и коль славныхъ плодовъ отъ сего „державныя фамиліи Вашея члена ожидали: „взаимной отъ лицезрѣнія и собесѣдованія „съ нею утѣхи, въ печальномъ приключеніи „отрады, въ сомнительныхъ случаяхъ совѣ- „тованія, въ благополучныхъ поведеніяхъ „сорадованія, въ возрастающей славѣ вашей „сорадованія еще же какъ Монаршія крови, „такъ потому жъ и Монархіи сея силы и „крѣпости умноженіе, и другихъ Божіихъ на „васъ благословеній изобиліе. Но о люте! „оныхъ ожиданныхъ плодовъ се увяде цвѣтъ, „пресѣчена надежда, изсякли чаянія. Кто „же изрещи можетъ горесть вашу? Кій „языкъ исповѣстъ сердоболіе ваше? Кото- „рое слово изобразитъ остроту тернія у- „щробы ваша пронзающаго? О, воистинну

„лучше болѣзнь толикую молчаніемъ, нежели „велерѣчіемъ проповѣдати!“

По изображеніи толь сильнымъ и краснорѣчивымъ образомъ печали, какую домъ Царскій и вся Россія о потерѣ сей великой отрасли Монарховъ чувствуютъ, обращается онъ къ обыкновенному Христіанскому утѣшенію, сравнивая суетное и кратковременное на землѣ пребываніе съ тою не старѣющеюся на небесахъ жизнію, которая днями, мѣсяцами и лѣтами не мѣряется; исчисляетъ добродѣтели усопшей Царевны, по которымъ почитаетъ ее достойною сего блаженства, и говоритъ:

„Сія помышляющу мнѣ, о печальные „слышателіе! приходитъ на мысль оное сло„во Господне о умершей дѣвицѣ: *не умре „дѣвица, но спитъ.* Како бо и сея дѣвицы „смерть наречемъ смертію? Не пачели из„бѣжаніемъ отъ различныхъ суетъ, отъ ча„янныхъ и незапныхъ печалей, отъ желаній „и высокія лица надеждою прельщающихъ;

„не паче ли кончину ея наречемъ сномъ хо-
„тя и скорымъ, но благовременнымъ, кото-
„рый не мечтаньми нѣкими душу ея обма-
„нываетъ, но прямымъ жениха своего Хри-
„ста лицезрѣніемъ увеселяетъ. Еще же и
„то приходитъ на мысль мнѣ, что Церковь
„поетъ въ воспоминаніе плѣненнаго Іосифа
„прекраснаго: *Іаковъ*, рече, *рыдаше Іосифо-*
„*ва лишенїя, доблїй же сѣдяше на колесницѣ,*
„*яко Царь логитаемль.* Тако воистинну и
„нынѣ мы плачемся о отшествіи отъ насъ
„Наталіи; Доблая же Наталія не во Егип-
„тѣ, но въ раю, не Фараону, но Царю цар-
„ствующихъ и Господу господствующихъ въ
„животѣ неразрушаемомъ и неотъемлемой
„радости соцарствуетъ.“

Сверхъ сихъ говорилъ онъ еще другія слова на погребеніе знаменитыхъ лицъ. Во всѣхъ оныхъ находимъ сильный слогъ, убѣдительное нравоученіе и плѣняющее краснорѣчіе. Но обратимся къ торжественнымъ и поздравительнымъ или привѣтственнымъ его словамъ. Первую изъ таковыхъ рѣчей

произнесъ онъ въ церквѣ Святыя Софіи, при посѣщеніи, какъ мы уже сказали, Петромъ Великимъ Кіевскаго училища. Съ какимъ восторгомъ начинаетъ онъ сіе слово! благодари (говоритъ Кіеву) радостной вѣсти, которая тебя не обманула: „Се обѣщаніе ея ис„полнися. Се очима зриши, его же умомъ „токмо разсматрѣвалъ еси. Се лономъ обье„млеши, его же въ сердцѣ носилъ еси.“ Потомъ, уподобя Кіевъ Іерусалиму, и приведя изъ Давида сказанный на приходъ самаго Царя славы стихъ: *Сынове Сїони возрадуются о Царѣ своемъ*, продолжаетъ: „наше „се есть пѣніе, намъ нынѣ свойственное: да „гласится сіе во вратѣхъ градскихъ; да слы„шано будетъ по стѣнамъ, по домамъ, по „стогнамъ; да поютъ сіе церкви; да изда„дутъ гласъ сей го́ры: наипаче же да воспѣ„ваетъ сія престольная Церковь премудро„сти Божія. Якоже бо, когда радуется чело„вѣкъ, и очи, и уста, и руцѣ, и нозѣ, и вси „прочія члены являютъ на себѣ нѣкое веселіе, „однако наибольшее движеніе радости въ „сердцѣ обитаетъ: тако аще и весь градъ

„сей исполняетъ нынѣшняя радость, однако „же на семъ мѣстѣ, аки въ сердцѣ градскомъ „множаѣ изобилуетъ. Здѣсь убо пріими отъ „всѣхъ торжественное привѣтствіе желае„мый гостю, вина веселія нашего, всей Рос„сіи Царю и повелителю.“ Послѣ чего съ полнымъ достоинствомъ сказаннаго толь великому Государю привѣтствія, описываетъ онъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали его градъ и Церковь Кіевская! Какъ желали увидѣть того, котораго преславный родъ долго на семъ мѣстѣ сидѣлъ на престолѣ, котораго праотцы здѣсь погребены и чудотворными дѣяніями сіяютъ? Потомъ, какъ бы не довольствуясь прекраснѣйшимъ описаніемъ толь радостнаго ожиданія, отъ одной красоты мыслей обращается къ другой, и прерывая самого себя, съ удивительною силою говоритъ: „Правда то, яко ты, пресвѣтлый „Монархо нашъ, и прежде произшествія „твоего присутствовалъ еси здѣсь, и всегда „обитаеши: обитаеши на судѣхъ правдою, „обитаеши въ Церквахъ поминаніемъ твоимъ, „обитаеши въ монастырѣхъ твоими мило-

„сиянiями, обитаеши во всемъ градѣ держа-
„вою, обитаеши во всѣхъ мысляхъ славою,
„во всѣхъ сердцахъ любовiю.“ Сей прекрасный оборотъ мыслей сдѣлалъ онъ для того, дабы возвратясь опять къ прежнему предложенiю своему, сказать, что сiе мысленное обитанiе и присутствiе возраждало еще большее въ нихъ желанiе увидѣть его и тѣлесными очами, увидѣть и возрадоваться. Какая (продолжаетъ онъ) по толикой жаждѣ сладость, когда мы того, котораго такъ долго ожидаемъ, искали, на послѣдокъ радостно обрѣтаемъ, видимъ, привѣтствуемъ!

Казалось бы довольно уже возвеличилъ онъ Петра, довольно присутствiе его изобразилъ вожделеннымъ; но нѣтъ! обширное воображенiе его придумало еще соединить въ лицѣ сего Монарха всѣхъ его предковъ и всѣ дѣла ихъ, дабы самыя тѣ мѣста, которыя удостоилъ онъ своимъ посѣщенiемъ, придали Особѣ его новое священство, новый блескъ и сiянiе. Онъ говоритъ ему:

„Въ Тебѣ отчичъ и наслѣдникъ мнится „намъ видѣти вся владычествованія; въ Тебѣ „отцы и праотцы твои. Колико Градъ сей „радуется, хвалялся предъ тобою ихъ память„ми, гробами и зданіями, то есть своимъ „и твоимъ сокровищемъ, которое аки общее „съ тобою имѣетъ Россія. Во истинну, пре„свѣтлый нашъ Монархо, го́ры сія аще бы „глаголати возмогли, похвалилися бы предъ „тобою древними вашими благочестія зна„меніями. Гдѣ бо здѣсь и ступити можеши, „идеже бы не узрѣлъ еси родства твоего „слѣдовъ! Мимо шелъ еси Церковь Богоро„дичну, десятиною прозываемую: то зданіе „есть благочестиваго и великаго Князя ро„доначальника твоего Владимира и Святаго „тѣлесе его сокровище. — Храмъ сей, въ „немъ же стоиши, отъ Ярослава созданный „есть, и его тѣло погребенное въ себѣ со„крываетъ. Пойдеши ли въ обитель, во Свя„тую и чудотворную Лавру Печерскую? Ту „создалъ Великій Князь Святославъ. Пойде„ши ли въ Монастырь Выдубицкій? Той воз„двигнулъ Великій Князь Всеволодъ. Пойде-

„ши ли въ Церковь Святаго Михаила Ар-
„хангела? Ту воздвигъ Святополкъ, и неоцѣ-
„ненным сокровищемъ, тѣломъ мучениче-
„скимъ обогатилъ. Пойдеши ли въ домъ
„Троицкій Кириловскій? То зданіе Княжны
„Кіевской Королевы, Польской Маріи Всево-
„лодовны. Пойдеши ли на Вышградъ? Тутъ
„Борисъ и Глѣбъ почиваютъ. Пойдеши во
„обитель Межигорскую, тутъ иждивеніе
„Великаго Князя Боголюбскаго. Что подроб-
„ну исчисляти дерзаю? Воззри на вся стра-
„ны Кіевскія: все то есть Царскаго рода
„твоего и преславныхъ его памятниковъ ани
„единая сосудовъ хранительница. Но не па-
„мять только и не самую кровь видитъ въ
„тебѣ Кіевъ помянутыхъ отецъ твоихъ;
„видитъ и познаваетъ въ тебѣ добродѣте-
„ли ихъ, и нравы, и обычаи. Видитъ побѣ-
„ды и ревность Владимирову. Той многія
„народы мечемъ плѣнилъ, и Россію Евангелі-
„емъ просвѣтилъ: ты многіи грады отече-
„скіи отъ ига Отгоманскаго и отъ узъ
„Еретическихъ мечемъ освободилъ еси. Ви-
„дитъ любомудріе Ярославово. Той писанія

„Божественная и иныя многія книги отъ „языку Еллинскаго на Славенскій преведе: ты „Академію въ Царственномъ твоемъ градѣ, „воздвигль еси, и вездѣ людьми учительны„ми разширяти мудрость непрестаеши. Ви„дитъ въ тебѣ градъ нашъ Святославово „благочестіе. Той основаніе Церкви Печер„ской рукама своима не устыдился копати: „ктожъ своима очима и тебѣ въ подобныхъ „дѣлѣхъ не токмо безсрамно и съ радостію „трудившагося не видѣ? Видитъ и иныхъ „праотецъ многихъ, ихъ же не токмо кро„вію наслѣдникъ еси, но и любленіемъ Вѣры „истинныя и благолѣпія Церковнаго, аки не „иныя, но тѣ же добродѣтели въ тебѣ ожи„вилъ еси. Когда же воспомянемъ любовное „ваше и согласное царствованіе блаженныя „памяти со Іоанномъ братомъ твоимъ, не „видимъ ли въ тебѣ братолюбія Святыхъ „страстотерпцевъ Романа и Давида? Се „есть истинное наслѣдіе, яко доброму род„ству уподобляшися, яко видимъ во древесѣхъ „и цвѣтѣхъ избранныхъ, который не токмо „видомъ послѣдуютъ роду своему, но добро-

„плодіемъ; не токмо лицемъ, но и благолѣ-
„піемъ подобны суть.“ Напослѣдокъ, по ис-
численіи многихъ дѣлъ Петровыхъ, кото-
рыми вознесъ онъ высоко славу свою и бла-
годенствіе Россіи, въ заключеніе слова своего,
обращаясь къ сему великому слушателю, го-
воритъ онъ: „но что тебѣ принесемъ въ
„даръ многихъ радостей, виновный гостю
„пресвѣтлый нашъ Монархо? Принесемъ все
„что, еже твое есть. Приносимъ тебѣ, бого-
„спасаемый сей отеческій градъ твой и Цер-
„ковь, всѣхъ сердца къ любленію, всѣхъ гла-
„вы къ подчиненію, всѣхъ колѣна къ поклоне-
„нію, всѣхъ очеса, руцѣ и ногѣ, къ потребѣ
„и службѣ твоей.... Пріими твоя отъ тво-
„ихъ.... Церковь Кіевская непрестанетъ о
„тебѣ возсылать моленія: да яко новаго се-
„го Сіона посѣтити не презрѣлъ еси, тако
„да благословитъ тя Господь отъ Сіона, да
„сотворитъ любима и пріятна всему оте-
„честву и людемъ твоимъ, страшна и не
„приступна врагомъ твоимъ, и на долгая
„времена въ жизни семъ побѣждающа и тор-
„жествующа да сохранитъ.“

Второе слово его было на Полтавскую побѣду. Онъ начинаетъ рѣчь свою привѣтствіемъ Петру Великому, яко побѣдителю. Говоритъ, что хотя толь знаменитое произшествіе не требуетъ похвальныхъ словъ: ибо само собою по всему свѣту гремитъ, и столько имѣетъ проповѣдниковъ, сколько людей, вѣсть сію услышавшихъ; однако (продолжаетъ) недолжно намъ, охраняемымъ оружіемъ твоимъ, пребывать въ безмолвіи, когда всѣ и чужеземные роды и страны велегласно о томъ вопіютъ. Что возбуждаемый толь неизреченною свыше дарованною радостію, хотя не можетъ онъ удержаться отъ прославленія сихъ его и воинства его великихъ подвиговъ; но чувствуетъ, что ежели бы имѣлъ онъ и тысячу устенъ и гортаней, то и тогда ни единая изъ нихъ не могла бы остаться праздною. Что когда Риторы приступаютъ къ похвалѣ чего нибудь, и хотятъ въ слушателяхъ произвесть удивленіе, то обыкновенно притворяются и говорятъ, будто возвѣщаемое ими превосходитъ всякую похвалу, и что не можно къ

изображенію того найти достаточныхъ словъ; но я (продолжаетъ онъ) не имѣю нужды въ семъ приворствѣ; ибо о сей предивной побѣдѣ всякъ, хотя бы и зависникъ намъ, засвидѣтельствуетъ, что оная есть дѣло во истинну не слыханное, дѣло преславное, котораго ни какой языкъ, ни какая быстрота витійственная изрещи не можетъ. Послѣ сего краснорѣчиваго приступа начинаетъ онъ превозносить силы и храбрость противника Петрова, Карла, о которомъ говоритъ, что дѣйствительно непріятель сей былъ таковъ, что быть отъ него не побѣжденну токмо, была бы уже великая слава, но что же побѣдить его, и побѣдить такъ преславно и такъ совершенно? Карлъ сей (продолжаетъ онъ) возгордясь могуществомъ своимъ и тѣмъ, что отъ многихъ другихъ народовъ почитался сильнымъ и славнымъ, возмнилъ презирать крѣпкія о Господѣ силы Россійскія. Здѣсь приличнымъ и величавымъ образомъ, описывая пространныя предѣлы Россіи, говоритъ онъ:

„Не безсиліемъ бо православное сіе Цар-
„ство толико разширися, яко вся Западная
„Государства противу величествіи его суть,
„аки рѣки противу безмѣрнаго Окіана, и уже
„прилично о немъ рещи оное Псаломское сло-
„во: *простре розги его до моря, и даже до*
„*рѣкъ отрасли его.* Не безсиліемъ дивыя на-
„роды, Казанскія, Астраханскія, и Сибирскія
„царства, и иныя на Востокъ и Западъ, на
„Полдень и Сѣверъ лежащія многочисленныя
„грады и страны укропи, и державѣ своей
„подверже. Обыди кто, или паче облети
„умомъ, начавъ отъ рѣки нашей Днѣпра до
„береговъ Евксиновыхъ на полудне, оттуду
„на Востокъ до моря Каспійскаго или Хва-
„лынскаго, даже до предѣлъ Царства Пер-
„сидскаго, и оттуду до далечайшихъ предѣ-
„ловъ едва слухомъ къ намъ заходящаго цар-
„ства Кипаехинскаго, и оттуду на глубо-
„кую полунощь до земли Новой, и до бре-
„говъ моря Ледовитаго, и оттуду на Западъ
„до моря Балтійскаго, до колѣ паки долгимъ
„земнымъ и воднымъ пропятженіемъ пріндеши

„къ помянутому Днѣпру: сія бо суть предѣ-
„лы Монарха нашего!“

Послѣ сего удивляется онъ, какъ непріятель могъ таковую державу презирать; но еще болѣе удивляется тому, что и самыя многократныя надъ нимъ побѣды гордости его не уменшали. Здѣсь находитъ случай упомянуть о всѣхъ сихъ побѣдахъ, отдавая справедливую похвалу войскамъ и предводителямъ оныхъ. По томъ продолжаетъ, что хотя событіе показало, что сія гордость непріятеля нашего была нѣкое ослѣпленіе, послужившее ему къ совершенной пагубѣ; однакожъ она придавала ему великую смѣлость, и что по справедливости не льзя отрицать того, чтобъ онъ не былъ весьма силенъ и храбръ; сверьхъ того знатнымъ богатствомъ въ Литвѣ, Польшѣ, Саксоніи, Силезіи, Курляндіи собраннымъ, сѝлы и способы свои чрезвычайно умножилъ; при томъ же хитростію и соблазнами успѣлъ многихъ людей ввесть въ заблужденіе и даже цѣлые города наши развратить; да и въ самой повѣ-

ренной отъ Петра Великаго особѣ Малороссійскомъ Гетманѣ Мазепѣ нашелъ предателя, открывшаго ему свободный путь въ нѣдра Россіи. Напоминаніе о сей измѣнѣ доставляетъ ему случай обратиться къ Петру Великому и сказать:

„Кто благоразсудный и православіе паше любящій не поболѣлъ о семъ? Что же „рещи о твоемъ сердцѣ, пресвѣтлѣйшій нашъ „Монархо, егда пріялъ вѣсть о нечаянномъ „семъ проклятаго и неблагодарнаго раба „отступствѣ? Вѣмы, яко сердце твое не ко„леблется страхомъ, не унываетъ въ зло„ключеніи, не боится военныхъ громовъ: ви„димъ бо тя нашихъ ради угодій вся угодія „опвергшаго, варъ и зной сносящаго, многія „и далекія пути подъемлющаго, и что не „дѣлающаго, кіихъ трудовъ отрицающагося? „О дабы тако вѣрно и трудолюбно служили „тебѣ Царю слуги и подданные твои, яко „же ты Царь сый слугамъ и подданнымъ „твоимъ служиши! Крѣпко убо и не движи„мо есть сердце твое, однако неуязвляемо

„сущи ни коимъ же бѣдствіемъ, люте, мню,
„уязвися неслыханнымъ симъ воспитаннаго
„и вознесеннаго тобою безсовѣстнаго раба
„неблагодарствіемъ: сія тебѣ въ брани сей,
„не иная нанесеся язва. Свирѣпая во истин-
„ну и лютая болѣзнь есть, аще кто, забывъ
„благодѣянія, ярымъ токмо на благодѣтеля
„окомъ воззритъ, чтожъ, аще ругатися, аще
„начнетъ наступати? Кто же сіе прокля-
„таго сего измѣнника не благодарствіе изре-
„щи возможетъ? За толикую любовь Мо-
„нарха своего, какой весь міръ удивлялся,
„толикую беззаконный показалъ вражду, ка-
„кой также весь міръ удивился. О кого сіе
„изступленіемъ не помрачитъ! Псы неугры-
„заютъ господъ своихъ, звѣри свирѣпые пи-
„тателей своихъ не вредятъ: лютѣйшій же
„всѣхъ звѣрей рабъ, пожелалъ угрысти ру-
„ку, ею же на толь высокое достоинство
„вознесенъ и на томъ крѣпко держимъ былъ.
„Дерзнулъ наступити на Царство того,
„отъ него же пріялъ область инѣмъ Цар-
„ствамъ равную. Не устрашился Хамова
„безстудія, не убоялся Іудина беззаконія, не

„вострепеталъ Аріева клятвопреступленія,
„не помыслилъ о священнѣйшей и не вреди-
„мой чести Христа Господня. Студъ и вредъ
„отечества нашего: лжетъ бо, сыномъ себя
„Россійскимъ нарицая, врагъ сей и ляхолю-
„бецъ! Хранися таковыхъ, о Россіе, и отвер-
„гай отъ лона твоего; аще ли ни, неот-
„статную уже претерпѣла бѣду: имаши все-
„гда носити змія въ нѣдрахъ твоихъ, и при-
„личествуетъ тебѣ гласъ Божій Іезекилю
„нѣкогда изреченный: *посредѣ скорлій живе-*
„*ши ты.* Таковыя убо скорби и смущенія,
„таковыя мятежи внутреннія со внутрь су-
„щимъ супостатомъ связавшіяся, кто ис-
„повѣсть, коликія труды и неудобства при-
„ложиша ко брани сей? Наипаче егда пле-
„вельными измѣнничими посланіями начаша
„смущатися нѣкіи грады, и прейдоша на
„страну супостатскую многочисленніи за-
„порожцы, и проявишася по многимъ мѣс-
„тамъ междоусобныя мятежи и нашествія,
„и ожидаху отъ Польши, и звааху отъ орды
„силъ помощныхъ: на коль многія здѣсь и
„различныя части нужно было раздѣлати

„воинство Россійское, ставити по крѣпо-
„стямъ градскимъ, посылати по всѣмъ пре-
„дѣламъ Царствія, посылати на укрощеніе
„мятежныхъ градовъ, на взысканіе бунтов-
„щиковъ и грабителей и убійцовъ, и внизъ
„Днѣпра до сѣчи, и въ предѣлы Польскіе на
„опраженіе спѣшащаго на помощь супоста-
„ту нашему втораго супостата незаконнаго
„Короля Польскаго. Умъ во истинну сму-
„щается, помышляя толикая неудобства:
„однако всѣмъ симъ и имымъ трудным дѣ-
„ламъ и нуждамъ совершенно удовлетворилъ
„еси премудрымъ твоимъ промысломъ и си-
„лою мужественнаго твоего воинства, пре-
„свѣтлѣйшій Монархо; и отсюду да позна-
„ютъ народы многомощную силу державы
„Россійскія: ме много бо Государствъ обря-
„щеши, яже бы возмогли толикая неудоб-
„ства купно понести и испразднити.“

Теперь можемъ мы видѣть съ какимъ искуствомъ Ѳеофанъ приготовилъ слушателя, дабы дать почувствовать ему всю важность и славу Полтавской побѣды, которую

уподобляетъ онъ второй Пунической брани, и о которой говоритъ, что предъ нею всѣ прочія битвы могутъ почесться миромъ и тишиною. Въ какихъ щастливыхъ обстоятельствахъ представилъ онъ Карла, и въ какихъ затрудненіяхъ Петра! Доведя такимъ образомъ слово свое до сего по истинѣ удивительнаго сраженія, бросаетъ онъ убѣдительное краснорѣчіе свое, и взявъ Гомерову трубу возглашаетъ:

„Довольно было бы къ совершенной сла-
„вѣ твоей, когда бы ты толь сильнаго вра-
„га только съ поля согналъ. Но что видѣло
„нынѣ поле Полтавское? о поле благополуч-
„ное! о поле достойное побѣдительными
„знаменіями и торжественнымъ нѣкимъ зда-
„ніемъ украшено быти, на вѣчную память
„толь преславной побѣды! Что видѣло ты
„какое зрѣлище на себѣ показало? Ужасно
„было видѣти возмущенный и Небесъ дося-
„зающій отъ праха и дыма военнаго облакъ!
„но еще ужаснѣе зрѣти безчисленныя повсю-
„ду летающія блистанія, и слышати непре-

„станныя страшныя громы! Казалось не „на земли, но на небесахъ творится брань, „и не оружіемъ, но молніями поражаютъ „себя противные полки. Въ таковой тьмѣ „и куреніи ясно на весь міръ блеснула слава „Россійскихъ воиновъ, и по средѣ толикихъ „бурныхъ волнъ непоколебалося мужественное „твое, Великій Монархъ, и воинства „твоего сердце. Когда отъ нестерпимаго „громогласія стенала земля, когда окрестныя „страны страхомъ двигалися, когда шумѣли лѣса прогоняемымъ отъ огня и грома „воздухомъ, когда на громкія воинскія рыканія страшнымъ рыканіемъ отвѣчали горы, „и смѣшенный съ прахомъ дымъ закрылъ „лице солнца, такъ что одни токмо оружные огни издавали свѣтъ: тогда не подвигнулись храбрость и мужество твоего воинства; не испустило оно ни вопля ни гласа; „внимало всѣхъ вождей своихъ повелѣніямъ и „и мановеніямъ; не преступило ни малой „черты ратнаго чина и закона; видѣло со„противъ безчисленныя идущія на себя смер„ти, не отвратило очей, неотступило

„вспять, но паче устремилось, и смерть „смертоносному нанесло супостату. Видѣло „себя среди такого огня, на который изда„лека зрящих оледенѣваютъ сердца; однако „еще сильнѣйшею воспламенилося ревностію „по Богѣ и Царѣ, по вѣрѣ и вѣрности, по „церкви и отечествѣ; ревностію, воспалив„шею въ немъ толикую дерзость, какой не „чаялъ увидѣть гордый врагъ, и не надѣялся „услышать весь міръ.“

По описаніи такимъ образомъ сей жестокой брани обращается къ Петру Великому и говоритъ:

„Что же речемъ о собственной твоей „храбрости, Великій Великихъ мужей вожде „и великихъ супостатовъ побѣдителю, Все„россійскій Монархо? Егда не слово токмо „твое и повелѣніе въ полки твоя на брань „препоясавшіяся посылалъ еси (еже единое „по Царственному чину довлѣяше), но со„вершая Царственное, купно совершилъ еси „и воинское дѣло, самъ высокимъ лицемъ

„твоимъ въ лице супостату противосталъ „еси самъ на первыя мечи, и копія, и огнь „устремился еси: страшный и славный по„зоръ! возрадовалась и купно вострепетала „Россія, узрѣвши сіе: возрадовалася, видящи „толикое мужество Царя своего, вострепе„тала же, единаго смертію вся умрети бо„ящися.“

Какое удивительное изображеніе трепета Россіи, смотрящей на Царя своего въ огнѣ и пламени! По семъ продолжаетъ онъ, что Богъ сохранилъ его въ брани; что посреди тысячи смертей, ни смерть, ни язва не приближилися къ нему, и прерывая самого себя говоритъ: „приближилася было (еже „не безъ страха и трепета воспоминаемъ) „приближилася было смерть явная къ Богомъ „вѣнчанной главѣ твоей, егда желѣзный же„лудь пройде сквозь шлемъ твой: но яко не „вреди главы, ся же вредомъ вся бы повре„дилася Россія, отсюду явѣ есть, яко ты „живеши въ помощи Вышняго. — Тотъ ввелъ „тебя въ страшный бой, кто и ополчился

„съ тобою; тотъ подвиг сердце твое итти „въ пламень военный, кто щитомъ своего „заступленія и оградилъ тебя.“ Потомъ сказавъ, что естьли бы Петръ не присутствовалъ въ сей брани, то побѣда не была бы толь совершенная, продолжаетъ:

„Нынѣ же что сотворися? да слышатъ „грады, и страны, и Царствія; да слышитъ „и удивляется весь міръ: многочисленное во„инство, многіи военачальники, и что боль„шее, вси главныи вожди и полководцы, сіе „есть вси столпы королевства Свѣйскаго „оружіемъ твоимъ сокрушенныи, твоему по„бѣдительному поклонишася Величеству, и „иже владѣти Россіею надѣяхуся, раби Рос„сійстіи сотворишася; прочіи же безчислен„нія поклоншеся единою, не воспаша, и ни„когда невостануть. Кое се наше блажен„ство? Кое благополучіе? Напоиша землю „нашу врази кровію, иже пришли бяху пити „кровь ея; отяготиша трупіемъ своимъ, иже „мысляху отяготити ю игомъ своимъ, по„вергоша себя подъ ноги намъ, иже на выя

„наша наступати готовляхуся. Что же рѣку
„о числѣ взятыхъ войсковыхъ знаменъ, ору-
„жій, запасовъ, корыстей, всего имѣнія, всѣхъ
„обозовъ? вся яже многимъ градомъ и наро-
„домъ отьяша, дароваху Россіи: аки бы не
„иной ради вины пришли къ намъ, токмо
„умрети и воинство Россійское наслѣдники
„благъ своихъ завѣтомъ написати. Видѣхомъ
„поле Полтавское (прейдемъ прочее) аки го-
„няще въ слѣдъ избѣгшихъ оттуду супо-
„статовъ, и да видимъ, какъ и неплодные
„подъ переволочнымъ брегы, множество по-
„бѣдительнаго Ваія въ пескахъ своихъ изра-
„стиша. О неслыханной въ народѣхъ побѣ-
„ды! Множае шестинадесяти тысячь ору-
„жіе носящихъ супостатскихъ воевъ избѣже
„съ пола ратнаго, и трепетнымъ бѣгствомъ
„аки крилами отъ страха израстшими, ско-
„ро устремися по брегомъ Днѣпровымъ, яко
„же сами помышляху, спасенія ради своего,
„а яко же вещію показася, не иной ради ви-
„ны, токмо, дабы не единою сопрены были,
„дабы не едино мѣсто и о нашей побѣдѣ и
„о ихъ побѣжденіи засвидѣтельспивовало.

Наконецъ, по описаніи достойнымъ и величественнымъ образомъ рѣшительной сей побѣды, и по исчисленіи народныхъ пользъ, отъ сего проистекшихъ, обращаетъ онъ рѣчь свою къ Петру Великому и говоритъ:

„Пій убо сіе свыше данное тебѣ вино „радости! услаждайся всенароднаго веселія „нектаромъ! отри побѣдительнымъ ваіемъ „поты твоя отъ вара военнаго источенныя! „красуйся и ликуй о мужественномъ пивоемъ „воинствѣ! Се видиши въ немъ великій плодъ „установленнаго тобою рыцарскаго ученія. „Соиграйте и вы, о крѣпкіи столпы и ада- „мантовы щиты отечества нашего и пра- „вославія, премудріи военачальницы, и воини „непобѣдиміи! облетитъ всю подсолнечную „громогласная слава, гласящая вашу и Царя „вашего храбрость, и рекутъ чуждіи роди: „достоинъ Царь таковаго воинства, и воин- „ство таковаго Царя.“ Въ заключеніе же, призывая на главу его помощь вышняго, возглашаетъ: „Не отступай и въ послѣдніе вѣр- „наго твоего служителя православнаго Мо-

„нарха нашего, ополчался окрестъ его, и „укрѣпляя оружіе его, дондеже истребятся „вси жестоковыйніи и непослушливіи рабы; „дондеже покорятся вси воспающіи намъ „врази, дондеже вси языцы бранемъ хотя„щіи, крайнимъ ударении страхомъ, уших„нутъ и не рекутъ, гдѣ есть Богъ ихъ? но „купно съ вами прославятъ его.“

Другія, говоренныя имъ въ царствованіе Петра Великаго рѣчи суть: 1-я Меншикову. 2-я На рожденіе Царевича Петра Петровича. 3 я Въ день нареченія его наслѣдникомъ престола. 4-я На воспоминаніе Полтавской побѣды. 5-я Петру Великому отъ имени всего народа, при возвращеніи его изъ чужихъ краевъ. Всѣ сіи слова показываютъ въ Ѳеофанѣ ученаго, остроумнаго, глубокомысленнаго и краснорѣчиваго проповѣдника дѣлъ Петровыхъ. Мы могли бы многія отличныя мѣста показать изъ оныхъ, но поспѣшимъ привесть еще одну краткую рѣчь его, которая, какъ по обстоятельствамъ, такъ и по сосгаву своему, достойна особливаго внима-

нія. Петръ Великій по долгомъ отсутствіи возвращается изъ путешествія своего по чужимъ странамъ въ Царствующій градъ свой Санктпетербургъ, вступаетъ въ чертоги свои, въ домъ свой. Сынъ его Петръ Петровичъ былъ тогда двулѣтній младенецъ. Какая встрѣча отцу: Ѳеофанъ, держа на рукахъ сего младенца, говоритъ, какъ бы его устами, привѣтственную рѣчь Великому своему родителю! Рѣчь необычайная, удивительная, въ которой онъ, какъ бы сливъ себя съ малолѣтнимъ Петромъ, отраслемъ Великаго Петра, показалъ искуснѣйшимъ и новымъ образомъ въ младенцѣ оратора, и въ ораторѣ младенца. Онъ говоритъ его устами:

„Срѣтая Величество твое, пресвѣтлѣй-
„шій родителю, жалуюся на натуру мою,
„яко не поспѣшившую устроити мнѣ органы
„тѣлесныя, ими же бых возгласилъ тебѣ
„душевное усердіе. Играетъ сыновняя лю-
„бовь на приходъ Отеческій, но радость
„орудія своего не имѣетъ, есть въ сердцѣ
„избытокъ, но не глаголютъ уста. О ску-

„достиг твоея возрасте мой! Како не доволь-
„лень еси къ толикому веселію во время все-
„народнаго къ Царю своему привѣтствія?
„Первый азъ въ желаніи, послѣдній въ словѣ
„обрѣтаюся. Но не противно буди тебѣ,
„превожделѣнный гостю, яко чуждаго заим-
„ствую гласа, чій либо языкъ есть, но мой
„истый духъ, мое искреннее сердце привѣт-
„ствуетъ тебе. Къ чему бо желалъ быхъ
„моея собственныя рѣчи, развѣ бы должае не
„видѣти лица твоего. И такъ, мнится ми,
„большее пребыхъ время въ разлученіи съ
„тобою, нежели въ жизни моемъ; изшедъ бо
„отъ утробы матернія, едва мало что на
„порфировомъ лонѣ твоемъ покоихся, ощу-
„тихъ себе лишенна толикаго блаженства:
„сі есть проникшу цвѣту удалися солнце, и
„по краткой веснѣ найде зима долгая. Два-
„жды видѣхъ лѣтнюю на земли и воздусѣ
„премѣну, а мнѣ непремѣнное было стучи-
„тельное время. Въ Палатѣ гласилася точію
„типла Царская, въ дому точію имя роди-
„тельское, самого же Царя и родителя ви-
„дѣти далекихъ странъ щастіе было. Но

„таковыя нужды нашея вина есть, общее „всего государства добро. Сіе тебѣ велитъ „не радѣти о тебѣ, сіе тебя понуждаетъ „оставляти насъ. Добрѣ се, и тако подо„баетъ. Согласуетъ въ семъ тебѣ и мое „сердце, яко своему корению отрасль, еди„нымъ и тѣмъжде духомъ движимое, и уже „поощряетъ вскочити въ слѣды твоя, аще „бы немощь возраста не воспящала. Но „благо пришелъ еси, долго мнѣ, долго всему „отечеству ожиданный отче. Ибо, которая „вина отъемлетъ тебя отъ насъ, тая же и „возвращаетъ, едина всенародная польза. И „собственную мою приходомъ твоимъ обрѣ„таю корысть. Къ самымъ бо стопамъ тво„имъ припадая, ощущаю въ себѣ растѣніе „духа, колми паче на лоно родительское „возносимый. Здѣсь отъ умиленныхъ лобза„ній твоихъ пію любовь къ роду нашему „толикую, яко и имя Россійское сладко мнѣ; „тѣсными же обьятіями связуемый слышу „въ себѣ распространяющееся сердце, и рев„нительный нѣкій жаръ сквозь всего мене „проходящій: не толи военный глаголемый

„огнь, которымъ славятъ тебе быти стра-
„шна врагомъ отечества нашего? Благосло-
„венъ Господь Богъ мой сподобивый мене
„толикаго родителя. О дабы скоро прете-
„шли отроческія лѣта мои! еже бы возмо-
„щи мнѣ за тобою и съ тобою пещи путь
„твой, родителю державнѣйшій! лобызаю
„нынѣ скипетръ твой, яко вѣрный подданный,
„паче же хотѣлъ быхъ прославити его служ-
„бою моею. Но понеже прекланяеши мнѣ
„оный и въ наслѣдное пріятіе, обручаю его
„перстнемъ, сіе есть узомъ сердечнымъ обье-
„млю. Но въ твоихъ еще рукахъ держи сей
„Всероссійскій Монархо! держи сей побѣди-
„тельною десницею, дондеже и моя подра-
„жаніемъ дѣлъ твоихъ сильна и крѣпка къ
„державѣ явится, дондеже малаго Петра
„твоего покажетъ Богъ достойна вторымъ
„по тебѣ нарещися Петромъ: тебя же позд-
„нѣйшимъ преклоненна вѣкомъ, позоветъ къ
„лучшему наслѣдію Царь славы Христосъ.“

Въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны говорилъ онъ также многія рѣчи,

изъ которыхъ въ краткомъ словѣ на Коронацію исчисляетъ различныя печали, какія она въ жизнь свою претерпѣла: „Но нынѣ „(говоритъ) уподобилъ тебя Богъ не именемъ „токмо, но и дѣломъ, тезоименитой Твоей „Святой Аннѣ пророчицѣ; можетъ бо много„бѣдное вдовство твое сравнится вдов„ственному ея многолѣтію, и какъ со оною, „такъ и съ тобою былъ милостивый Гос„подь, въ скорбѣхъ сохраняя вамъ благодать „свою по имени вашему: оную сподобилъ „дождатися видѣти пришествіе во плоти „Христа своего; тебѣ же благоволилъ и ра„доватися во Христѣ, и Христовой типлы „(о чемъ нынѣ радуемся) получити участіе. „Благоизволилъ первѣе носити тебѣ сро„шинное и вдовичее врепище, а потомъ во „славу сію облещися. — Уповай на Господа, „и яко гора Сіонъ не подвижишися, возложивъ „на того, имъ же Царствіе Царствуютъ, и „утвердитъ Царство твое нерушимо.“

На другой годъ, въ тотъ же день Коронаціи, говорилъ онъ второе слово свое,

которое въ отрывкахъ только сохранилося. Въ немъ весьма краснорѣчиво распространяется о необходимости верховной власти, исчисляя и представляя живыми изображеніями, сколь человѣческія страсти не обузданны, и что безъ предержащихъ властей, силою всего народа, паче же отъ Бога, вооруженныхъ для охраненія общества отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ злодѣевъ, давно бы земля была пуста и родъ человѣческій истребился. Наконецъ обращаясь Монархинѣ говоритъ: „ты приняла престолъ: „обрадовался утѣсненный; устрашились чуж„дые, вострепетали домашніе враги. Ты „украсила главу свою Императорскою Ко„роною: возвеличились главы смиренныхъ, гор„дые же уронили роги свои.“

Третью краткую поздравительную рѣчь говорилъ онъ на пріѣздъ Императрицы въ Новгородъ. Здѣсь также разсыпаны вездѣ цвѣты краснорѣчія. Въ заключеніе же сказано сіе прекрасное желаніе: „когда мы при„вѣтствуемъ тебя, не такъ тебя какъ са-

„михъ себя поздравляемъ. Тебѣ же толикаго „празднованія нашего виновницѣ должны же„лати, и желаемъ отъ всещедраго Бога на„шего всѣхъ требуемыхъ тобою благъ воз„даянія, да тако премудростію своею у„строитъ сердца подданныхъ твоихъ, чтобъ „тебя не отъ страха, но отъ любви сынов„ней почитали, и чтобъ не на силу твою, „но на свою совѣсть взирая, и не твоего, „но Божія гнѣва опасаясь, повиновались „тебѣ. “

Въ четвертомъ словѣ своемъ на воспоминаніе Коронаціи, сильными доводами собственныхъ разсужденій своихъ, подкрѣпленныхъ приводимыми изъ Священнаго Писанія словами, доказываетъ онъ обязанность повиновенія и вѣрности подданнаго, яко члена Отечества, къ главѣ онаго Царю своему. Выводитъ, въ чемъ состоитъ прямой долгъ сына Отечества, и говоритъ, что хотя окружающіе престолъ льстецы и лицемѣры, жертвуя общее благо корыстни своей, могутъ иногда притворствами и угожденіями своими

укрыться отъ гнѣва обманутаго ими Государя, но не укроются отъ гнѣва Божія. Сказавъ сіе восклицаетъ: „коль страшно впа„сти въ руце Бога живаго! о естьли бы сіе „всякъ подданный воспоминалъ! о естьли бы „неиспускали сего изъ мысли своей и малые „и великіе, и вышніе и нижніе, и мірскіе и „духовные, коль благословенное въ Отечес„пвѣ было бы состояніе, и Государи далее„че вящшее имѣли бы себѣ безопасіе отъ „сего единаго, нежели отъ многаго храни„тельнаго оружія!“

Въ пятомъ словѣ своемъ на воспоминаніе о возшествіи на престолъ разсуждаетъ онъ о томъ, что власть земная происходитъ отъ Бога. Доказываетъ сіе Божественными писаніями и многими историческими примѣрами, наипаче же примѣромъ самой Императрицы, выводя, что въ возведеніи ея на престолъ явно оказалась воля Божія. Здѣсь, приведя изъ Евангелія приличные сему слова: *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже хощетъ, даетъ его*, при-

совокупляетъ онъ къ тому сіе громкое, убѣдительное восклицаніе: „О свидѣтельство „твердое, сильное, ненарушимое! кто бо сіе „глаголетъ? глаголетъ неложный, и которо„му не возможно солгати; глаголетъ вся „премудростію творящій; глаголетъ носяй „всяческая глаголомъ силы своея; глаголетъ „той, который вся словеса своя сильнымъ „симъ изреченіемъ запечатлѣлъ намъ: *небо и „земля мимо идетъ, словеса же моя не мимо идутъ.*“

Наконецъ шестое слово свое, сильное, достопамятное, и по щастію въ цѣлости сохранившееся, говорилъ онъ въ 1734 году, также на Коронацію. Въ семъ словѣ разсматриваетъ онъ разные образы правленія, исчисляетъ сопряженныя съ каждымъ неудобства, и многими историческими примѣрами доказываетъ преимущество самодержавія, а особливо въ странахъ обширныхъ и многими народами населенныхъ. Больше же доказываетъ сіе Россійскою Исторіею, говоря, что Рюрикъ былъ Самодержавный Государь, и

что отъ него даже до кончины правнука его Святаго Владимира Россія была Монархія, или Самодержавіе, въ чемъ согласны всѣ лѣтописцы. „Что же? (продолжаетъ) каково „было состояніе, какова сила Россійская? „Славна Россія была и страшна не только „близкимъ сосѣдямъ, но и дальнимъ государ„ствамъ, не токмо держава ея до Дуная про„стиралась, но и за Дунай перешла, а ору„жіе Руское проницало даже до Константи„нополя, не только по землѣ, но и по морю „Черному. О чемъ разныя о тогдашнихъ на„шихъ успѣхахъ въ бытописаніяхъ имѣемъ „свидѣтельства, но за краткостію времени „привесть оныя здѣсь не можемъ. Потомъ „превеликое государство сіе разсѣклось на „разныя многія Княженія, а со временемъ и „на множайшія, и потому малыя. Хотя же „и были тѣ яко бы Монархіи, званія сего „впрочемъ недостойныя; но тѣло всея Рос„сіи приняло на себя видъ Аристократіи: „ибо хотя великій Владимиръ при своемъ „во вѣчная отшествіи, раздѣляя Государство „сынамъ своимъ, заповѣдалъ имъ быти за

„одно, да не то сдѣлалось: раздѣленные Кня-
„зи удѣлами владѣнія, раздѣлились и любовію.
„Скоро общая сила стала уменьшаться. Рос-
„сія обратила мечь свой не столько на ино-
„странныхъ супостатовъ, сколько на свою
„утробу. О Боже, какъ печальная и ужасная
„болѣзнь удручала народъ сей! Возми кто
„какую нибудь Рускую лѣтопись, и хотя не-
„радиво перебирая по листамъ, ни чего боль-
„ше не увидишь какъ междоусобныя по всю-
„ду кровопролитія, раззоренія и сожженія
„городовъ, людей побѣги и всякія бѣдства.
„Ничего больше не усмотришь, только убій-
„ственныя повѣсти: того лѣта Князь Ря-
„занскій ходилъ на Князя Смоленскаго: ино-
„го лѣта Князь Черниговскій ходилъ на Кня-
„зя Переяславскаго: тожъ и о Тверскихъ,
„Суздальскихъ, Ростовскихъ, Брянскихъ, По-
„лоцкихъ Князьяхъ, и о самыхъ Кіевскихъ, а
„попомъ Московскихъ, и о другихъ боль-
„шихъ и меньшихъ. Мало гдѣ такой годъ
„выберется, въ которомъ бы не было тако-
„выхъ походовъ разорительныхъ. Часто най-
„дешъ написано: *и бѣ сѣча зла.* Дивно во ис-

„тинну, аки бы сильнымъ нѣкіимъ чародѣя-
„ніемъ возбуждены были владѣтели другъ на
„друга нападати, то одно ихъ почитай и
„дѣло, такъ легко воевать на однородныхъ,
„какъ бы на охоту ѣздить. Хорошее ли то
„было состояніе? Совершенное ли то здра-
„віе? не жестокал ли паче скорбь и немощь?
„Всюду скудость и при ней грубость наста-
„ла; нѣтъ мѣста ученіямъ, какъ философ-
„скимъ такъ и Богословскимъ; нѣтъ мѣста
„честнымъ художествамъ. — Но то еще не
„крайнее зло, не конецъ уже болѣзнямъ. До-
„ждалась того Россія, что на выю ея, на
„храбрый нѣкогда и побѣдительный народъ
„Славенскій, имени своего достойный, нале-
„гло мерзкое купно и тяжкое иго Татарское.
„О многобѣдное Отечество! гдѣ твои преж-
„нія величія и велелѣпія? гдѣ громкія движе-
„нія? гдѣ доблести твои побѣдоносныя? Усо-
„мнился весь міръ, какъ толь великое и храб-
„рое многонародіе, попустило себя попрать
„варварамъ, аки бы мертвое и крѣпкимъ
„сномъ уснувшее! да нельзя было не такъ:
„какъ могло тѣло хотя и великое, но на

„части разсѣченное, противустоять, хотя „бы и гораздо меньшему себя супостату? „что же тогда воспослѣдовало? О крайнее „бѣдствіе! О какъ сердце трепещетъ воспо„минати и возобновляти неописанную го„ресть, и аки бы раздирати рану, которая „давно уже, слава Богу, зажила! того ради „скоро, и аки бы устремленнымъ бѣгомъ ко„снемся только нѣкіихъ, а не всѣхъ злоклю„ченій: описанія и оклады варварскія; изну„реніе имѣній не на охраненіе наше, но на „вящшее врагамъ порабощеніе; многіе въ пе„пелъ обращенные городы, всѣхъ Князей „студныя раболѣпствія, ихъ же многихъ узы „и темницы, и казни смертныя и частыя „многолюдныхъ жителей посѣченія. Умножа„ли и сами наши Татарскую ярость, и свою „погибель, то бездѣльными смутами, то „разсѣяваемыми другъ на друга и братъ на „брата клеветами; но кто изочтетъ бѣды? „Одной только еще забыть не надлежитъ: „принуждены были великіе Князи Москов„скіе на деньгахъ своихъ Арапскими письме„нами выбивать символъ Магометанскій:

„*Богъ единъ есть Богъ, и Магометъ Ало-*
„*столъ Божій*, какъ изъ находящихся денегъ
„погдашнихъ явно и ясно. Чегожъ еще злѣй-
„шаго ожидати было, кромѣ того, что со-
„временемъ потеряти и вѣру Христіанскую?
„часто же мнѣ приходитъ удивленіе, для
„чего Цари Татарскіе не отняли намъ ору-
„жія, какъ обычно дѣлается съ плѣнными на-
„родами? Чуть ли, думаю, не для того, что
„они, видя и порабощенныхъ себѣ Князей
„Русскихъ непрестанно другъ на друга напа-
„дающихъ, нарочно оружія имъ не отнимали,
„чтобъ имѣли они чемъ себя самихъ между-
„усобно разоряти, а потомъ и въ конецъ
„истребити.

„Но не то о народѣ нашемъ промы-
„шлялъ милостивый Богъ, чего хотѣли лю-
„тые Божіи и наши враги; когда всему міру
„казалось, что кончится Россія, тогда воз-
„двигла ее десница Вышняго; воздвигла отъ
„престарѣлой дряхлости въ бодрую юность,
„отъ крайняго изнеможенія въ силу, отъ
„гнуснаго бесчестія въ славу. Но какъ то

„совершилъ дивный въ судьбахъ Господь? Не „употребилъ преестественнаго нѣкоего дѣй- „ствія, непотопилъ мучителей нашихъ въ „водѣ, яко же Фараона, не разорилъ ихъ крѣ- „постни мѣкимъ гласомъ трубнымъ, яко же „Іерихонскую, не умертвилъ полчища ихъ „невидимою рукою Ангельскою, яко же Сен- „нахеримовы: дѣло естественное премудрымъ „образомъ произвелъ: оставилъ то, чемъ мы „было погибли, и возвратилъ то, чемъ мы „прежде были крѣпки и сильны: упразднилъ „многоначаліе, а велѣлъ быть самодержавію, „и все иное пошло. Варвары, оные ругатели „наши, посрамлены отъ насъ и покорены „намъ, хищники наши стали наши данники, „и которые на выяхъ нашихъ сидѣли, подъ „ноги упали намъ. И хотя дивное было дѣло „Божіе во обновленіи Монархіи Россійской, „но не дивны таковые плоды ея. Сей прави- „тельства образъ, а не иной твердыхъ насъ „дѣлаетъ; сей насъ, яко спрѣлы особь не „трудно преломляемыя, во единъ пукъ свя- „зуетъ, и сокрушенія боятися намъ не ве- „литъ; сіе владѣніе, а не иное сдѣлало съ Та-

„царскимъ надъ нами владѣніемъ то, что „Псаломникъ о звѣряхъ дубровныхъ поетъ, „которые въ нощи корму себѣ ищутъ а ко„гда солнце возсіяетъ, ложатся въ ложахъ „своихъ. По кончинѣ Владимира Великаго, „аки бы по захожденіи солнца, ночь темная „и долгая была въ Россіи. И не дивно, что „свирѣпые звѣри напали и жирную себѣ взы„скали было пищу, имѣніе и пѣло ея угры„зая. Возсіялъ же паки, яко солнце, Скипетръ „Самодержавія, и дивые оные скимны легли „въ ложахъ своихъ. Въ какихъ ложахъ легли? „Первые Россійскимъ поражены оружіемъ, „легли въ ровъ смертномъ, а другіе во удоліи „подданства лежатъ. Тако Россія монарше„скою рукою, а не многими разслабленными „руками, не только свергла съ себя иго вра„жіе, но и свое ярмо на выю враговъ своихъ „надѣла. Да одно ли только сіе благополу„чіе? Когда Россія многобѣдная на разныя „части разсѣчена была, тогда Россіи сы„скати въ Россіи было трудно, а когда чле„ны своя союзомъ единовластія во едино паки „Государство собрала, и аки бы сраслась во

„едино тѣло, тогда не только вышеупомя-
„нутыхъ пиратовъ своихъ подъ своя нози
„подвергла, но сверьхъ того превеликія и
„дальнія Царства и Княженія приняла подъ
„крилѣ свои.“

По изображеніи такимъ образомъ великаго съ Россіею приключенія, продолжаетъ онъ приводить разныя свидѣтельства, въ какое уваженіе пришла опять Россія у чужестранныхъ народовъ. По томъ говоритъ, что по истребленіи Растриги и при избраніи на Царство Шуйскаго, нѣкоторые вельможи по слѣпотѣ гордости и властолюбія склонили его вошедъ въ церковь отрещися отъ единовластія, и хотя народъ громкими голосами возопилъ: *не хощемъ сего, не быти у насъ добру*, а потомъ въ другой и въ третій разъ: *не клянись на такое дѣло, лучше и не царствовати*; однако Шуйской, опасаясь избирателей своихъ, утвердилъ намѣреніе свое присягою. Тогда (продолжаетъ) вторично впоргнулось въ Россію многоначаліе, низвергшее паки ее въ безчисленныя бѣд-

ствія; тогда непріятельская сила, на подобіе движимаго бурею пожара, по всюду скоро разпространилась, и всѣ предѣлы Россійскія охватила. На конецъ по возобновленіи Самодержавія со временъ Царя Михайла Ѳеодоровича, подробнымъ исчисленіемъ произшедшихъ въ Россіи перемѣнъ, представляетъ ее на высотѣ славы.

Въ торжественномъ словѣ на взятіе города Гданска не одинъ въ Ѳеофанѣ видѣнъ краснорѣчивый, но купно и Государственный человѣкъ, проницавшій въ самыя тайныя тогдашнихъ дворовъ намѣренія и связи. По описаніи злыхъ на Россію непріятельскихъ хитростей и умысловъ, отъ которыхъ (продолжаетъ онъ) „Естьли бы не крайнее раз„зореніе, то однакожъ такое неспокойное „пребываніе намъ послѣдовало, что бы мы „принуждены были ни о чемъ иномъ не по„мышлять, какъ только о томъ, какъ бы „со дня на день жизнь свою охранять и „оборонятьсл, подобно тому, когда Израиль„тяне, созидая, по возвращеніи изъ плѣна

„Вавилонскаго, Іерусалимъ, одною рукою „строили стѣну, а другою мечь держали.“ По описаніи, говорю, сихъ умысловъ, разрушенныхъ взятіемъ города Гданска, восклицаетъ онъ: „да познаютъ отселѣ враги на„ши, что мечь Рускій не притупился; да „научатся, какое небезбѣдное дѣло льва спя„щаго будить; какая вредная гордость миро„любивую дружбу нашу вмѣнять намъ въ не„мощь и ослабленіе; да будутъ извѣстны, „что Россія имѣетъ въ оружіи силу, въ со„вѣтахъ мудрость, въ потребномъ довольство, и ко великимъ дѣйствіямъ бодрую жи„вость.“

Слово говоренное имъ въ 1735 году на освященіе въ Зимнемъ Дворцѣ новосозданной Церкви, исполнено также многими красотами и сильнымъ нравоученіемъ: „Достохваль„ное дѣло совершила ты (говоритъ онъ Им„ператрицѣ), что въ толь великолѣпномъ „дому твоемъ, толь прекрасный домъ Божій, „и домъ молитвы построити благоволила.— „Чудное зрѣлище благочестія, свѣтлое зна-

„меніе боголюбія твоего, ясное лице владѣ-„тельнаго духа, купноже и дивное украше-„ніе, не токмо высокопрестольной палаты „сея, но и всего царствующаго града, и все-„го отечества нашего. Но не требуетъ „зданіе сіе похвалы нашея, какъ не требуетъ „солнце указанія, само собою хвалимое, и „единаго токмо зрѣнія требующее.“ Въ семъ словѣ, между прочими поученіями, весьма остроумно истолковалъ онъ нѣкоторые стихи Давидовы, такожъ и обыкновенное въ Церквахъ предъ выносомъ Евангелія взываніе къ предстоящимъ: *прему гростъ прости услышимъ*. „Слово *прости* (говоритъ онъ) зна-„читъ *прямо*, и относится къ древнему „обычаю, чтобъ сѣдящія востали; а намъ „нынѣ внушаетъ мысль, дабы и стоящимъ „намъ не сидѣлъ и не лежалъ въ уныніи духъ „нашъ.“

Сверьхъ упомянутыхъ здѣсь торжественныхъ словъ находимъ мы еще въ сочиненіяхъ его осмнадцать проповѣдей, исполненныхъ подобной же силы и краснорѣчія, какое ви-

дѣли мы въ краткихъ приведенныхъ нами примѣрахъ. Богатство ихъ неистощимо; но пространнѣйшее показаніе оныхъ вывело бы насъ изъ предѣловъ нашего чтенія; для того сокращая разсужденія о томъ наши, надѣемся, что хотя немогли мы въ полной мѣрѣ удовлетворить любопытству почтенныхъ посѣтителей: ибо изъ малаго и скораго обозрѣнія нѣкоторыхъ отдѣленныхъ частей не возможно дать ясное и совершенное понятіе о красотѣ и великолѣпіи всего зданія; однакоже сіи краткія и можетъ быть не съ такимъ какъ должно искусствомъ приноровленныя мною показанія довольно уже свидѣтельствуютъ, какова имѣемъ мы въ Ѳеофанѣ великаго проповѣдника, и что любители словесности, читая его, могутъ находить въ немъ то, что Греки находили въ Златоустахъ своихъ и Димосѳенахъ, а Римляне въ Цицеронахъ.

А. Шишковъ.

КЪ МОЕМУ ГЕНІЮ.

Мой Геній благотворной!
Вокругъ меня летай,
Тебѣ любовью сродной
Храни и осеняй;
Стреги мою ты душу
Отъ пагубныхъ заразъ:
Я совѣсть коль нарушу,
Дай слышать мнѣ твой гласъ.
Коль завистью, отмщеньемъ
Вспылаетъ кровь когда,
Ты тихимъ дуновеньемъ
Гаси мой огнь тогда.
А гордости уставы
Смиреніемъ рази.
Лучи блестящей славы
Отъ сердца отрази.
Учи меня сражаться
Съ мірскою суетой;
Страстямъ сопротивляться
Учи разсудокъ мой.
Ты въ горести, въ напасти
Мнѣ силы подавай,

И въ самой люшой части
Роптать не допускай.
Учи повиновенью,
Терпѣнію учи,
И сердца къ просвѣщенью
Дай свѣта зрѣть лучи.
Не дай мнѣ усумниться
Въ безсмертіи моемъ,
Небеснымъ вспламениться
Учи меня огнемъ,
И путь мнѣ въ жизнь нетлѣнну
Чрезъ истинну кажи,
Меня изнеможенну
Ты въ духѣ поддержи.
Бороться со страстями
Есть жребій въ жизни мой.
Меня любви крылами
Мой Геній ты покрой! —

Княжна Катерина Урусова.

БАСНИ.

I.

КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то поваръ грамотей
Съ поварни побѣжалъ своей!
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ.)
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что-же возвратясь онъ видитъ? на полу
Объѣдки пирога — а васька котъ въ углу
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ
Мурлыча и ворча трудится надъ курченкомъ. —
Ахъ ты обжора! ахъ злодей!
Тутъ Ваську поваръ укорлетъ.
Не стыдноль стѣнъ тебѣ, не только что людей—
(А васька все таки курченка убираетъ.)
Какъ бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ—
Бывало за примѣръ тебя смиренства кажутъ.
А ты! — ахти какой позоръ! —
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ васька плутъ! котъ васька воръ
И ваську-де не только что въ поварню
Пускать не надо и на дворъ.

Какъ волка жаднаго въ овчарню.
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ—
(А васька слушаетъ да ѣстъ) —
И уже риторъ мой давъ волю словъ теченью
Не находилъ конца нравоученью —
Но чтожъ? пока его онъ пѣлъ —
Котъ васька все жаркое съѣлъ.
А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому
Гдѣ нужно власть употребить.

II.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгоши
Напорговали денегъ гору,
Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору? —
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ;
Какъ вдругъ кричатъ что въ домѣ ихъ пожаръ.
Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!
Кричитъ одинъ изъ нихъ — ступайте!
А нашъ раздѣлъ и послѣ мы сведемъ.
Мнѣ только тысячу мою сперва додайте,
Шумитъ другой!
Я съ мѣста не сойду долой —
Мнѣ двѣ не додано — а вотъ тутъ щеты ясны,
Еще одинъ кричитъ — нѣтъ, нѣтъ мы не согласны
Да какъ, когда, и почему? —
Забывши что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,

Что захватило их въ дыму
И всѣ они со всемъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которые гораздо поважнѣй,
Не рѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что, чемъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

Иванъ Крыловъ.

ИЗВѢСТІЕ

О НОВЫХЪ ПРИСЫЛАЕМЫХЪ ВЪ БЕСѢДУ СОЧИНЕНІЯХЪ.

Первый долгъ бесѣды есть пещися о пользѣ словесности. Для того положила она себѣ правиломъ, позволять упражняющимся въ словесныхъ наукахъ читать сочиненія свои предъ почтенными посѣтителями, наблюдая, сколько возможно, чтобъ оныя достойны были ихъ вниманія. Но превосходныя творенія рѣдки: цѣлые вѣки протекаютъ иногда безъ появленія оныхъ. При томъ же созрѣвшій талантъ не столько требуетъ ободренія, сколько вновь раждающійся и возникающій; ибо даръ краснорѣчія не вдругъ появляется, но сперва смѣшенный съ недостатками начинаетъ изрѣдка блистать, доколѣ со временемъ придетъ въ силу и потечетъ равнымъ и высокимъ духомъ, какъ Нева, чистотою водъ и величавымъ шествіемъ своимъ предъ многими рѣками красная. По сей

причинѣ бесѣда не можетъ и не должна въ избираніи чтеній своихъ поступать съ чрезмѣрною строгостію; ибо въ такомъ случаѣ сдѣлалась бы она сама судіею писателей, не допуская ихъ слышать о себѣ судъ многочисленнаго, просвѣщеннаго и безпристрастнаго собранія. А въ семъ-то самомъ и состоитъ главная польза, поелику степень удовольствія, возбуждаемаго въ слушателяхъ, служитъ или великимъ ободреніемъ, или поучительнымъ наставленіемъ тому, кто предстаетъ предъ нихъ съ своимъ произведеніемъ. И такъ чтеніе предъ посѣтителями, раждая въ писателяхъ ревность, приноситъ существенную пользу словесности. Но бываютъ такія сочиненія, которыя хотя и весьма достойны вниманія почтенныхъ слушателей, однакожъ оныя, по причинѣ величины своей, или по инымъ обстоятельствамъ, не могутъ быть прочтены въ собраніи. О таковыхъ сочиненіяхъ, дабы не прейти о нихъ молчаніемъ, и не лишить слушателей удовольствія, писателей же лестнаго для нихъ ободренія, полагаемъ мы за нужное извѣщать почтенное собраніе краткими изъ нихъ выписками. Нынѣ имѣемъ мы два таковыхъ сочиненій присланныхъ въ бесѣду. Первое подъ названіемъ: *Опытъ учебнаго предначертанія Россійскому Юношеству*

Греческаго языка. Сочинитель онаго весьма справедливо разсуждаетъ, что для процвѣтанія и разпространенія словесныхъ наукъ въ Россіи, Греческой языкъ, толь сродный съ Славенскимъ, и который былъ свѣтиломъ просвѣщенія всѣхъ народовъ, долженъ быть первѣйшимъ основаніемъ нашей учености, — Но дадимъ ему самому сказать свои мысли. Онъ говоритъ:

„Благотворная заря наукъ, словесности и „многоразличныхъ златою цѣпію сопряженныхъ „между собою познаній, уже возстаетъ и раз„стилается по Сѣверному Отечественному не„босклону. Россія, пожертвовавшая своимъ бла„годенствіемъ для огражденія Европы отъ опу„стошительной мощи звѣрскихъ Мунгальскихъ „племенъ, возникаетъ снова изъ моря забвенія, „и шагами исполинскими тщится настигнуть „успѣхи прочихъ народовъ, спасенныхъ ею отъ „варварства. Бывъ до селѣ со стороны Азіи „оплотомъ Европы, становится нынѣ лучезар„нымъ ея свѣтиломъ, и благородные Славяне, „древлѣ владѣвшіе мечемъ и плугомъ, трезуб„цемъ и вѣсами, отнынѣ и въ обширномъ рас„тилищѣ наукъ оставятъ по себѣ потомству „слѣды незабвенные. Получивъ вѣру, первыя сѣ„мена просвѣщенія, и склонность къ изящному

„отъ упадающаго тогда Греческаго народа, они „нѣкоторымъ образомъ обязаны присвоить себѣ „ихъ славу, воскресить просвѣтителей своихъ „имена, и на истощенномъ пнѣ древней Эллады „привить юныя, зеленѣющія вѣтьви для осѣне- „нія предбудущихъ столѣтій. Уже открывает- „ся намъ вдали величественная цѣль, къ кото- „рой Славенороссы стремиться должны. Грече- „скій языкъ да будетъ средоточіемъ и основа- „ніемъ, на коемъ благолѣпное зданіе наукъ воз- „высится и довершится. Въ немъ Россійское „юношество почерпнетъ привязанность къ нра- „вамъ и вѣрѣ праотцовъ своихъ, страсть къ „языку своему, чистѣйшую пищу для сердца. „Умѣя цѣнить скудость современныхъ нарѣчій, „Россіянинъ возлюбитъ обогатить все то, что „Руское, и не ослѣпленный ложнымъ блескомъ, „не уконитъ сравниться съ соперниками сво- „ими, и скоро единодушнымъ усиліемъ далеко „превзойдетъ ихъ. По мѣрѣ того, какъ изуче- „ніе древнихъ языковъ, въ безднѣ ничтожныхъ „ежедневныхъ сочиненій поглощенное, въ сосѣд- „ственныхъ странахъ слабѣетъ и изчезаетъ, по „мѣрѣ того, говорю, намъ предоставлено воз- „становить сіе плачевное паденіе. Окажемъ ис- „тинное Славенское гостепріимство музамъ „Эллады и Рима; откроемъ имъ вѣрное, безопас-

„ное, пространное пристанище; и Геній вре-
„менъ, геній человѣчества, среди потомковъ
„нашихъ, соорудитъ незыблемый храмъ добле-
„стей, просвѣщенія и славы. Глубоко чувствуя
„сію истину, что древніе языки должны быть
„основою просвѣщенія всѣхъ вообще народовъ,
„но болѣе Россіянъ, вознамѣриваюсь начертать
„планъ изученію Греческаго языка. Латинскій
„языкъ полезенъ, нуженъ, но Греческій долженъ
„быть достояніемъ Рускихъ, дабы нѣкогда еди-
„новѣрныя поколѣнія могли соединиться.

Разсуждая далѣе о Греческомъ языкѣ, про-
должаетъ онъ: „Халдейцы, Египтяне, Финикі-
„яне, конечно украсили пріятными игрушками
„колыбель и младенчество человѣческаго рода.
„Халдеецъ, лежа при спящемъ стадѣ своемъ на
„неизмѣримыхъ злачныхъ равнинахъ, бесѣдовалъ
„съ звѣздящимися небесами, и мечталъ въ оныхъ
„видѣть свою судьбину. Египтянинъ, подобный
„юношѣ, чувствующему въ первый разъ кипя-
„щія силы свои, накоплялъ громады, воздвигалъ
„утесы, начертывалъ загадки, и наполнялъ пи-
„рамиды плѣнною перстію Царей своихъ. Про-
„пивуборствуя нашествіямъ воды, онъ помы-
„шлялъ только о прочности и незыблемости
„своихъ зданій. Индъ, взлелеянный при самыхъ

„сосцахъ природы, близъ колыбели человѣче-
„ства, сбиралъ преданія о началахъ міра, и бла-
„женствуя чрезмѣру въ обьятіяхъ естества,
„нарушалъ свое щастіе безумными постановле-
„ніями. Финикіянинъ познанія и сокровенности
„сосѣдей своихъ Египтянъ сообщалъ отдален-
„нѣйшимъ частямъ земнаго шара, не по вели-
„кодушію, но по корыстолюбію — слѣпое ору-
„діе въ десницѣ промыслителя. Единые Греки,
„Боготворящіе все то, что изящно, музъ изъ
„чудовищъ преобразили въ Богинь общежитія,
„просвѣщенія и радости. Въ ихъ рукахъ все
„украсилось, разцвѣло и оживотворилось. Тем-
„ная загадка Египтянъ, бывъ до селѣ цвѣтомъ
„ночнымъ, раскинулась подобно утренней розѣ,
„и пышный, выразительный, благозвучный Про-
„тей Греческаго языка, на блестящихъ крыль-
„яхъ умчалъ ея благоуханія во всѣ страны
„земныя. Орфей тронулъ адъ, Амфіонъ гласомъ
„своимъ воздвигнулъ стѣны, Музей извлекъ пер-
„выя слезы умиленія, Исіодъ отеръ потъ зем-
„ледѣльца, Омиръ воскрилилъ душу, распростра-
„нилъ умъ, далъ пареніе воображенію. Пиѳагоръ,
„Солонъ и Ликургъ, стали гласить до селѣ нѣ-
„мую мудрость. Сословіе седьми мудрецовъ от-
„крыло безсмертное пиршество для насыщенія
„ума человѣческаго. Наконецъ Анаксагоръ, Ди-

„мокритъ, Сократъ, Платонъ, Евклидъ, Ари-
„стотель, увѣнчали философію златою Діади-
„мою драгоцѣннѣйшихъ истинъ. Иродотъ, Діо-
„нисій, Діодоръ, Θукидидъ, Ксенофонтъ, Плу-
„тархъ, смѣлою рукою раскрыли свитокъ про-
„шедшаго. Стисихоръ, Епихармъ, Алкей, Тир-
„шей, восхитили сердца благогласіемъ. Есхилъ,
„Софоклъ, Еврипидъ, раздрали священныя тучи,
„облегающія вѣчнаго правосудія престолъ, нау-
„чили малыхъ забывать горе, щастливыхъ со-
„страдать и слезы лить, и трепетать вели-
„кихъ. Θеокритъ, Мосхъ, Віонъ, Симонидъ, Ана-
„креонъ, воззвали вѣкъ златой въ своихъ пѣс-
„няхъ. Кодры, Аристомены, Леониды, Аристи-
„ды, Фокіоны, Епаминонды, всѣ добродѣтели
„показали на дѣлѣ, Отечество свое спасая. Въ
„новѣйшія времена Христіанство, сіе святое
„растеніе, коего сѣмена пали на землю свыше,
„оросилось кровію, возрасло трудами, обогати-
„лось твореніями, вкоренилось твердостію Гре-
„ческихъ отцевъ и проповѣдниковъ: Златоустъ,
„Аѳанасій, Григорій, Василій, пребудутъ въ вѣ-
„кахъ незабвенными. Отрасль всего того отда-
„на Славянамъ умирающею Греціею, которая
„терзаемая предчувствіемъ близкаго паденія
„своего, священный огнь нестарѣющей Вѣсты

„вручила благороднымъ племенамъ Сѣвера, вопія: „соблюди, и нѣкогда воскреси мою память!“

Послѣ сего вступленія сочинитель излагаетъ образъ преподаванія Греческаго языка, разбираетъ знаменитыхъ на ономъ писателей и стихотворцевъ, означая, которыхъ, для удобнѣйшаго обученія, должно изъ нихъ читать наперед, которыхъ послѣ. Приводитъ многія мѣста изъ Иліады, Одиссеи, и другихъ твореній, переводя и объясняя красоту стиховъ. Сей опытъ господина сочинителя показываетъ въ немъ основательность ученія и прямыхъ знаній. Онъ дѣлаетъ ему честь, и можетъ быть весьма полезенъ для первоначальнаго наставленія юношей въ языкѣ по истинѣ нужнѣйшемъ для насъ, и безъ котораго едвали можемъ мы когда нибудь быть сильны въ словесныхъ наукахъ.

Другое присланное въ Бесѣду сочиненіе есть стихотворная пѣснь, содержащая въ себѣ около тысячи пяти сотъ Александрійскихъ стиховъ, подъ названіемъ: *Ночь на гробахъ, подражаніе Юнгу.* Сіе нравоучительное стихотвореніе исполнено многими красотами. Мы удовольствуемся выпискою изъ онаго нѣкото-

рыхъ мѣстъ. Важность содержанія онаго не представляетъ, конечно, ни какихъ суетныхъ увеселеній сердцу, но возвышаетъ душу, укрѣпляетъ въ вѣрѣ, и возноситъ умъ нашъ къ тому высокому любомудрію, которое изъ созерцанія природы учитъ насъ въ самихъ себѣ видѣть самое ничтожное и самое величественное. Таковыя размышленія подобно солнцу, истребляющему мракъ ночи, прогоняютъ тучи омрачающихъ насъ страстей, спасаютъ отъ бѣдственнаго утопанія въ порокахъ, и созидаютъ чистоту нравовъ. Онѣ полезны тому, кто не уничижаетъ въ себѣ имени человѣка, и кто лучше хочетъ будущее жилище свое видѣть съ Ангелами на небесахъ, нежели въ землѣ съ червями. Вѣкъ нашъ кратокъ; мы сегодня живы, а завтра нѣтъ: и такъ нужно намъ чрезъ оныя познавать цѣль бытія своего и самихъ себя. Но обратимся къ сочинителю: Онъ, по вступленіи въ начало пѣсни своей, приводитъ читателя къ тому страшному намъ, но неизбѣжному мѣсту, гдѣ спятъ усопшія тѣлеса смертныхъ, и говоритъ:

Се нива Божія, усѣянна тѣлами!
Виситъ надъ нею тьма — и черными крилами
Надъ спящимъ множествомъ наводитъ страшну тѣнь,

И ждетъ когда придетъ ужасный, вѣчный день,
Которой озаривъ пещеры мертвыхъ темны,
Затмитъ сіяющи величія наземны.
Здѣсь взоръ недремлющій лишъ видитъ ночь одну,
Здѣсь слухъ внимающій лишъ слышитъ тишину;
Чуть мраморы, сквозь мглу, мелькаютъ часты, блѣдны,
Престолы смерти злой и знаменьи побѣдны,
И всѣ безмолствуя вѣщаютъ мнѣ мой рокъ.
По дремлющимъ древамъ летаетъ вѣтерокъ,
И шорохомъ листовъ и вѣяньемъ шумливымъ —
Задумчивость зоветъ къ мечтаніямъ страшливымъ;
Здѣсь время съ вѣчностью сошлися на земли,
И міръ вещественный съ духовнымъ сопрягли;
И здѣсь изъ нѣдръ земныхъ, сквозь каменные своды,
Я слышу съ трепетомъ священный гласъ природы:
Живущій! ты умрешъ: будь въ мысляхъ бодръ и строгъ,
И гордости своей сломи высокій рогъ.

О тлѣнія удѣлъ! рушенія жилище!
Уму надменному приличное гульбище!
Не весь ли шаръ земный подобится тебѣ!
Народы безъ числа вмѣщаетъ онъ въ себѣ,
Вмѣщаетъ вновь и вновь, и дмится непрестанно,
И все его лице, обширно и пространно,
Корою облеклось изъ труповъ и костей;
Моря его текутъ по черепамъ людей,
И грады зиждутся отъ каменій надгробныхъ,
Мы жнемъ насущный хлѣбъ отъ персти намъ подобныхъ,
И сею персттію земля пресыщена,

Гробами нашими вселенная полна,
И мѣста нѣтъ на ней не бывшаго могилой.
Трепещетъ цѣлый міръ предъ страшной смерти силой,
Предъ ужасомъ ея подъ солнцемъ торжества;
И солнце въ небесахъ, сей образъ Божества,
Всесильнымъ предано ея державной волѣ,
И солнце нѣкогда сорветъ она отколѣ.
И вы, о свѣтлые, небесные огни,
Сверкающи сребромъ въ полунощной тѣни!
Отъ хищности ея и всѣ вы неизъяты.
Но люта имѣвъ добычи толь богаты,
До времени судьбы оставивъ горній сводъ,
Ревнуетъ поражать словесныхъ слабый родъ,
Надъ онымъ истощать свой тулъ неистощимый.
Падутъ — и властелинъ, вселенною служимый,
И самый нищій рабъ — всѣ бреніе одно. —
Средь хлябій водъ морскихъ теряются равно,
Безвѣстные ручьи и громки въ мірѣ рѣки;
Такъ въ смерти равными творятся человѣки.
Очами разума во гробы я приникъ:
Кто нищъ и кто богатъ? кто малъ и кто великъ —
Гдѣ гордое чело, гдѣ образъ величавой,
На коихъ златъ вѣнецъ покоился со славой,
На коихъ съ трепетомъ, страны и племена,
Читали жребій свой на многи времена?
Гдѣ прелесть красоты, соборъ очарованій,
Къ которой каждый мигъ, на крыліяхъ желаній,
На крыліяхъ любви, съ восторгомъ безъ конца,
Парили юные, пылающи сердца?
Гдѣ сильная рука, которая громами,

Сражала смертныхъ въ персть, и тысячьми и тьмами,
И землю облила потоками кровей?
Все тлѣнія корысть, все смрадъ и снѣдь червей!

По изображеніи такимъ образомъ могущества смерти, сочинитель укоряетъ слѣпоту упопающихъ въ порокахъ людей, которые, видя вокругъ себя погибель и рушеніе всего, живутъ, какъ бы имъ не умирать, словно, говоритъ онъ, какъ бы мы:

. . . . . со смертію поставили завѣтъ;
Но смерть вступаетъ въ насъ, лишь мы вступаемъ въ свѣтъ.

Потомъ, описуя краткость дней нашихъ, гдѣ (продолжаетъ):

Гдѣ время прежнее, гдѣ каждый прошлый часъ?
Увы! Едва мелькнувъ, промчались мимо насъ,
Въ пространство вѣчности для мыслей необъятно;
Въ бездонной пропасти погрязли невозвратно!
Всѣ прочіе летятъ — еще единый мигъ,
И я до смертныхъ врать, до вѣчности достигъ,
И міръ исчезнетъ мнѣ со всею красотою,
И солнце будетъ мракъ, и звѣзды темнотою.
Какъ гибнетъ слѣдъ орла парящаго къ звѣздамъ,
Громады корабля бѣгущей по водамъ,
Зміи по камени віющейся волнами,
Такъ жизнь претекшая теряется за нами.

Какая (продолжаетъ онъ) слабая стѣна раздѣляетъ живыхъ отъ мертвыхъ! Хоть бы мы сто лѣтъ прожили, —

. . . . . Но все то мигъ одинъ.
Отринуть смерть свою не льстися, исполинъ!
Вспять море устреми, сдержи стремленье бури,
И солнцу воспяти катиться по лазури,
Но смерть остановить на день, на часъ, на мигъ,
Отчайся, суетный!

Послѣ сихъ о необходимости смерти, и краткости пребыванія нашего на землѣ, живыхъ представленій, сочинитель вопрошаетъ:

Но что? съ рушеніемъ сей плоти моея,
Ужели я въ конецъ лишуся бытія,
Ужели тлѣнію душа прикосновенна,
И съ храминой своей равно исчезновенна?
На толи я творцемъ воззванъ изъ ничего,
Да вдругъ ничтожество истнитъ меня всего?
Или свершится рѣчь глушителей развратныхъ?
Блуждая по стезямъ пороковъ имъ пріятныхъ,
Ослабивъ всѣ бразды бунтующимъ страстямъ,
Упрекамъ совѣсти ругаясь какъ мечтамъ,
Они хуленіе и буйство чрезвычайно,
Рыгаютъ отъ сердецъ: „родимся мы случайно,
„Мелькнемъ и скроемся подобно снамъ пустымъ,
„Какъ искра наша жизнь, дыханіе какъ дымъ;
„Едва лишь искры сей угаснетъ блескъ ничтожный,

„Престанетъ двигаться нашъ оставъ многосложный,
„Падетъ разсыплется, и будетъ прахъ и пеплъ;
„И духъ нашъ излетитъ какъ воздухъ вешній тепла,
„Какъ паръ разсѣется по дольнему ефиру,
„И весь приложится къ вещественному міру.“

По вложеніи сихъ ложныхъ умствованій въ уста заблуждшихъ и ослѣпленныхъ людей, сочинитель восклицаетъ:

Прейти въ небытіе! — при мысли сей одной,
Отчаянье какъ адъ зіяетъ предо мной,
По жиламъ и костямъ стремится трепетъ хладной
И сердце рушится отъ скорби безотрадной.
Но бурны помыслы, о разумъ! утиши;
Перстъ Божій начерталъ безсмертіе души,
Во всемъ созданіи и дольнемъ и небесномъ,
Въ душевныхъ качествахъ, въ сложеніи тѣлесномъ.
Пусть вникнетъ человѣкъ въ себя своимъ умомъ,
Достоинство свое почтетъ въ себѣ самомъ,

Здѣсь стихотворецъ исчисляетъ съ какими преимуществами созданъ человѣкъ, описываетъ какъ онъ богатъ чувствами, говоритъ что:

Одно малѣйшее отверстіе очей
Объемлетъ твердь сію и всѣ ея свѣтилы;
Безъ сихъ чудесныхъ чувствъ, безъ ихъ волшебной силы,

Хаосомъ и по днесь казалась бы земля:
Онѣ рисуютъ намъ и пестрыя поля,
И холмы злачные, и сребряныя воды,
Небесную лазурь, и всѣ красы природы.

Толико, продолжаетъ онъ, блестятъ внѣшнія его богатства; но внутреннія: память, воображеніе, разумъ и сихъ еще не сравненно превосходнѣе. Изображаетъ дѣйствіе и силу каждаго изъ сихъ дарованныхъ намъ отъ Всещедраго благъ, и потомъ вопрошаетъ:

Сія ли мудрая, чудесная душа,
Которая теперь безсмертіемъ дыша,
Паритъ, свергается, лѣтаетъ по всемѣстно,
И смѣетъ посѣщать святилище небесно,
Угаснетъ на всегда? Ефирный огнь въ пыли!
И будетъ тлѣніемъ и глыбою земли?
Какъ мертвыя тѣла сей смертныя ограды,
Смѣсится съ толщею вещественной громады,
Которой не почтилъ и жизнію творецъ?
На сей ли суетный, ничтожнѣйшій конецъ,
Всесильный далъ душѣ толь многи совершенства?
Всесильный есть любовь; творитъ лишь для блаженства,
И цѣль сія видна во всѣхъ его дѣлахъ;
Во всѣхъ является великъ, премудръ и благъ,
И благости его самъ адъ не дастъ упрека;
И благость ли его отвергнетъ человѣка,

Чтобъ самый подлый гадъ предъ онымъ возгордѣлъ?
И естьли здѣшній міръ есть весь его удѣлъ,
Блаженство здѣсь вкушать онъ долженъ полной чашей,
Но чувствуемъ ли мы блаженство въ жизни нашей?
Увы! что наша жизнь? смертей различныхъ цѣпь,
Пустыня дикая, безплоднѣйшая степь,
Стигченна черными плетворнѣйшими мглами,
И странникъ человѣкъ, обуреваемъ злами,
Безумія корысть, игралище страстей,
Влечется въ тысящи погибельныхъ путей,
Доколѣ жизнь его поглотитъ смерть лихая
Въ печаляхъ живучи, въ болѣзняхъ издыхая,
Блаженствуетъ ли онъ на сей своей землѣ?
Подобна наша жизнь ушѣсистой скалѣ,
Дрожащей отъ громовъ, чело ея разящихъ,
И мрачной будто ночь отъ тучь надъ ней висящихъ;
И бѣдный человѣкъ, искидокъ бытія,
Мертвѣетъ въ ужасѣ на высотѣ ея,
Внимая предъ собой ярящееся море,
Въ которое упасть онъ долженъ вскорѣ, вскорѣ.
Увы! коль много золъ воюютъ наши дни!
Война и моръ и гладъ и бури и огни,
Раздоры внутренни, тиранство съсердцемъ мѣднымъ,
Терзаютъ смертнаго навѣтомъ многобѣднымъ:
Сей образъ Божества, здѣсь въ руды погруженъ,
Забылъ что солнце есть, лучей дневныхъ лишенъ,
И смрадною дыша воздушной густотою,
Въ истокахъ золота томится нищетою.
А тамъ, подпавшіе плѣнившему ихъ злу,
На вѣкъ прикованны къ кровавому веслу,

Разумны существа, безчестья, срама полны,
До немощи орутъ пучины бурной волны,
И пожинаютъ съ нихъ — отчаянье одно.
А тамъ, съ презрѣнными забвенные равно,
Безстрашны витязи, побѣдой украшенны,
За пользу общества во брани сокрушенны,
Часть членовъ потерявъ на бѣдственныхъ поляхъ,
Съ оставшей частію скитаясь на желѣзахъ,
Обходятъ области ихъ мужествомъ спасенны,
И часто за труды, за раны понесенны,
У хладной жалости, лишаясь всѣхъ потребъ,
Не могутъ испросить ниже насущный хлѣбъ.
А тамъ, что слышу я? — Рыданія и крики,
Со скрежетомъ зубнымъ смѣшенны вопли дики,
Несутся съ ужасомъ въ трепещущій мой слухъ,
Пронзаютъ какъ мечи страдающій мой духъ:
Тамъ смерти злой рабы, болѣзни, полны злости,
На смертныхъ укрѣпясь, рвутъ жилы, рушатъ кости,
И мучатъ ихъ тѣла и мразомъ и огнемъ,
Отъ мукъ не престаютъ ни нощію ни днемъ,
Сосутъ изъ сердца кровь, снѣдаютъ ихъ утробы,
И тысящьми смертей низводятъ ихъ во гробы.
Всякъ смертный подлежитъ страданіямъ всегда;
Воздержность строгая болѣзней не чужда,
Невинность иногда не избѣгаетъ казни,
И доблесть жертвою бываетъ непріязни:
Тамъ звѣри хищные страшилища лѣсовъ,
Терзаютъ и людей какъ агнцевъ и тельцовъ,
Грызутъ еще живыхъ убійствомъ распаленны,
Глотаютъ съ жадностью трепещущи ихъ члены,

Пируютъ надъ костьми безсильныхъ ихъ Царей.
Но человѣкъ и самъ превыше всѣхъ звѣрей
Восходитъ люотостью и злобой кровожадной;
Подобному себѣ бываетъ бичь нещадной,
Бываетъ мщеніе съ притворствомъ съединя.
О звѣзды кроткія не слушайте меня,
Прострись сторичный мракъ по выспренней лазури:
Со свистомъ вьется вихрь предъ ужасами бури,
И башни тяжкія, шатаясь въ высотахъ,
Трещатъ сперва, грозятъ, чемъ свергнутся во прахъ;
Рыкаютъ первѣе и горы огнеметны,
Чемъ станутъ извергать какъ молніи несмѣтны,
Свой пламень гибельный на холмы и поля;
И прежде отъ среды колеблется земля,
Чемъ безднами своей расторженной громады,
Какъ челюстьми пожретъ селенія и грады;
И первѣе чрезъ дымъ является пожаръ:
Отъ человѣка же тѣмъ скрытнѣе ударъ,
Чемъ сердцу нашему онъ болѣе приближенъ.

По изображеніи толь мрачными и сильными всѣхъ бѣдствій и золъ, какимъ родъ человѣческій подверженъ бываетъ на земли, стихотворецъ вопрошаетъ:

Ужели человѣкъ всеправеднымъ обиженъ,
Коль далѣе земли ему надежды нѣтъ,
Что страждетъ на землѣ отъ бѣдствій и суетъ;
И мучится всю жизнь и гибнетъ не возвратно?
Страданія дѣтей отцу ли зрѣть пріятно?

Возможетъ ли благій быть дѣлателемъ зла?
Никакъ! — Бѣги отъ насъ толь черная хула. —
А естьли зло живетъ, растетъ подъ небесами,
Живетъ, растетъ и въ насъ — вина тому мы сами;
Но разумъ Божества, ему же нѣсть числа,
Изъ тьмы создавшій свѣтъ, добро творитъ изъ зла,
Да въ нашей немощи его свершится сила,
Да души грѣшниковъ, какъ злато средь горнила,
Отъ бренія страстей очистятся въ бѣдахъ,
Обрящутъ вѣчный миръ по краткихъ ихъ трудахъ,
Безмѣрность радостей за малость ихъ страданій,
И тамъ, гдѣ нѣтъ скорбей, болѣзней, воздыханій,
Красуяся въ лучахъ нетлѣннаго вѣнца,
Участвуютъ съ Творцемъ въ блаженствѣ безъ конца.

Далѣе стихотворецъ доказывая безсмертіе души изъ ненасытныхъ желаній нашихъ, говоритъ:

Коль смертный гибнетъ весь, коль жизни нѣтъ иныя,
Почто же малы намъ всѣ щастія земныя?
Почто на всякій день, почто на всякій часъ,
Желанья новыя смущаютъ, борятъ насъ,
И мы чрезъ цѣлу жизнь спокойству непричастны?
Почто и Царь и рабъ, и тотъ, кому подвластны
Обширныя страны, тьмочисленный народъ;
И тотъ, кто свой талашъ отъ зимнихъ непогодъ
Чуть можетъ защитить соломою и мохомъ,
Встревоженны равно износятъ вздохъ за вздохомъ?
О лучшей участи вздыхаютъ день и ночь,

И щастье вздохами далече гонятъ прочь?
Толь разны жребіемъ, толь жалобами сходны!

Естьли бы (продолжаетъ онъ) душа наша не была безсмертна, то всѣ животныя, въ чувственныхъ успѣхахъ насъ превосходящія, и почти ни какими заботами и страстями не обуреваемыя, были бы несравненно благополучнѣе человѣка. Они, говоритъ:

Безъ страха смертнаго проводятъ мирный вѣкъ;
Блаженна ихъ судьба! — а гордый человѣкъ,
Читающій въ звѣздахъ, владѣющій вселенной,
Стремится къ ней вотще подъ игомъ плоти тлѣнной;
А гордый человѣкъ, заботами смущенъ,
Безпечности ихъ чуждъ, довольства ихъ лишенъ,
Не можетъ раздѣлять ихъ радости невинной,
Скорбитъ и сѣтуетъ въ юдоли сей пустынной,
Гдѣ первенства его поругана вся честь,
И гдѣ природа вся не можетъ произвесть
Желаніямъ его приличной, крѣпкой пищи,
Мы алчны въ сытости, въ обиліи мы нищи;
И чемъ же, чувствуя земныхъ вещей тщету,
Чемъ сердца своего наполнимъ пустоту?

Самыя страсти, продолжаетъ стихотворецъ, суть неложные признаки безсмертія нашей души; ибо, говоритъ:

Хотъ страсти для души бываютъ остро жало,
Хотъ рабствуютъ грѣху, не грѣхъ есть ихъ начало:

Безсмертіе души есть корень всѣхъ страстей.
Желаніе богатствъ, веселій и честей,
Живетъ у насъ въ груди, нашъ врагъ непримиримой,
И всѣ мы жаждою горимъ неугасимой,
Не только лишь Цари — послѣдніе рабы,
Желаютъ безъ конца блистательной судьбы:
Знакъ жизни безъ конца желанье безконечно,
И души вѣчныя должны взноситься вѣчно,
Иль злато пріобрѣсть, или ничтожный блескъ,
Отъ вѣчнаго хвалу, или отъ смертныхъ плескъ.

Человѣку (говоритъ потомъ стихотворецъ) сродно обогащать свой умъ науками и любопытствомъ, и хотя бы жилъ онъ многіе вѣки, не насытилъ бы никогда сего своего желанія. Къ чемужъ бы созидать въ немъ оное на толь краткое время, въ которое едва успѣетъ онъ окинуть взоромъ твореніе? за тѣмъ ли, чтобъ онъ

Въ началѣ опытовъ, не свѣдавъ ничего,
Угаснулъ навсегда, какъ искра въ быстромъ токѣ?
Свѣтило ли міровъ заходитъ на востокѣ?
И съ утренней зарей кончается ли день?

Когда нѣтъ безсмертія (продолжаетъ онъ), такъ и самая добродѣтель есть зло; ибо тогда посвящать ей жизнь свою, и жертвовать для ней спокойствіемъ и успѣхами своими бы-

ло бы покланяться суетной мечтѣ; но (говоритъ):

Какая скорбь душѣ помыслить, что злодѣй,
Всю жизнь торжествовавъ, найдетъ въ награду злобѣ
Равно спокойное возглавіе во гробѣ,
Какъ самый ревностный поклонникъ Божества!
Здѣсь добродѣтель, трудъ и подвигъ и битва,
И что же нудитъ насъ стезею острой, тѣсной,
На бѣдства къ ней бѣжать? — вѣнецъ ея небесной,
Которымъ въ вѣчности украситъ насъ Господь!
Лишь онъ даетъ намъ мощь попрать и міръ и плоть,
Навѣты одолѣть и злобы и коварства.
Нещастенъ ли тотъ рабъ, который чаетъ Царства,
Лишь первый утра блескъ разсѣетъ темну ночь?
Онъ мракъ унынія отгнавъ отъ сердца прочь,
Не чувствуетъ цѣпей, не мнится быть въ неволѣ,
Но въ мысляхъ воцарясь на будущемъ престолѣ,
Владѣетъ Царственнымъ отсутственнымъ жезломъ
И духомъ возносясь яснѣется челомъ.

Послѣ сего изображенія утѣшительной надежды страдающаго праведника, стихотворецъ, продолжая доказательства свои о будущей жизни, вопрошаетъ:

Когда въ безсмертіи надежда наша тщетна,
Почтоже твердь сія звѣздами искрометна,
Какъ нѣкій свѣтлый кровъ объемлетъ насъ кругомъ?
Почто отчаянью толь пышный созданъ домъ?

На то ли славныя, безчисленны свѣтилы
Катясь по небесамъ отъ дѣйства вѣчной силы,
Свершаютъ ихъ пути въ извѣстны времена,
Чтобъ смертныхъ бѣдственныхъ несчетны племена,
Всю длительность ихъ бѣдъ могли исчислить вѣрно,
Всю мѣру ихъ познать и сѣтовать безмѣрно?
На то ли красотой красуется земля,
Блестящей жатвою златитъ свои поля,
Шестритъ свое лице цвѣтами и плодами,
Холмами, пажитьми, дубравами, водами,
Что бы средь зрѣлищъ сихъ смѣющихся вкругъ насъ,
Мы горько плакались на всякій день и часъ?
Пещера аспида и вепря логовище
Ничтожнымъ было бы приличнѣйше жилище,
Чтобъ выли тамъ они, пускали вопль и стонъ.
Какъ Ѳивы стройныя, какъ пышный Вавилонъ,
О коихъ хвалятся умъ смертнаго и чувства,
Созданчые трудомъ временъ, богатствъ, искуства,
Изъ мраморовъ драгихъ, изъ кедровыхъ лѣсовъ,
Прилично соградить для аспидовъ и совъ,
Такъ звѣздный сей чертогъ создать для человѣка,
Коль бренію сему нѣтъ будущаго вѣка.
Межъ тѣмъ какъ мы плѣнясь небесной красотой,
Гордимся мыслію, желаній высотой,
Едва ползущій червь, но въ мірѣ семъ блаженной,
Изъ хижины своей, во прахѣ соруженной,
Не въ правѣ ли насъ звать витать въ пыли съ собой,
Коль тлѣну съ нимъ равно мы преданы судьбой,
Коль жизнь ему и намъ равно не возвратима,
Коль смерти хищныя рука неумолима

Нещадно подавивъ стенаній нашихъ гласъ,
На вѣкъ завѣсой тьмы завѣшиваетъ насъ?
Скрывая въ мрачный гробъ великихъ добротою,
Геройствомъ, мудростью и правдою святою,
И всѣми свойствами достойными хвалы,
Уже ли можно намъ помыслить безъ хулы,
Что всѣ сіи дары, что всѣ сіи изрядства,
(Предъ коими ничто земныя всѣ богатства,
Которымъ равныхъ нѣтъ въ блистающихъ мірахъ)
Единый будутъ смрадъ, потомъ исчезнутъ въ прахъ?
Творецъ ли нашъ благій, и въ самое то время,
Когда небесныхъ имѣній раскинется въ насъ сѣмя,
Когда у насъ въ груди свѣтаетъ Божество,
Разрушитъ до конца все наше существо,
Сомнѣньемъ устрашитъ селенія небесны,
Что могутъ умереть и духи безтѣлесны?

Здѣсь стихотворецъ обращается опять къ невѣрующимъ, и говоритъ:

Живутъ ли на землѣ, и люди ли они,
И какъ мнѣ ихъ назвать да правды не нарушу,
Которые въ себѣ безсмертну носятъ душу,
Не вѣдая о томъ, къ ихъ сраму и стыду,
Подобно какъ гора лежащу въ ней руду,
Подобно какъ скала алмазъ въ ней заключенный?
Когда послѣдній день, всесильнымъ ополченный,
Скалы разсыплетъ въ персть, растаетъ твердость горъ,

Познаютъ и они — но въ вѣчный свой позоръ,
Богатство собственныхъ, безвѣстныхъ имъ сокровищъ.

Опровергая нелѣпыя мнѣнія ихъ, онъ продолжаетъ:

Природа возстаетъ вѣщать имъ вопреки:
„Воззрите на меня, исчадія строптивы!
„Безумцы жалкіе! безуміемъ кичливы!
„Премѣна все во мнѣ; премѣна — но не смерть:
„Се звѣзды сребрены взошли на синю твердь;
„И паки скроются, и вновь явятся въ славѣ;
„Се ночь уснувшій миръ хранитъ въ своей державѣ,
„Но вскорѣ придетъ день и воцарится въ немъ,
„Такъ день за нощію и нощь течетъ за днемъ.
„Все тоже на земли: се радостное лѣто,
„Душистой зеленью какъ ризою одѣто,
„Цвѣтами увѣнчавъ златистое чело,
„Блеснуло красотой — и въ осень перешло.
„Се вьюгами шумя, и жизнь земли снѣдая,
„Отъ мразовъ каменна идетъ зима сѣдая,
„Сдуваетъ осень прочь въ плодахъ ея красну,
„И вдругъ изнемогла, растаяла въ весну;
„Пригожая весна приходитъ съ сердцемъ мирнымъ,
„И холодъ разрѣшивъ дыханіемъ зефирнымъ,
„Поля озеленивъ, олиственивъ лѣса,
„И птицамъ возвративъ ихъ стройны голоса,
„Глашаетъ лѣто вновь изъ теплыхъ храминъ Юга.
„Такъ все мѣняется, катится въ видѣ круга,

„Падетъ и возстаетъ какъ въ быстромъ колесѣ;
„Все вянетъ, чтобъ процвѣсть, и цвѣсть во всей красѣ.
„Се образъ смертнаго — и часть его блаженну,
„Познайте, буйные! во мнѣ преображенну;
„Се образъ смертнаго — такъ точно человѣкъ,
„Преходитъ отъ земли, не умираетъ въ вѣкъ.“

Прехожденіе человѣка отъ временной къ вѣчной жизни изображаетъ онъ слѣдующими стихами:

Какъ узникъ страждущій, отъ узъ изнеможенный,
Щастливымъ жребіемъ въ отраду отпущенный,
Изъ смрадности и тьмы отъ ужасовъ и слезъ,
Возшедъ на злачный холмъ, подъ чистый сводъ небесъ,
И дышущъ сладостью эфира и свободы,
Любуется красой весеннія природы,
Ликуетъ въ радости, въ восторгѣ, въ торжествѣ,
Какъ бы рожденный вновь и въ лучшемъ естествѣ;
Такъ съ радостью душа летитъ надъ круги звѣздны,
Отъ сна нечувствія, отъ края вѣчной бездны,
И все воспламенивъ отъ свѣтлыхъ сихъ огней,
Что есть небеснаго Божественнаго въ ней,
И гордость воспріявъ безгрѣшну, благородну,
Паритъ въ страну ума, въ стихію ей природну,
Въ единой вѣчности ища утѣхъ, честей,
Гнушаясь горести привременныхъ сластей,
Презрѣвъ величіе безсмертнымъ непримѣтно.

Жизнь праведника описываетъ онъ слѣдующимъ образомъ:

Безсмертный человѣкъ, взыскующій блаженства,
Вошедъ по крутизнамъ на гору совершенства,
Сѣдитъ въ блистающемъ изъ доблестей вѣнцѣ,
Небесной кротостью цвѣтетъ его лице,
И взоры въ небесахъ, и мысли небомъ полны;
Вотще подъ нимъ шумятъ житейски бурны волны;
Навѣты зависти, въ отчаянье врагамъ,
Какъ громы тщетные падутъ къ его ногамъ;
Надъ нимъ распространивъ крилѣ свои златыя,
Летаютъ Ангелы, друзья его святыя,
Даютъ ему покровъ и плещутъ въ похвалу.
Страсть каждаи его, подобяся орлу,
Паритъ въ превыспренность безмрачну, безмятежну.
Воздержность строгую вмѣняя въ роскошь нѣжну,
Желанія свои разсудкомъ оковавъ,
Чтя подвиги къ добру въ числѣ своихъ забавъ,
Онъ чувствуетъ въ груди веселія всегдашни.
Къ нему съ улыбкою взираютъ дни вчерашни,
Ниже какъ Пареяне язвятъ бѣгущи вспять.
И щастье отъ него не въ силахъ адъ отъять.

О непремѣнномъ и ничѣмъ неразрушаемомъ существованіи человѣка говоритъ онъ:

Пусть твердь небесную трясутъ удары громны,
Пусть всѣ обрушаться міры сіи огромны,
И землю разразятъ, и насъ истнятъ во прахъ,
Души не повредятъ, ниже повергнутъ въ страхъ;
Изникнетъ человѣкъ изъ толщи раздробленной,

Какъ пламя высяча отъ пепела вселенной,
Взойдетъ въ духовный міръ, предъ вѣчную любовь,
Что бъ съ пламенемъ ея на вѣкъ сліяться вновь,
И тамъ себя святить чрезъ вѣчную святыню;
И зритъ съ веселіемъ всемірную пустыню,
Рушеніемъ міровъ онъ вѣчность пріобрѣлъ;
Безсиліемъ громовъ, тщетою смертныхъ стрѣлъ,
Побѣдой славною надъ бурями подземной,
Увѣрится въ своей свободѣ не отъемной.

О страшномъ гласѣ совѣсти, которую грѣшникъ старается усыплять въ себѣ, и которая при концѣ жизни его возопіетъ громко, говоритъ онъ: на то ли мы живемъ здѣсь,

Чтобъ съ нею вѣчную вести въ себѣ войну,
Иль пѣснями Сиренъ склонять ее ко сну,
На мягкихъ льщеніяхъ покоить какъ на розахъ,
И лаской утишать немолчную въ угрозахъ?
Но хитрая межъ тѣмъ, какъ кажется нѣма,
И послабляюща страстямъ бразды ума,
И насъ не помняща, и дремлюща небрежно,
Умѣетъ соглядать, изслѣдовать прилѣжно,
Всѣ злыя склонности, дѣла нечистоты,
Пороки, слабости, и самыя мечты,
И пишетъ нашу жизнь, о точности радѣя,
И смерть ее прочтетъ въ слухъ блѣднаго злодѣя,
И громко возвѣститъ безчисленнымъ мірамъ,
И вѣчность стонами провозгласитъ нашъ срамъ.

О тщетности нашей жизни и пустомъ страхѣ *у смерть*, разсуждаетъ онъ слѣдующимъ образомъ:

Земная наша жизнь есть цѣпь мечтаній смутныхъ,
И бренный человѣкъ, добыча скукъ, тревогъ,
И часто жертва бѣдъ, отчаяться бы могъ,
Когда не чаялъ бы чрезъ смерть избыть досады;
И смерть ли намъ страшна виновница отрады?
Что смерти трепетать? гдѣ смерть? — Едва пришла,
Уже исчезла въ мигъ, и мы спаслись отъ зла;
И смертный колоколъ, и мглы могилъ густыя,
И тлѣніе и червь — суть призраки пустыя.
И мы ли, въ робости не лучшіе дѣтей,
Единыя боясь, претерпимъ тьмы смертей?
Что умираетъ въ насъ? — Болѣзни, скорби, стоны!
Что умираетъ въ насъ? — Къ безсмертію препоны!
Живущи на земли живутъ на персти персть;
Лишь смерть единая сильна для насъ отверзть
Домъ жизни истинной, живущимъ затворенный,
И духъ нашъ оживить, отъ жизни изгнанный.
Здѣсь каждый человѣкъ зародышъ бытія,
Достигнетъ лишь чрезъ смерть до жизни своея.
Срѣтая въ смерти жизнь вдадимся ли мы страху?
Жизнь душу смертнаго порабощаетъ праху,
Ей смерть даетъ крилѣ оставить мятежи;
Жизнь — плоти торжество; смерть — торжество души;
Доколѣ плоть живетъ, душа лежитъ въ могилѣ,
Когда же плоть умретъ, душа воскреснетъ въ силѣ;

*

770995A

И разумъ, сынъ небесъ, созданный быть Царемъ,
Не жизнью ли, увы! гнѣтется подъ яремъ?
Но смертью свобожденъ, и паки обоженный,
Восходитъ не престолъ въ покой его блаженный.

Далѣе стихотворецъ распространяется въ описаніи спокойной смерти праведника, умирающаго съ твердою надеждою на Бога — и на будущую жизнь. Онъ говрритъ:

Живъ Богъ! — и Богъ живый — живыхъ не мертвыхъ — Богъ!
Все мертвые живутъ, ко всѣмъ Онъ благъ и строгъ;
Душею днесь живутъ, но оживутъ и тѣломъ,
Да придутъ всѣ на судъ въ своемъ составѣ цѣломъ,
Награду или казнь воспримутъ за дѣла,
Въ которыхъ общники и души и тѣла.
Изыдутъ мертвые изъ нѣдръ земной утробы,
Въ престолы свѣтлые преобразятся гробы,
И человѣчество пріемля прежній видъ,
Хвалясь возопіетъ, заглаженъ зря свой стыдъ,
И тлѣнности своей не обрѣтая слѣда:
Гдѣ жало, смерть! твое? Гдѣ, адъ! твоя побѣда?
Смерть смерти предана! и адъ низверженъ въ адъ!
О смертный! умудрись, очисти умный взглядъ,
Отъ сердца своего отринь сомнѣній бремя,
Учись изъ естества — не всякое ли сѣмя,
Когда не согніетъ, не процвѣтетъ во вѣкъ,
И ты ли плотію погибнешь, человѣкъ!
Ничтожнѣйшій зерна посѣешся безплоденъ?

Покровъ твоей души священъ и превосходенъ,
Зане его и тотъ ношеніемъ почтилъ,
Кто небо осіялъ тьмочисліемъ свѣтилъ,
Покровъ твоей души сужденъ прежить вселенну,
Посѣянъ въ тлѣніе, возстанетъ въ жизнь нетлѣнну,
Въ жизнь чуждую скорбей, въ жизнь чуждую суетъ,
Вещественъ сѣется, духовенъ возстаетъ,
Изъ мертвыхъ навсегда въ живые претворенный.
Смотри у ногъ твоихъ віется червь презрѣнный;
Онъ кожу грубую отрясши отъ себя,
И въ круглый видъ зерна длину свою склубя,
Какъ мертвъ лежитъ въ пыли, движенія лишенный;
Промчится рядъ часовъ, и гадъ сей превращенный,
Доселѣ ползавшій со срамомъ по землѣ,
Получитъ нову жизнь и стройность и крилѣ,
И низменность презрѣвъ, плѣняясь высотою,
На воздухъ возлетитъ, красуясь пестротою:
Такъ смертный, смертности совлекшися чрезъ смерть,
Хоть тлѣнъ его составъ успѣетъ въ пеплъ истерть,
Отъ пепла возродясь какъ Феникъ обновленный,
Въ эфирѣ воспаритъ, безсмертнымъ воскриленный.

Наконецъ, послѣ многихъ еще разсужденій, говоритъ онъ о великолѣпіи міра:

О какъ витійственно блеститъ сей звѣздный сводъ!
Наставленъ, вдохновенъ, и преисполненъ Богомъ,
Высоки истинны гласитъ высокимъ слогомъ;
И гдѣ, въ обширности творенія всего,

И гдѣ не слышатся вѣщанія его?
Безмолвіемъ гремитъ, бесѣдою всемірной,
Поверхъ всея земли, надъ твердію сафирной,
Гремитъ и въ пропастяхъ подземной глубины.
Свѣтильники сіи небесныя страны,
Являютъ намъ Творца, въ могуществѣ безмѣрнымъ,
И въ бездну Божества глубоко свѣтятъ смертнымъ.
Богъ духъ — и зрѣть его не можетъ тлѣчный взоръ,
Но видимъ мы его чудесъ сихъ зря соборъ:
Какая красота, величіе, устройство!
Все быстро движется, и все хранитъ спокойство;
Безъ отдыха бѣжитъ — и нѣтъ въ пути преградъ.
Едва мы возведемъ на небо робкій взглядъ,
Почто всесиліе срѣтаетъ насъ ничтожныхъ
Несчетностью чудесъ, лишь оному возможныхъ?
Чтобъ умъ нашъ возбудить, и всѣ разгнавъ мечты,
Къ тому его возвесть, который съ высоты
Спускаетъ къ намъ сіи сребристы цѣпи свѣта,
Да тѣми отъ суеты, отъ низкаго умета,
Къ себѣ насъ привлечетъ, заботясь какъ Отецъ;
И наши чистыя желанія сердецъ
Привяжетъ навсегда узломъ неразрѣшимымъ,
Къ селеніямъ своимъ, безсмертными блажимымъ.
Всѣ твердь небесная не книга ли уму,
Которою Творецъ бесѣдуетъ къ нему,
И учитъ мудрости всѣ вѣки и народы?
Взирая на лице полнощныя природы,
Не льзя не вопросить: чьихъ рукъ сіи дѣла?
Чья мышца сильная движеніе дала
Катящимся мірамъ, въ числѣ росѣ подобнымъ?

Кто глыбамъ вещества, вращаться неудобнымъ,
Громадамъ тягостнымъ, далъ легкость, быстроту?
Кто мрачность ихъ облекъ въ блестящу лѣпоту?
Кто свѣтомъ заселилъ пустыни древней нощи?
Кто нѣдра пустоты, бездонные и тощи,
Наполнилъ солнцами для славы своея?
Кто призвалъ въ бытіе изъ тьмы небытія
Всѣ оны чудеса — и всю сію вселенну
Повѣсилъ на ни чѣмъ, какъ перлу драгоцѣнну,
Къ престолу своему, къ подножію его?
О буйство! умудрись отъ зрѣлища сего;
Воззри на небеса, и обратись, безбожникъ!
Художество узрѣвъ, познай что есть художникъ,
И жертвуй сильному смиреніемъ души;
Или затьми всю твердь, всѣ звѣзды потуши,
Безмолствовать вели вселенной вопіющей,
Въ твореніяхъ Творца хвалить не престающей,
Взывающей во дни, и славящей въ ночи.
О ночь! которая, взявъ сребряны ключи,
Полнеба отворивъ по сумракѣ уныломъ,
При свѣтѣ скрытые завистнымъ дня свѣтиломъ
Даруешь намъ узрѣть безчисленны міры!
Владыку мнѣ открой чьи щедрые дары,
Чьи Царски утвари, блестя на горнемъ сводѣ,
Съ такою пышностью являются природѣ,
Да падши поклонюсь всемірному Царю.
Къ нему я возношусь! какъ быстро я парю!
Какъ малится земля! скрывается отъ взоровъ!
Превыше внутреннихъ воздушныхъ громкихъ споровъ,
Пушистыхъ снѣга гнѣздъ, исходища дождей,

Превыше огненныхъ, пылающихъ пещей,
Гдѣ молній и громовъ сплавляются перуны,
Превыше тѣхъ пещеръ, гдѣ бури дремлютъ юны,
И ждутъ растущихъ крилъ, и строятъ слабый гласъ,
На оный грозный ревъ, который въ краткій часъ
Позыблетъ, потрясетъ, подвигнетъ міръ порочный,
Взыскую отъ стихій, гдѣ кроется всемощный,
Стихіи мнѣ даютъ молчаніе въ отвѣтъ.
Превыше возношусь блуждающихъ кометъ,
Трясущихъ, въ страхъ землѣ, огнистыми власами;
Въ эфирѣ вижу степь горящу чудесами,
Гдѣ солнца вѣчнаго чермнуется заря,
Гдѣ звѣзды какъ пески, сверкая и горя,
Своими блесками величатъ славу Бога;
И все ихъ множество — лишь прахъ его чертога;
Но нѣтъ ихъ множеству извѣстнаго конца,
И гдѣ же жительство вселенныя Творца?
Но что мнѣ вопрошать? Едва ли то безгрѣшно!
Смирись моя душа! во прахъ повергнись спѣшно,
И чти всемѣстное, близъ суще Божество.
Сіе чистѣйшее, святое существо,
Съ престола своего на землю приникая,
И взглядомъ обозрѣвъ вся дольная благая,
Не видитъ ничего толь цѣннаго на ней,
Ниже толь славнаго межъ звѣздныхъ сихъ огней,
Какъ сердце чистое, смиренно, сокрушенно,
Величію его покоище священно,
Храмъ святости его, совмѣстный небесамъ.
Творецъ непостижимъ: — и таинство онъ самъ,
И всѣ его дѣла таинственны и чудны.

Великость ли его вмѣстится въ мысли скудны?
Единый изъ его безчисленныхъ лучей,
Едва, едва стерпимъ для умственныхъ очей.
Безмѣрно возносясь превыше всѣхъ твореній
Превыше выспренних мечтанія пареній,
Особится единъ, неизреченный Онъ;
На правдѣ, на любви Его почіетъ тронъ,
И доблести сіи, обьявъ одна другую,
Хвалой превозноса премудрость всеблагую,
И сами удивясь союзу своему,
Гремятъ о ней всегда созданію всему.
Полнъ въ дѣйствіяхъ своихъ всевластныя свободы,
И маніе его — рожденіе природы,
И сѣнь его руки — природы твердый щитъ,
Ея рушеніе — его суровый видъ!
И адъ бунтующій его прещеньемъ связанъ. —
Одѣянъ лѣпотой, и силой препоясанъ,
Все сущее творитъ, творя свой произволъ.
На все парящее онъ смотритъ въ долъ и въ долъ,
И мѣритъ пядію безмѣрность, безконечность.
Онъ солнце Благости — и день его есть вѣчность,
Симъ солнцемъ грѣяся духовный міръ живетъ;
Предъ симъ, свѣтъ зримый — тьма; предъ симъ
тьма бездны — свѣтъ!

Мы окончеваемъ здѣсь выписки изъ сего отличнаго сочиненія, о которомъ могли бы сказать много, но краткость времени не позволяетъ намъ входить въ изслѣдованіе онаго, а

только прочитать нѣкоторыя изъ него мѣста, желая, чтобъ словесность наша далѣе и далѣе обогащалась таковыми твореніями.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЬМАГО ЧТЕНІЯ.

Опытъ о Россійскихъ писателяхъ:

Θеофанъ. . . . . Стр. 3

Къ моему генію. 65

Басни:

1 Котъ и поваръ. 67

2 Раздѣлъ. 69

Извѣстіе о новыхъ присылаемыхъ

въ Бесѣду сочиненіяхъ. 71

ОПЕЧАТКИ.

стра.	стр.	напечатано:	читай:
14	20	рабѣпіи	робѣтм
22	3	множаѣ	множае
23	16	вожделеннымъ;	вожделѣнимъ;
25	6	Королевы,Польской	Королевы Польской
34	5	ляхолюбецъ	Ляхолюбецъ
35	17	ме много	не много
36	1	уподоблаетъ	уподобляетъ
—	18	Что выдѣло ты	Что видѣло ты?
37	20	и и мановеніямъ;	и мановеніямъ;
41	12	переволочнымъ	Переволочнымъ
—	13	Ваія	ваія
—	15	тысячь	тысящъ
—	17	пола	поля
—	21	показися	показася
45	20	стучительное	стужительное
51	19	возвѣденіи	возведеніи
52	2	свидѣтельсшво	свидѣтельство
53	22	Владимирь	Владиміръ
54	24	найдешъ	найдешь
57	23	бесчестія	безчестія
59	24	сраслась	срослась
64	17	словескости	словесности
65	4	осеняй	осѣняй
67	11	злодей	злодѣй

68	7	съѣлъ	сѣлъ
72	25	сочиненій	сочиненія,
79	9	мракъ	мракъ
80	1	придетъ	придетъ
—	16	умрешъ	умрешь
83	19	глушителей	глумителей
84	2	падетъ	падетъ,
—	3	к2къ	какъ
85	10	вопропаетъ	вопрошаетъ
—	11	душпа	душа
—	13	Паритъ	Паритъ,
—	—	по всемѣстно,	повсемѣстно,

OPB

CHTENIIE V BESEDE LIUBITELEI
RUSSKOGO SLOVA
VOLUME IX

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor *London*

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1961

8040
Vol 9

ЧТЕНІЕ

ВЪ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ПРИ СЕНАТСКОЙ ТИПОГРАФІИ
1813 года.

NEW YORK PUBLIC

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770996A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Августа 20 дня 1812 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковской.

ОПЫТЪ

О РОССІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ ВЪ БЕСѢДѢ.

Iый КАНТЕМИРЪ.

Князь Антіохъ Кантемиръ родился въ Цареградѣ въ 1709 году отъ Князя Димитрія Кантемира и Смарагды Кантакузены, дочери Князя Волошскаго, произшедшаго отъ древнихъ Греческихъ Императоровъ сего имени. Въ 1710 году Ахметъ третій, Султанъ Турецкій, пожаловалъ Князю Димитрію, отцу Антіохову, за многія оказанныя имъ Оттоманской Портѣ важныя услуги, Княжество Молдавское, которое уже и прежде предкамъ его принадлежало. Князь Димитрій не хотѣлъ принять онаго, но Порта обѣщала уволить его отъ платежа Визирю и другимъ придворнымъ великихъ денежныхъ суммъ, которыя они съ новопоставляемыхъ Князей

PERL. JAN 21 1935

брать обыкли. Сіе побудило наконецъ Князя Димитрія принять предлагаемое ему достоинство. Но едва успѣлъ онъ пріѣхать въ Яссы, какъ отъ Верьховнаго Визиря получилъ весьма строгое повелѣніе о поднесеніи Порть обыкновенныхъ подарковъ; при чемъ предложены были еще требованія, совсѣмъ противныя его обязательствамъ. Таковая Оттоманской Порты несправедливость, особливо же свирѣпство Турковъ къ Молдавскому народу, вдохнули ему мысль, какъ бы свое Княжество избавить отъ угнѣтенія, и освободить Христіанъ, своихъ подданныхъ, отъ тяжкаго ига невѣрныхъ.

Пришествіе Петра Великаго съ войсками, и учиненныя отъ Государя сего предложенія, казались ему весьма благовременнымъ случаемъ къ произведенію въ дѣйство своего намѣренія. Онъ заключилъ съ Петромъ Великимъ договоръ, котораго пункты въ 1711 году въ Яссахъ утверждены были присягою; но противное щастіе Россійскаго оружія при Прутѣ пресѣкло всѣ сіи намѣренія. Такимъ образомъ помощь, которую Димитрій Кантемиръ надѣялся

получить къ вѣчному обладанію своимъ Княжествомъ, едва могла спасти собственную его особу и семейство. Первое при перемиріи требованіе отъ Порты было выдать Каптемира, однакоже Петръ Великій, при всѣхъ своихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, на то не согласился, и лучше желалъ уступить Туркамъ знатную часть земель, нежели отдать имъ въ руки Князя, который по усердію къ нему оставилъ свое Княженіе и котораго взялъ онъ подъ свое покровительство.

По заключеніи мира Молдавскій Князь слѣдовалъ за Петромъ Великимъ въ Россію, гдѣ въ вознагражденіе за потерянное владѣніе свое объявленъ Россійскимъ Княземъ и пожалованы ему немалыя деревни въ Украйнѣ. Онъ прилагалъ крайнее попеченіе о воспитаніи своего сына, въ которомъ примѣчалъ великую склонность къ наукамъ Но по возвращеніи съ Петромъ Великимъ изъ Персидскаго похода, куда и сынъ его съ нимъ ѣздилъ, вскорѣ занемогъ и умеръ.

Юный Антіохъ Каптемиръ по смерти отца своего продолжалъ съ такимъ же прилѣжаніемъ украшать природный разумъ

свой различными познаніями. Онъ проходилъ кругъ вышнихъ наукъ, преподаваемый искуснѣйшими, призванными Петромъ Великимъ Профессорами въ новоучрежденной тогда Санкпетербургской Академіи. Математикѣ учился онъ у славнаго Бернулія, Физикѣ у Бифлингера, Исторіи у Бейера, правоучительной философіи у Гросса, стихотворству и краснорѣчію у Ильинскаго, и во всѣхъ сихъ наукахъ оказалъ великія успѣхи. Сверьхъ сего прилѣжно упражнялся онъ въ чтеніи Священнаго Писанія, что доказываетъ и сочиненная имъ на Россійскомъ языкѣ и въ печать изданная на Псалтирь Симфонія. Вскорѣ оказалась въ немъ склонность къ стихотворству. Онъ, не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, сочинилъ первую сатиру къ уму своему. Ученѣйшіе тогда мужи Ѳеофанъ Архіепископъ Новгородскій и Ѳеофилъ Кроликъ Архимандритъ Новоспаскій, стихами своими, одинъ на Рускомъ, а другой на Латинскомъ языкѣ, похвалили сіе первое пера его произведеніе. Чрезъ нѣсколько потомъ времени показались вторая и третія сатиры его, имѣвшія толь великой успѣхъ,

что многіе стихи оныхъ сдѣлались пословицами. Скоро слава о немъ распространилась повсюду. Въ 1732 году Императрица Анна Ивановна пожаловала ему пысячу душъ, и назначила его Министромъ къ Великобританскому Двору. По прибытіи въ Лондонъ пріобрѣлъ онъ тамъ великое къ себѣ уваженіе и довѣренность. Таланты его въ политическихъ дѣлахъ открылись не меньше, какъ и въ другихъ свѣденіяхъ. Онъ посвящалъ себя государственнымъ дѣламъ, и находилъ время обращаться съ учеными людьми. Онъ еще въ бытность свою въ Англіи возведенъ былъ въ достоинство полномочнаго Посла, и потомъ въ томъ же званіи посланъ во Францію, гдѣ также снискалъ къ себѣ отличную довѣренность, и въ самыхъ трудныхъ по смерти Императрицы Анны Ивановны политическихъ обстоятельствахъ умѣлъ вести себя такъ искусно и осторожно, что и свой и чужіе Дворы всегда были имъ довольны. Онъ имѣлъ весьма острый и проницательный умъ, обогащенный обширными свѣденіями; но главныя достоинства его были благоразуміе и честность. Онъ былъ

строгій наблюдатель Христіанскаго закона, и для сего читалъ наилучшія книги, касающіяся до вѣры и благочестія, признавая, что Философія приводитъ человѣка къ добродѣтели только словами, а Христіанскій законъ самымъ дѣломъ путь къ ней показываетъ. Всѣ политическія дѣйствія его клонились къ удержанію добраго согласія и тишины между Державами. Онъ говорилъ многими языками, а именно: Россійскимъ, Молдавскимъ, Латинскимъ, Италіанскимъ, Французскимъ и нынѣшнимъ Греческимъ; сверьхъ того разумѣлъ Еллинской, Гишпанской и Англинской языки. Любилъ онъ самой молодости до конца дней своихъ читать и, въ свободные отъ дѣлъ своихъ часы, упражняться въ стихотвореніи. Писалъ стихи свои такъ называемымъ среднимъ Россійскимъ стихотворствомъ. Напослѣдокъ въ 1744 году, удручаемый долговременною болѣзнію, къ общему всѣхъ сожалѣнію скончался на 35 году отъ рожденія своего. Россія потеряла въ немъ усерднаго сына, Дворъ просвѣщеннаго Министра, ученые знаменитаго собранна, честные люди добраго пріятеля.

Труды его по словесности состоятъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и переводахъ. Сочиненія его суть: 1 е Симфонія на Псальмы, 2 е руководство къ Алгебрѣ, 3 е Петроида, Героическая поема, оставленная недокончанною, 4 е письменное сочиненіе о Просодіи. 5 е Восемь сатиръ стихами, и нѣсколько басенъ, эпиграммъ и пѣсенъ. Сіе изданіе поднесено имъ самимъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и послѣ обогащено примѣчаніями. Переводы его съ иностранныхъ языковъ суть слѣдующіе: 1-е, Фонтенелевы разговоры о множествѣ міровъ, съ примѣчаніями; 2-е, Юстинова Исторія; 3-е, Гораціевы письма и Анакреонтовы оды, преложенныя Россійскими стихами безъ рифмъ; 4-е, Корнелій Непотъ; 5-е, Кевишова таблица; 6-е, Письма Персидскія; 7-е, Епикитетово нравоученіе; 8-е, Разговоры о свѣтѣ Г-на Алгаротти. Сверхъ сего весьма сожалѣютъ о неизданіи въ свѣтъ политическихъ сочиненій его, то есть: донесеній и разсужденій, касающихся до дѣлъ и прибытковъ знатнѣйшихъ въ Европѣ Дворовъ.

Мы намѣрены говорить здѣсь о сатирахъ

его, яко главнѣйшемъ сочиненіи, оставшемся послѣ него, и которое, не взирая на другой принятой нами родъ стихотворства, всегда останавлься будетъ классическимъ твореніемъ, украшающимъ Россійскую словесность. Первая сатира его *къ уму своему* состоитъ въ обличеніи воспающаго противъ наукъ невѣжества. Онъ начинаетъ ее сими стихами:

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть Творцемъ не слыти.

Потомъ объясняя, какъ путь предлежащій писателямъ трудетъ, какъ для многихъ неудаченъ, и притомъ безприбыленъ, говоритъ:

. . . . . Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна мрамором саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.

Послѣ сего представляетъ многихъ невѣждъ, изъ которыхъ каждый, презирая науки, разсуждаетъ по своему. Иной изъ нихъ говоритъ:

Живали мы прежъ сего не зная Латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ.

Другой:

Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло;
Знатнымъ полно подшверждать, или оприцать смѣло.

Третій:

Землю въ четверти дѣлить, безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ Алгебры счислимъ.

Четвертый опвергая ученіе словесности и любя только пировать и веселиться, полкуетъ:

Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей, живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ, чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ веселѣ, въ пирахъ мы жизнь должны провождати,
И такъ она не долга, на что коротати?
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ Божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли опымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость опводитъ
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.

Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужь проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда оставя стаканъ, примуся за книгу.

Потомъ о невѣждѣ, полагающемъ все свое блаженство въ нарядахъ и щегольствѣ, Сатирикъ говоритъ:

Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ
Что не во что завертѣть завитыя кудри:
Не смѣетъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала досталъ.

Егоръ и Рексъ были извѣстные тогдашняго времени одинъ сапожникъ, а другой портной. По описаніи такимъ образомъ разныхъ толковъ, выходящихъ изъ устъ невѣждъ, Сатирикъ, обращаясь къ уму своему, говоритъ:

Вонъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣняютъ мнѣ
въ уши,
Вонъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую тебѣ.

Здѣсь начинается у него споръ съ умомъ, который представляетъ ему, что хотя невѣжды и не любятъ наукъ, но слова ихъ умнымъ людямъ не уставъ. Сатирикъ от-

вѣчаетъ, правда твоя; но много ли найдешь ныне умныхъ людей, и въ чемъ почитается умъ? Хочешь ли (говоритъ) судьею спать?

. . . . . Вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.

Золотой вѣкъ (продолжаетъ онъ) не дошелъ до насъ:

Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.

Невѣжество

Гордится подъ митрою, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Сидитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ;

А наука бѣдная, ободранная.

. . . . . Въ лоскуткахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видѣнъ съ науки,
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.

Потомъ разсуждая, что всякой, ничему не учась, себя только считаетъ достойнымъ всякихъ почестей, говоритъ:

Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглой церковникъ

Еще не Епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю
Въ Златоустѣ не запнусь, хотъ не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ красным,
Смысля дѣло на бѣло списать письмомъ яснымъ.

Послѣ сего обращаясь опять къ уму своему, продолжаетъ:

Таковы слыша слова и примѣры видя
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя;
Безспрашно того житье, хотъ и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.

Таковая сатира, какъ по новости своей на Рускомъ языкѣ, такъ и по достоинству стиховъ ея, долженствовала обратить вниманіе всѣхъ любителей словесности на юнаго ея сочинителя. Она должна была тѣмъ больше понравиться благоразумнымъ людямъ, что осмѣиваетъ главные тогдашняго времени пороки. Изъ ней ясно видимъ мы, что со введеніемъ наукъ вошли вмѣстѣ къ намъ и безумныя чужимъ землямъ подражанія и обезьянства, сдѣлавшія насъ и внутри и снаружи непохожими на

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЬМАГО ЧТЕНІЯ.

Опытъ о Россійскихъ писателяхъ:

Ѳеофанъ. . . . . Стр. 3

Къ моему генію. 65

Басни:

1 Котъ и поваръ. 67

2 Раздѣлъ. 69

Извѣстіе о новыхъ присылаемыхъ

въ Бесѣду сочиненіяхъ. 71

ОПЕЧАТКИ.

стра.	стр.	напечатано:	читай:
14	20	рабѣти	робѣти
22	3	множаѣ	множае
23	16	вожделеннымъ;	вожделѣннымъ;
25	6	Королевы, Польской	Королевы Польской
34	5	ляхолюбецъ	Ляхолюбецъ
35	17	ме много	не много
36	1	уподоблаетъ	уподобляетъ
—	18	Что выдѣло ты	Что видѣло ты?
37	20	и и мановеніямъ;	и мановеніямъ;
41	12	переволочнымъ	Переволочнымъ
—	13	Ваія	ваія
—	15	тысячь	тысящъ
—	17	пола	поля
—	21	показися	показася
45	20	стучительное	стужительное
51	19	возвѣденіи	возведеніи
52	2	свидѣтельсшво	свидѣтельство
53	22	Владимирь	Владиміръ
54	24	найдешъ	найдешь
57	23	бесчестія	безчестія
59	24	сраслась	срослась
64	17	словескости	словесности
65	4	осеняй	осѣняй
67	11	злодей	злодѣй

68	7	съѣль	сѣлъ
72	25	сочиненій	сочиненія,
79	9	мракь	мракъ
80	1	придетъ	придетъ
—	16	умрешъ	умрешь
83	19	глушителей	глумителей
84	2	падетъ	падетъ,
—	3	к2къ	какъ
85	10	вопропаетъ	вопрошаетъ
—	11	душа	душа
—	13	Паритъ	Паритъ,
—	—	по всемѣстно,	повсемѣстно,

OPB

CHTENIIE V BESEDE LIUBITELEI
RUSSKOGO SLOVA
VOLUME IX

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor *London*

Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется,
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется
Когда истощишь твоихъ пожитковъ остатки:
Боюсь я успѣ, что въ лицо почашъ слова сладки!

Потомъ Сатирикъ говоритъ, что Евгеній, не имѣя ни въ чемъ никакихъ свѣденій, и утопая въ роскошахъ и нѣгахъ, неспособенъ быть ни предводителемъ войскъ, ни мореплавателемъ, ни судьею, ни хорошимъ придворнымъ. Каждаго изъ сихъ званій исчисляетъ онъ обязанности, и прекрасно описываетъ должность полководца, слѣдующими стихами:

Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ Воеводы
И много разныхъ искусствъ; и входъ и исходы
И мѣсто годно къ бою видѣть однимъ взглядомъ,
Лишней безопасности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ тайные совѣты,
Времянно предупреждать удобенъ навѣты,
О обильности въ своемъ таборѣ печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ, необидимъ
Его жадностью, врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ;
Не спѣшитъ дѣло начать, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не столь бѣгло перунъ сходитъ

Страшно время. Въ щастіи умѣренъ быть знаетъ
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствіи твердъ, не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чинъ имя знаній
Слыхалъ ли? Самыхъ числу дивишся ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстишь смертныхъ столь
мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.
Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правилъ?
И хотя въ пруду твоемъ лишь берегъ оставилъ;
Тотчасъ къ берегу спѣшишь; гладкихъ испугался
Ты водъ! Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верьху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нее доска толста пальца лишь въ четыре.
Твоя душа требуетъ разстоянья шире!

Потомъ Сатирикъ, описавъ искусно главныя должности мореплавателя, какъ бы самъ былъ онымъ, говоритъ Евгенію:

. . . . На морѣ, какъ на землѣ, тѣже
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже
Снилась трубка и компасъ, межь строй и осада.

Наконецъ говоритъ о судьѣ, о придворномъ; какъ одинъ изъ нихъ долженъ быть свѣдущъ въ законахъ, правосуденъ, нелицепріятенъ, и чтобъ *рѣчистая деньга* одолѣть его не могла; а другой вѣжливъ, украшенъ многими пріятностями, ловокъ, искусенъ нравиться; печаленъ и радостенъ, при-

мѣняясь по лицу другихъ; къ стати молчаливъ, и къ стати краснорѣчивъ. По описаніи сего оканчиваетъ сатиру свою тѣмъ, что совѣтуетъ Евгенію исправиться, и до тѣхъ поръ, что онъ забынъ, не чувствовать досады, быть спокойнымъ и не имѣть зависти къ тѣмъ, которыхъ предки хотя въ Царство Ольги и не были Думными и Намѣстниками, однакожъ они сами собою и дѣлами своими заслужили общее отъ всѣхъ уваженіе.

Третію сатиру свою приписалъ онъ Феофану, и начинаетъ ее воззваніемъ къ нему. Послѣ сего, обращаясь къ людскимъ порокамъ, сперва описываетъ скупаго собирателя богатствъ, потомъ расточителя, потомъ вѣстовщика, а потомъ говоруна.

О сихъ двухъ распространяется отличнымъ образомъ: о вѣстовщикѣ говоритъ:

Съ зарею вставши Менандръ вездѣ побываетъ,
Развѣситъ уши вездѣ, вездѣ примѣчаетъ,
Что въ домахъ, что въ улицѣ, въ дворѣ и въ приказѣ
Говорятъ и дѣлаютъ. О всякомъ указѣ
Вновь выданномъ, о всякой перемѣнѣ чина
Онъ извѣстенъ прежде всѣхъ; такъ всему причина,

Какъ Отче нашъ на изусть. Три дни брюху дани
Лучше не дашь, нежъ не знать, что привезъ съ Гиляни
Вчера прибывшій гонецъ, гдѣ кто съ кѣмъ подрался,
Сватается кто на комъ, гдѣ кто проигрался,
Кто за кѣмъ волочится, кто выѣхалъ, въѣхалъ.
У кого родился сынъ, кто на тотъ свѣтъ съѣхалъ.
О когдабъ дворяне такъ наши свои знали
Дѣла, какъ чужія онъ! не столькобъ ихъ крали
Дворецкой съ прикащикомъ, и жирнѣебъ жили,
И должниковъ за собой толпыбъ не водили!

Здѣсь слѣдуетъ прекрасное уподобленіе вѣсповщика съ бочкою:

Когда же Менандръ новизнъ наберетъ нескудно;
Недавно то влитое ново вино въ судно,
Кипитъ, бродитъ, обручъ рветъ, доски разширяетъ
И выбивъ втулку быстро устьемъ выпекаетъ!
Встрѣтилъ ли тебя, тотчасъ въ уши вѣстей съ двѣсти
Нажужжитъ, и поймалъ тѣ изъ вѣрныхъ рукъ вѣсти,
И тебѣ съ любви своей оны сообщаетъ,
Прося держать про себя. Сославить онъ знаетъ
Мнѣнію окружности своему прилично;
Рѣдко двумъ тужъ вѣдомость скажетъ однолично,
И самъ своей наконецъ повѣритъ онъ бредни
Ежели пройдетъ къ нему изъ знатной передни!
Сказавъ тебѣ, какъ судья бѣжитъ осторожный
Просителя, у кого карманъ ужъ порожный,
Имѣя многимъ еще въ городѣ наскучить.

Говоруна изображаетъ онъ еще живѣйшими того красками:

Искусенъ и безъ вѣсшей голову распучитъ;
Тебѣ Лонгинъ; стерегись, стерегись сосѣдомъ
Лонгина не завтракавъ имѣшь за обѣдомъ.
Онъ жены, дѣтей своихъ долгое посольство
Отправитъ тебѣ, помомъ свое недовольство
Явитъ, что ты у него давно не бываешь,
Хошь больну бышь новыми зубами дочь знаешь.
Четвертой уже зубокъ въ деснахъ показался:
Ночь всю и день плачется; жаръ вчера унялся.
Другую за мужъ даетъ, женихъ знатенъ родомъ,
Богатъ, красивъ и жены спарѣе лишь годомъ.
Приданое дочерне опишетъ подробно,
Прочтетъ рядную всю сплошь, и всяку особно
Исполкуетъ въ ней спашью. Сынъ меньшои недавно
Начавъ азбуку, теперь чтетъ склады исправно.
Въ деревнѣ своей копашь началъ онъ прудъ новый,
Тому изъ кармана планъ вынаща готовый,
Топъ же часъ подъ носъ тебѣ разсмотрѣнь положитъ,
Иль на ну спашь ножики и вилки разложитъ.
Сочтетъ сколько въ ней земли, что береть оброку,
Къ какому всякъ у него спѣетъ овощъ сроку,
И владѣльцевъ всѣхъ ея другъ за другомъ почно
Отъ потопа самаго, и какъ она прочно
Изъ руки въ руку дошла къ нему съ приговору
Судей, положа конецъ долгу съ дядей спору.
Милуетъ же тебя Богъ, буде онъ осаду
Азовску еще къ тому не прилѣпитъ сряду,
Рѣдко минуетъ ее, и день нужень цѣлый
Выслушать всю повѣсть ту. Полководецъ зрѣлый

Много онъ намъ почудилъ, всегда готовъ къ дѣлу,
Всегда пагубенъ врагу. Тутъ то ужъ безъ мѣлу,
Безъ верьви кроишь обыкъ, безъ аршина враки,
Правды гдѣ, гдѣ крошечны увидишь ты знаки.
Да гдѣ все то описать, что онъ въ столъ наскажетъ?
. . . . . .
. . . . . .
Весь въ пѣнѣ, въ поту, унять устъ своихъ не знаетъ,
Не смѣетъ плюнуть, сморкнуть, и тогда онъ чаетъ,
Что весь ухо, языка во рту не имѣешь;
Говорить тебѣ не даетъ; хоть даетъ,-не успѣешь.

Кантемиръ подражалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Латинскимъ сатирикамъ Ювеналу и Горацію, а въ другихъ Французскому Буало; но естьлибы сіи стихотворцы жили послѣ него, то конечно въ подобныхъ сему мѣстахъ, собственно Кантемиру принадлежащихъ, не отрѣклись бы подражать ему. Здѣсь продолжаетъ онъ выводить на позорищѣ разные пороки. О лицемѣрѣ, или ханжѣ говоритъ:

Когда въ гостяхъ за столомъ и мясо противно,
И вина не хочетъ пить; да то и недивно,
Дома съѣлъ ужъ каплуна, и на жиръ и сало
Бутылки Венгерскаго съ нуждой запить стало.

О самолюбивомъ, отвергающемъ всѣхъ другихъ заслуги и достоинства, пишетъ:

. . . . О себѣ Гликонъ ужъ противно
Разсуждаетъ, всякое слово его дивно,
Всѣ поступки, образцы; что въ умъ ему вспало,
Не оспоришь во вѣки; дивится немало,
Что главноправленіе всего Государства
Царь давно не далъ ему во знакъ благодарства.
Въ умъ свой не можетъ вмѣстить, что не всѣ воздыхаютъ
Дѣвицы по немъ, кои любви сладость знаютъ.
Собою наполненъ весь, себя лишь чтитъ смыслитъ,
По своимъ годамъ починъ щастья людей числитъ,
Чая, что смысленна тварь глазъ, ухо имѣетъ
Для того, чтобъ дивиться тому, что онъ дѣетъ,
И слушать, что говоритъ; а тобы и дѣла
Не осталось тѣмъ двумъ частямъ нашего тѣла.

Гордаго описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Въ палату вшедши Ирканъ, гдѣ много народу,
Раздвинетъ всѣхъ, какъ корабль плывущъ сѣчетъ воду,
И хотъ бы зналъ, что много злата съ плечъ убудетъ,
Нужно продрашься впередъ; позади не будетъ!

По описаніи же многихъ его чванствъ, оканчиваетъ сими стихами:

Мнитъ онъ, что вещество то, что плоть ему дало,
Было не такоеже, но нѣчто сіяло
Предъ прочими; и была то фарфорна глина
Съ чего онъ; а съ чего мы, навозна тина!

Потомъ изображаетъ злоязычника, потомъ льстеца, потомъ недовѣрчиваго. Описавъ различныя подозрѣнія, которыми сей послѣдній ежечасно безпокоится, въ заключеніе говоритъ:

. . . . Въ такомъ непрестанно
Безпокойствѣ жизнь свою нуритъ окаянно.
Ябъ на такомъ не хотѣлъ принять договоръ
Ни самой Царской престолъ: скучилобъ мнѣ вскорѣ
И Царско тишло. Суму предпочту въ покоѣ
И бѣдство я временно, сколь бы то ни злое,
Тревогѣ, волненію ума, непрестанну
Хоть бы въ богатство вели, въ славу несказанну:
Часто быть обманутымъ предпочту конечно,
Нежель недовѣріемъ мучить себя вѣчно.

Потомъ изобразя мученіе завистливаго, который между прочимъ:

У бѣднаго воина, что съ двацать лѣтъ служитъ,
Ощупавъ въ карманѣ рубль, еще теперь тужитъ.

Сатарикъ обращается къ Ѳеофану и прерывая самаго себя, говоритъ:

. . . Да не пораль, муза моя, губы
Прижавъ, кончить нашу рѣчь? Сколь наши ни любы
Намъ рѣчи; мѣру ~~къ~~ нихъ знать здравый смыслъ насъ учитъ,
Всякому лишно долга рѣчь, уху наскучитъ,
И должно помнить тебѣ, съ кѣмъ мнѣ идетъ слово;
Ѳеофана чаешь ли не имѣть иново

дѣла, развѣ выспашься, до сыта покушать,
И поджавъ руки весь день стихи мои слушать?

Здѣсь приписывая многія похвалы Ѳеофану, и говоря музѣ своей, что онъ лучше ея знаетъ разнообразіе страстей человѣческихъ, оканчиваетъ сатиру свою сими стихами:

Сколько главъ, столько охотъ и мыслей различныхъ;
Моя есть стихи писать противъ неприличныхъ
Дѣйствъ и словъ: кто же мои (и я не безъ пятенъ)
Исправитъ, тотъ честенъ мнѣ будетъ и пріятенъ.

Въ четвертой Сатирѣ *къ музѣ своей*, унимаетъ онъ ее, чтобъ она перестала осмѣивать людскіе пороки. Уже и такъ многіе, говоритъ онъ, видя себя какъ въ зеркалѣ въ стихахъ моихъ, дышатъ на меня гнѣвомъ: иной обвиняетъ безбожникомъ, за чѣмъ злословлю бороду, другой Государственнымъ преступникомъ, за чѣмъ похуляя пьянство, умаляю казенный доходъ, и проговоря сіе, начинаетъ опять ее упрашивать:

Муза, свѣтъ мой! слогъ твой мнѣ творцу ядовитый;
Кто всѣхъ бить нахалится, часто живетъ битый,
И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ
Часто слезъ издателю причиной бываютъ.

Знаю, что правду пишу, и имень не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравыхъ плачу;
Да правда рѣдко люба, и часто не къ спашпи.
Кто же отъ тебя когда хотѣлъ правду знати?

Потомъ говоря музѣ своей: за чѣмъ плакать о томъ, что другіе хромаютъ душою? продолжаетъ:

Буде смѣешь указать ты на Ювенала,
Персія, Горація, мысля, что какъ всшала
Имъ отъ Сатиръ не бѣда, но многая слава;
Что какъ тожъ Боало причастницъ былъ права,
Такъ ужъ и мнѣ, что слѣды ихъ топчу, довлѣетъ
Тожъ счастье. Позволь сказать, что умъ швой шалѣетъ.
Истая Зевсова дочь перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ память родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ тебѣ что таково? безъ всякой украсы
Болтаешь, что не дѣлаютъ черпца однѣ рясы!

Сія похвала иностраннымъ писателямъ и умаленіе предъ ними собственныхъ своихъ достоинствъ, дѣлаетъ честь скромности нашего Сатирика; но въ прочемъ онъ дарованіями своими не много имъ уступаетъ. Хотя часто говоритъ онъ языкомъ

простолюдиновъ, однако въ семъ языкѣ здравый смыслъ, простая и сильная правда гораздо лучше многихъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ, какъ гласитъ Русская пословица, *умъ заходитъ за разумъ*. Далѣе, увѣщевая музу свою писать похвалы людямъ, говоритъ онъ:

Но вижу, муза, ворчишь, жмешся и краснѣешь
Являя, что ты хвалишь достойныхъ не смѣешь,
А въ ложныхъ хвалахъ терять ты не хочешь время.

Потомъ описываетъ трудность стихотворенія; говоритъ, что въ молодости своей писалъ онъ многія любовныя пѣсни, о которыхъ теперь раскаевается. Шутитъ надъ плѣнниками любви, и какъ бы удаленный уже отъ мірскихъ суетъ погружается въ важныя размышленія и говоритъ:

Забываю прошлое, и какъ мнѣ невольно
Будущее учредитъ время, такъ и мало
О томъ суечусь, готовъ принять, что випало
Изъ руки Вышняго Царя въ мою долю.
О числѣ моихъ дней жду тихъ егоже волю;
Честна жизнь непрепетна и весела идетъ
Къ неизбѣжному концу вѣдая, что видетъ
Тѣми двѣрьми въ новые вѣки непрестанны,
Гдѣ тишина и покой царствуетъ желанный.

Напослѣдокъ согласясь съ музою, что никакой другой родъ писанія ему не нра-

вился, оканчиваетъ бесѣду свою съ ней слѣдующими стихами:

Однимъ словомъ, Сатиру лишь писать намъ сродно,
Въ другомъ неудачливы: съ нравомъ же несходно
Моимъ, не писавъ прожить въ лѣности съ тоою.
Каковъ бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ неостудно,
И правда, ужъ отъ того и унятся трудно,
Когда тотъ, кто лапынью чулъ помазалъ губы
Хвастаетъ наукою, и оскаливъ зубы
Смѣется, и скучитъ всѣмъ долгими рѣчами,
Мня, что мудрость говоритъ къ намъ его устами;
Когда хлѣбникъ въ золотѣ и цугомъ катится;
Раздушой ужъ мастери подьячіи стыдится,
И боляръ однихъ въ родню принять ему нравно;
Когда мѣльникъ, кой съ волосъ спрясъ муку недавно,
Кручинится, и ворчитъ, и жмуритъ глазами,
Что въ палатѣ подняли мухи пыль крылами.

Вотъ какъ умѣлъ Кантемиръ изображать чванство разбогатѣвшихъ, или сдѣлавшихся знатными людей! Что можетъ быть забавнѣе, какъ представить себѣ мѣльника, который прежде съ утра до вечера, весь въ мукѣ, слушалъ безпрестанное стучаніе колесъ, и котораго теперь шумомъ своимъ безпокоятъ мухи? Онъ жмурится отъ поднимаемой ими пыли! Какая замысловатая и шутливая кисть для опи-

[illegible]! Въ заключеніе Са-
[illegible] онъ, что подобнымъ
[illegible] его не могутъ пра-
[illegible] подъ сильною защитою
[illegible] ни чьего гнѣва не опа-
[illegible], и что стихи его довольно прине-
[illegible] пользы и славы, когда исправляя по-
роки, будутъ благоразумнымъ читателямъ
пріятны. Щастливы тамъ стихотворство
и науки, гдѣ истинна всѣми уважается, и
гдѣ брани и клеветы раздражаемыхъ ею
невѣждъ всѣми презираются.

Пятая Сатира его всѣхъ прочихъ длин-
нѣе. Она состоитъ изъ разговора между
Сатиромъ и Періергомъ, то есть любо-
пытнымъ. Стихотворецъ сдѣлалъ вымыслъ,
что будто Панъ, веселый богъ лѣсовъ, по-
сылаетъ чрезъ всякіе три года по нѣсколь-
ку подвластныхъ ему Сатировъ, дабы они,
нарядясь въ людское платье, жили въ раз-
ныхъ городахъ, примѣчая обряды, дѣйствія
и нравы людей, и что будто сіи посланные
по возвращеніи своемъ расказываютъ
ему все видѣнное ими, а онъ слушаетъ ихъ
съ смѣху надсажаясь. Сатиръ, которому
досталось жить въ странѣ стихотворца,

наскуча своею должностью, скидаетъ съ себя свои наряды и говоритъ:

Сильна Пана воля будь, хотьмнѣ смерть случится,
Не возможно ужъ съ людьми въ городѣ ужиться.
Нравы наши межъ собой чрезъ мѣру различны,
Къ тому жъ уборы ихъ мнѣ совсѣмъ неприличны:
Безпокоятъ чрезъ мѣру. Красотѣ радѣя,
Какъ осла златомъ себя плячатъ; руки, шея,
Ноги, чресла спутаны: недруги покоя
Зимой отъ стужи, лѣтомъ не кроютъ отъ зноя,
Провалитесь отъ меня тягости златые
Глупцамъ чтипельны, и вы кудри накладные;
Довольно уже страдалъ я въ вашемъ обманѣ.

Періергъ, увидя раздѣвающагося Сатира, удивляется и распрашиваетъ его, кто онъ и откуду? Сатиръ, увѣдомивъ его о посольствѣ своемъ, разказываетъ потомъ, какъ и гдѣ онъ жилъ, и что видѣлъ. Такимъ образомъ стихотворецъ открываетъ уму своему широкое поле прогуливаться и замѣчать людскія слабости и пороки. Мы представимъ здѣсь нѣкоторыя покмо мѣста. Сатиръ, по вступленіи въ городъ, увидѣлъ много пьяныхъ, и удивлясь сей человѣческой страсти добровольно дѣлаться безобразнымъ и лишать себя здравія и разсудка, говоритъ:

Когда я умъ углубилъ, о томъ разсуждая,
И вину неисповѣдну такому не зная
Сыскать; приступилъ ко мнѣ старикъ сановитый
Сѣдою красенъ бородой, брюхомъ знаменитый
Пространнымъ; красно лице жиромъ все оплыло,
Чуть видны подо лбомъ глаза, и голосъ унылой.
Что ты, дружокъ, думаешь, стоя здѣсь безъ дѣла?
Сказалъ мнѣ; по платью зрю и по строю тѣла,
Что ты къ работѣ угожъ; буде ты охоту
Имѣешь служить, я дамъ сносную работу
Мнѣ нуженъ вѣрный слуга, тѣмъ доволенъ мною
Будешь безъ лишнихъ трудовъ, будь лишь чистъ душою.

Сатиръ принялъ его предложеніе, пошелъ съ нимъ, чтобъ ему служить, и дорогою осмѣлился спросить у него о причинѣ такого въ городѣ пьянства:

. . . Старикъ со слезами
Вздохнувъ отвѣчалъ: дитя! не дивись межъ нами
Безпорядку такому; свѣтъ уже сѣдъ, знаешь,
Къ концу приближаяся; злой нравъ истребляетъ
Добрую склонность людей, кои сладку чаютъ
Чашу, что чувствамъ манитъ, хотя въ ней ядъ глотаютъ.

Здѣсь старикъ съ великимъ умиленіемъ разсказываетъ ему, какъ предки наши, провождая жизнь безпорочную, и желая другихъ тому же научить, между прочими постановленіями учредили нѣсколько дней въ году, называемыхъ праздниками съ тѣмъ

намѣреніемъ, чтобъ люди, оставляя въ оные обыкновенныя работы свои, упражнялись въ благочестивыхъ дѣлахъ и молитвахъ; но (продолжаетъ) людскіе пороки преобратили то во зло, такъ что исполняется одна только часть сего установа, то есть, праздность, а другая вмѣсто благочестія и молитвъ посвящается злочинію и сумасбродству. Послѣ сего ихъ разговора Сатиръ приходитъ за господиномъ своимъ въ домъ его и узнаетъ, что онъ цѣловальникъ, сынъ поршнова, и выросъ въ домѣ у стряпчаго. Вскорѣ поручаетъ онъ ему должность носить воду изъ рѣки и лить въ вино. Впрочемъ (говоритъ о немъ Сатиръ):

. . . Утрени, часовъ, обѣдни, вечерни
Вѣкъ свой онъ не пропущалъ; но слѣдуя черны
Праздникъ въ пьянствѣ провождалъ, но продавалъ въ будни
Воду, что въ вино вливалъ въ праздникъ по полудни.
Нѣсколько разъ ужъ я ту должность исправляя,
Гнулъ спину и руки шеръ; хотѣлъ знать какая
Причина, что весь народъ воду покупаетъ?
Куды ты глупъ! онъ сказалъ, вѣдь народъ не знаетъ,
Что воду я въ бочки лью, и вино приходитъ,
А не воду покупать, кто въ кружало входитъ;
Вино, являя на всѣхъ скотскіе признаки,
Влечетъ, имавъ бы не зрѣлъ въ домѣ ни собаки.

Услышавъ то хохотать я сталъ изъ всей мочи,
И старикъ буры на мя распяливши очи,
Чему смѣешся? спросилъ, на что отвѣчаю:
Не задолго прежъ сего ты самъ, какъ я чаю,
Съ слезами въ глазахъ тужилъ, что народа нравы
Кончиной свѣта грозятъ, что святы уставы
Въ зло употребляются, и ругаясь пьянству,
Изыскилъ слѣдства того вредныя Гражданству.
А пыже причину зла множишь самъ безстудно!
Дрова метая въ огонь пожаръ гасить трудно!

. . . . . .

. . . . . .

Видно, отвѣчалъ старикъ, что умъ твой по пѣлу
Грубъ, и не въ людяхъ ты росъ, такъ ты врешь не къ дѣлу.
Кромѣ того, что товаръ дорогъ мнѣ приходитъ
Въ лавку, сколько, знаешь ли, въ подаркахъ исходитъ
Судьѣ, дьяку и писцу, кои пишутъ, правятъ
И крѣпятъ указы мнѣ? И сколько заставятъ
Башмаковъ однихъ избить, пока мѣ достану?
Сколькожъ даромъ испою Сенькѣ да Ивану,
Ходакамъ, и ихъ слугамъ, что и спятъ съ стаканомъ?
Не ужъ то мнѣ Богъ велитъ торговать съ изъяномъ?
Вымолвивъ, тотчасъ меня сбилъ съ двора, молебень
Обѣщався пѣть, чтобъ Богъ, каковъ мнѣ потребенъ
Умъ даровалъ, языка отнявъ половину.

По изгнаніи отъ сего цѣловальника Сапиръ переходилъ изъ дома въ домъ, служа разнымъ господамъ, простымъ и знатнымъ

и находя вездѣ много такихъ расказовъ, которымъ Панъ будетъ смѣяться. Напослѣдокъ (продолжаетъ онъ) вступилъ я въ службу къ Милону, который былъ неубогой гражданинъ, и къ которому нѣмъ охотнѣе я шелъ:

. . . . Что мужъ онъ казался
Всему свѣту тихъ и свлпь; да въ сѣть я попался.
Прожилъ я съ нимъ пять недѣль, одинъ во всемъ домѣ
Слуга худо кормленный и спя на соломѣ,
Дѣвка въ поварнѣ одна, я съ утра до ночи
Пятерымъ хозяевамъ служа, со всей мочи
Надсажался, и снесъ бы прудъ, естьлибъ стерпѣти
Могъ строптивой семьи нравъ, но жена и дѣти
И самъ Милонъ часъ пробыть безъ шуму несильны,
И столь яры у себя, сколь въ людяхъ умильны.
Мала вещь, мало словце имъ причина ссоры
И крикъ межъ собой несутъ, что дрожатъ подпоры
И стѣны дома. Добро, естьлибъ межъ собою
Ссорясь въ трудахъ дали мнѣ нѣсколько покою.
Но та бѣда, ссоры ихъ всегда такъ кончались,
Что тучи надъ головой моей разрывались,
Какъ бы долженъ за всю ихъ шалость отвѣчати
Одинъ, и вины ихъ казнь претерпѣвати.
Однажды въ избу я вшедъ, нашелъ всю въ соборѣ
Семью, горитъ куча свѣчъ, попъ въ святомъ уборѣ,
Сказалъ въ себѣ: господа собрались молиться
Посмотрю страху тутъ нѣтъ, чтобъ могли браниться;
Но въ тотъ самый часъ одинъ изъ дѣтей, не знаю,

простолюдиновъ, однако въ семъ языкѣ здравый смыслъ, простая и сильная правда гораздо лучше многихъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ, какъ гласитъ Русская пословица, *умъ заходитъ за разумъ*. Далѣе, увѣщевая музу свою писать похвалы людямъ, говоритъ онъ:

Но вижу, муза, ворчишь, жмешся и краснѣешь
Являя, что ты хвалишь достойныхъ не смѣешь,
А въ ложныхъ хвалахъ терять ты не хочешь время.

Потомъ описываетъ трудность стихотворенія; говоритъ, что въ молодости своей писалъ онъ многія любовныя пѣсни, о которыхъ теперь раскаевается. Шутитъ надъ плѣнниками любви, и какъ бы удаленный уже отъ мірскихъ суетъ погружается въ важныя размышленія и говоритъ:

Забываю прошлое, и какъ мнѣ невольно
Будущее учредитъ время, такъ и мало
О томъ суечусь, готовъ принять, что випало
Изъ руки Вышняго Царя въ мою долю.
О числѣ моихъ дней жду тихъ егоже волю;
Честна жизнь непрепетна и весела идетъ
Къ неизбѣжному концу вѣдая, что видетъ
Тѣми дверьми въ новые вѣки непреспанны,
Гдѣ тишина и покой царствуетъ желанный.

Напослѣдокъ согласясь съ музою, что никакой другой родъ писанія ему не нра-

вится, оканчиваетъ бесѣду свою съ ней слѣдующими стихами:

Однимъ словомъ, Сатиру лишь писать намъ сродно,
Въ другомъ неудачливы: съ нравомъ же несходно
Моимъ, не писавъ прожить въ лѣности съ тобою.
Каковъ бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ неостудно,
И правда, ужъ отъ того и унятся трудно,
Когда тотъ, кто лапынью чулъ помазалъ губы
Хвастаетъ наукою, и оскаливъ зубы
Смѣется, и скучитъ всѣмъ долгими рѣчами,
Мня, что мудрость говоритъ къ намъ его устами;
Когда хлѣбникъ въ золотѣ и цугомъ катится;
Раздутой ужъ мастери подьячій стыдится,
И боярь однихъ въ родню принять ему нравно;
Когда мѣльникъ, кой съ волосъ стрясъ муку недавно,
Кручинится, и ворчитъ, и жмуритъ глазами,
Что въ палатѣ подняли мухи пыль крылами.

Вотъ какъ умѣлъ Кантемиръ изображать чванство разбогатѣвшихъ, или сдѣлавшихся знатными людей! Что можетъ быть забавнѣе, какъ представить себѣ мѣльника, который прежде съ утра до вечера, весь въ мукѣ, слушалъ безпрестанное стучаніе колесъ, и котораго теперь шумомъ своимъ безпокоятъ мухи? Онъ жмурится отъ поднимаемой ими пыли! Какая замысловатая и шутливая кисть для опи-

санія людскихъ нравовъ! Въ заключеніе Сатиры своей говоритъ онъ, что подобнымъ сему людямъ сочиненія его не могутъ нравиться; но что онъ подъ сильною защитою монарши отечества ни чьего гнѣва не опасается, и что стихи его довольно принесутъ пользы и славы, когда исправляя пороки, будутъ благоразумнымъ читателямъ пріятны. Щасливы нами стихотворство и науки, гдѣ истинна всѣми уважается, и гдѣ брани и клеветы раздражаемыхъ ею невѣждъ всѣми презираются.

Пятая Сатира его всѣхъ прочихъ длиннѣе. Она составлена изъ разговора между Сатиромъ и Періергомъ, но есть любопытнымъ. Стихотворецъ сдѣлалъ вымыслъ, что будто Панъ, веселый Богъ лѣсовъ, посылаетъ чрезъ всякіе три года по нѣсколько подвластныхъ ему Сатировъ, дабы они, нарядясь въ людское платье, жили въ разныхъ городахъ, примѣчая обряды, дѣйствія и нравы людей, и что будто сіи посланные по возвращеніи своемъ разсказываютъ ему все видѣнное ими, а онъ слушаетъ ихъ съ смѣху надсажаясь. Сатиръ, которому досталось жить въ странѣ стихотворца,

наскуча своею должностью, скидаетъ съ себя свои наряды и говоритъ:

Сильна Пана воля будь, хотьмнѣ смерть случится,
Не возможно ужъ съ людьми въ городѣ ужиться.
Нравы наши межъ собой чрезъ мѣру различны,
Къ нимужъ уборы ихъ мнѣ совсѣмъ неприличны:
Безпокоятъ чрезъ мѣру. Красотѣ радѣя,
Какъ осла златомъ себя тягчатъ; руки, шея,
Ноги, чресла спутаны: недруги покоя
Зимой отъ стужи, лѣтомъ не кроютъ отъ зноя,
Провалитесь отъ меня тягостни златые
Глупцамъ чтимпельны, и вы кудри накладные;
Довольно уже страдалъ я въ вашемъ обманѣ.

Періергъ, увидя раздѣвающагося Сатира, удивляется и распрашиваетъ его, кто онъ и откуду? Сатиръ, увѣдомивъ его о посольствѣ своемъ, разказываетъ потомъ, какъ и гдѣ онъ жилъ, и что видѣлъ. Такимъ образомъ стихотворецъ открываетъ уму своему широкое поле прогуливаться и замѣчать людскія слабости и пороки. Мы представимъ здѣсь нѣкоторыя тюкмо мѣста. Сатиръ, по вступленіи въ городъ, увидѣлъ много пьяныхъ, и удивляясь сей человѣческой страсти добровольно дѣлаться безобразнымъ и лишать себя здравія и разсудка, говоритъ:

Когда я умъ углубилъ, о томъ разсуждая,
И вину неисповѣдну такому не зналъ
Сыскать; приступилъ ко мнѣ старикъ сановитый
Сѣдою красенъ бородой, брюхомъ знаменитый
Пространнымъ; красно лице жиромъ все оплыло,
Чуть видны подо лбомъ глаза, и голосъ унылой.
Что ты, дружокъ, думаешь, стоя здѣсь безъ дѣла?
Сказалъ мнѣ; по платью зрю и по спирою пѣла,
Что ты къ работѣ угожъ; буде ты охоту
Имѣешь служить, я дамъ сносную работу
Мнѣ нуженъ вѣрный слуга, тѣмъ доволенъ мною
Будешь безъ лишнихъ трудовъ, будь лишь чистъ душою.

Сатиръ принялъ его предложеніе, пошелъ съ нимъ, чтобъ ему служить, и дорогою осмѣлился спросить у него о причинѣ такого въ городѣ пьянства:

. . . Старикъ со слезами
Вздохнувъ отвѣчалъ: дитя! не дивись межъ нами
Безпорядку такому; свѣтъ уже сѣдъ, знаешь,
Къ концу приближаясь; злои нравъ испребляетъ
Добрую склонность людей, кои сладку чаютъ
Чашу, что чувствамъ манитъ, хотъ въ ней ядъ глотаютъ.

Здѣсь старикъ съ великимъ умиленіемъ разсказываетъ ему, какъ предки наши, провождая жизнь безпорочную, и желая другихъ тому же научить, между прочими постановленіями учредили нѣсколько дней въ году, называемыхъ праздниками съ тѣмъ

намѣреніемъ, чтобъ люди, оставляя въ оные обыкновенныя работы свои, упражнялись въ благочестивыхъ дѣлахъ и молитвахъ; но (продолжаетъ) людскіе пороки преобратили то во зло, такъ что исполняется одна только часть сего установа, то есть, праздность, а другая вмѣсто благочестія и молитвъ посвящается злочинію и сумасбродству. Послѣ сего ихъ разговора Сатиръ приходитъ за господиномъ своимъ въ домъ его и узнаетъ, что онъ цѣловальникъ, сынъ горшкова, и выросъ въ домѣ у стряпчаго. Вскорѣ поручаетъ онъ ему должность носить воду изъ рѣки и лить въ вино. Впрочемъ (говоритъ о немъ Сатиръ):

. . . Утрени, часовъ, обѣдни, вечерни
Вѣкъ свой онъ не пропущалъ; но слѣдуя черни
Праздникъ въ пьянствѣ провождалъ, но продавалъ въ будни
Воду, что въ вино вливалъ въ праздникъ по полудни.
Нѣсколько разъ ужъ я ну должность исправляя,
Гнулъ спину и руки шеръ; хотѣлъ знать какая
Причина, что весь народъ воду покупаетъ?
Куды ты глупъ! онъ сказалъ, вѣдь народъ не знаетъ,
Что воду я въ бочки лью, и вино приходитъ,
А не воду покупать, кто въ кружало входитъ;
Вино, являя на всѣхъ скотскіе признаки,
Влечетъ, имавъ бы не зрѣлъ въ домѣ ни собаки.

Услышавъ то хохотать я сталъ изъ всей мочи,
И старикъ буры на мя распяливши очи,
Чему смѣешся? спросилъ, на что отвѣчаю:
Не задолго прежъ сего ты самъ, какъ я чаю,
Съ слезами въ глазахъ тужилъ, что народа нравы
Кончиной свѣта грозятъ, что святы уставы
Въ зло употребляются, и ругаясь пьянству,
Изыскилъ слѣдства того вредныя Гражданству.
А нынѣ причину зла множишь самъ безстудно!
Дрова метая въ огонь пожаръ гасить трудно!
. . . . . .
. . . . . .
Видно, отвѣчалъ старикъ, что умъ твой по тѣлу
Грубъ, и не въ людяхъ ты росъ, шакъ ты врешь не къ дѣлу.
Кромѣ того, что товаръ дорогъ мнѣ приходитъ
Въ лавку, сколько, знаешь ли, въ подаркахъ исходитъ
Судьѣ, дьяку и писцу, кои пишутъ, правятъ
И крѣпятъ указы мнѣ? И сколько заспавятъ
Башмаковъ однихъ избить, пока тѣ достану?
Сколькожъ даромъ испою Сенькѣ да Ивану,
Ходакамъ, и ихъ слугамъ, что и спятъ съ стаканомъ?
Не ужъ то мнѣ Богъ велитъ торговать съ изъяномъ?
Вымолвивъ, толчась меня сбилъ съ двора, молебенъ
Обѣщався пѣть, чтобъ Богъ, каковъ мнѣ потребенъ
Умъ даровалъ, языка отнявъ половину.

По изгнаніи отъ сего цѣловальника Сапиръ переходилъ изъ дома въ домъ, служа разнымъ господамъ, простымъ и знатнымъ

и находя везде много такихъ расказовъ, которымъ Панъ будетъ смѣяться. Напослѣдокъ (продолжаетъ онъ) вступилъ я въ службу къ Милону, который былъ неубогой гражданинъ, и къ которому нѣмъ охотнѣе я шелъ:

. . . . Что мужъ онъ казался
Всему свѣту тихъ и свлпь; да въ сѣть я попался.
Прожилъ я съ нимъ пять недѣль, одинъ во всемъ домѣ
Слуга худо кормленный и спя на соломѣ,
Дѣвка въ поварнѣ одна, я съ утра до ночи
Пяперымъ хозяевамъ служа, со всей мочи
Надсажался, и снесъ бы прудъ, естьлибъ стерпѣти
Могъ спропопиной семьи нравъ, но жена и дѣти
И самъ Милонъ часъ пробыть безъ шуму несильны,
И столь яры у себя, сколь въ людяхъ умильны.
Мала вещь, мало словце имъ причина ссоры
И крикъ межъ собой несутъ, что дрожатъ подпоры
И сѣны дома. Добро, естьлибъ межъ собою
Ссорясь въ трудахъ дали мнѣ нѣсколько покою.
Но та бѣда, ссоры ихъ всегда такъ кончались,
Что тучи надъ головой моей разрывались,
Какъ бы долженъ за всю ихъ шалость отвѣчати
Одинъ, и вины ихъ казнь претерпѣвати.
Однажды въ избу я вшедъ, нашелъ всю въ соборѣ
Семью, горитъ куча свѣчъ, попъ въ святомъ уборѣ,
Сказалъ въ себѣ: господа собрались молиться
Посмотрю страху тутъ нѣтъ, чтобъ могли бранишься;
Но въ тотъ самый часъ одинъ изъ дѣтей, не знаю,

За чѣмъ пошедъ матерней, платокъ, кой при краю
Лежалъ стола, уронилъ. Буря тотчасъ встала,
Отецъ сперва, потомъ мать вольноваться стала,
И молитвы, и кресты, и земны поклоны;
Различно сына ругань не даютъ препоны,
Виныій извиняется, братья заступаютъ
Ворча, слово за слово ссору подымаютъ,
Шумъ и громъ; ужъ не слыхать ни чиненья ни пѣву.
Попъ видя, что ужъ пришло дѣло не къ издѣву,
Спѣшитъ утолять огонь. Ему подражая
И я прошу перестать, вину представляя
Распрю маловажну быть, и что шутъ къ молитвѣ,
Гдѣ любовь нужна, сошлись, не къ бранѣ и битвѣ:
Но вдругъ вижу, что свѣчи и книги летаютъ:
На попѣ ужъ борода и кудри пылаютъ,
И туша кричитъ, бѣжитъ въ ризахъ изъ палаты.
Хозяинъ за мои совѣты, мнѣ вмѣсто уплаты,
Палоемъ въ спину стрельнулъ; я съ лѣстницъ скатился,
Не знаю, какъ столько цѣлъ, въ низу очутился.
Спадшіе кудри мои тотчасъ схвативъ, роги
Прикрылъ, и ударился безъ оглядки въ ноги.

Сколько стихотворецъ нашъ игривъ и забавенъ въ описаніи подобныхъ сему смѣшныхъ явленій, столько же искусенъ въ подражаніи чужеспраннымъ писателямъ и важенъ въ нравоучительныхъ разсужденіяхъ. О неосторожностиѣ и легкомысліи человѣческомъ устами Сатира говоритъ онъ людямъ:

Несчетныхъ страстей рабы, отъ дѣтства до гроба
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба.
. . . . . .
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя, —
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ!
То богатства ищете, то деньги мѣняютъ,
То грустно быть одному, то люди скучаютъ;
Не знаете сами, что хотѣть; теперь шое
Хвалите, потомъ сіе съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто; и что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно!

Здѣсь описывая, что люди часто недовольны бываютъ состояніемъ своимъ и всегда завидуютъ другому, подражаетъ онъ Горацію, но сохраняя всѣ его мысли, такъ хорошо умѣлъ вложить жалобы въ уста судьи, купца, пахаря, воина, что всѣ они по образу рѣчей своихъ, кажутся быть Русскими; на примѣръ: солдатъ жалуясь на состояніе свое говоритъ:

. . . . Чортъ, не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымышь чѣмъ нѣту!

Въ шестой Сатирѣ своей выхваляетъ онъ жизнь умѣренную и добродѣтельную, утверждая, что алчное исканіе богатствъ и почестей часто принуждаетъ насъ при-

бѣгать къ способамъ предосудительнымъ и низкимъ. Часто говоритъ:

Съ пѣтухами пробудясь, нужно попащиться
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ передних томишься;
Полдни торчать на ногахъ, съ колоны въ бесѣдѣ,
Ни сморкнуть, ни капнянуть смѣя. По обѣдѣ
Таже жизнь до вечера; ночь вся безпокойно
Пройдетъ, думая, кому поупиру приспокойно
Еще бѣжать, передъ кѣмъ гнуть шею и спину,
Что слугѣ въ подарокъ, что понесть господину.
Нужно часто полыгать; небылицѣ вѣрить,
Что одною скорлупой можно море смѣрить;
Господскую спѣсь сносить, признавать, что родомъ
Моложе Владиміра однимъ только годомъ,
Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрый,—
Кривую жену его называть Венерой,
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалить остроту природну:
Не зѣвать, когда онъ самъ несетъ сумасбродну!
Нужно благодѣтелемъ звать того, другаго,
Отъ кого вѣкъ не видалъ добра никакаго.
Или долженъ ты (продолжаетъ Сатирикъ:)
. . . торчать при дворѣ съ утра до полночи
Съ опвѣсомъ въ рукахъ, и сплошь напялившии очи,
Чтобъ съ веревки не скользнуть; а между тѣмъ свищетъ
Славолюбіе въ ушахъ, что кто славы ищетъ,
На прежней степени, тотъ остаться стыдится,
И такъ повторяя трудъ лѣтъ съ тридцать нуится,
Лѣтъ съ тридцать бѣдную жизнь спанешь продолжаніи.

Чтобъ къ цѣли твоей возмогъ весь дряхлъ добѣжати.

Что пользы (говоритъ онъ), что ты разными происками, неправдами и криводушными дѣлами достигнешь напослѣдокъ до того, что:

Всѣ тебя, какъ бы божка, кадить и чтить тщатся,
Всѣ больше, нежъ чучела, вороны боятся?
Искуство само твой домъ создало проспранный,
Гдѣ все, что Италія, Франція и спранный
Китайскъ умъ произвели, зрящихъ удивляетъ.
Всякой членъ твой въ золотѣ и въ камняхъ блистаетъ,
Которы шлетъ Индія и Перу обильны,
Такъ что лучей отъ тебя глаза снесть несильны.

Будешь ли ты (вопрошаетъ онъ) презъ то покоенъ, и долго ли сокровищами своими наслаждаться станешь? Пусть еще, когда бы ты могъ прожить два или три вѣка;

Да лихъ человѣкъ родясь, имѣетъ на силу
Время оглядѣться вкругъ, и полѣзть въ могилу,
И столь коротку жизнь еще ущербляютъ
Младенчество, старость, болѣзнь, а дни такъ летаютъ
Что напрасно будешь ждать себѣ ихъ возврату.
Чтожъ столь тяжкой сносить трудъ за столь малу плату
Я имѣю, и терять золотое время,
Оставляя изъ дня въ день злонравія сѣмя

Изъ сердца изкоренять? Пропадутъ степени
Пышны, и сокровища, какъ за пустыя тѣни,
Басенный песъ опустилъ изъ зубъ кусокъ мяса.
Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума при ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе.

Напослѣдокъ заключаетъ:

Мудрая малымъ прожить природа насъ учитъ
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ не мучитъ.
Достать непрудно доходъ невеликъ и сходенъ
Съ состояніемъ твоимъ; а покоемъ свободенъ
Отъ прихотной зависти тамъ остановися.
Степенямъ блистающихъ именъ не дивися
И богатствъ большихъ, живи тихъ, ища, что честно
Что и тебѣ и другимъ пользуетъ нелестно
Къ нравовъ исправленію, слава твоя вѣчно
Между добрыми людьми жить будетъ конечно.
Да хоть бы не вѣдомъ дни скончалъ, и по смерти
Свѣту остался забытъ, силенъ ты былъ стерпти
Зубъ зависти; ни трудовъ твоихъ мзда пропала.
Добрымъ быть, собою мзда есть уже немала!

Въ седьмой сатирѣ своей къ Князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому стихотворецъ говоритъ, что часто люди спараются пороки свои извинять слабостію природы человѣческой; но что такое мнѣніе не можетъ ихъ оправдывать; ибо всякая и добрая земля, когда станешь лѣнишься воздѣлывать ее,

обростетъ худою травою. Здѣсь коснувшись воспитанія, которое всего болѣе способствуетъ къ посѣянію въ насъ худыхъ или хорошихъ склонностей, продолжаетъ онъ:

Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенческо зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ; къ тому всѣ науки
Концу, и искусства всѣ должны подать руки.

Когда (говоритъ) съ малыхъ лѣтъ, украся умъ свой знаніями и сердце добродѣтелями, сдѣлаешся ты извѣстенъ и отличенъ, тогда всѣ будутъ тебя искренно почитать; но если ты сихъ достоинствъ не будешь въ себѣ имѣть, то на какой бы ты ни былъ степени, народъ

Дивиться станетъ тебѣ, но любить не станетъ
Хвалы твои изъ его устъ нужда потянетъ
. . . . . .
Добродѣтель лишь одна можетъ намъ доставить
Покоину совѣсть, предѣлъ прихотямъ уставить,
Повадить тихо смотрѣть щастья грудь и спину,
И неизбѣжную ждать безстрашно кончину.

Далѣе продолжаетъ онъ о воспитаніи дѣтей:

Завсегда дѣтямъ шверди строгіе уставы
Наскучишь, истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Естьли часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишне спѣша дѣло,
На единѣ исправлять можешь ты ихъ смѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Нежъ суровость въ цѣлой годъ, кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ заглади-
тъ

Смѣлость, и безвременно торопѣть повадитъ.
Щастливъ, кто надеждою похвалъ взбудитъ знаетъ
Младенца, много къ тому примѣръ пособляетъ:
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скоряе.
Примѣръ наставленія всякаго сильняе:
Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.
Орлій птенецъ быстръ летитъ, щенокъ гончій му-
читъ

Курицъ въ дворѣ, лобъ со лбомъ козлята сшибаютъ;
Утята лишь изъ яйца выдутъ, плавать знаютъ.
Не смыслъ учитъ, ни совѣтъ того не имѣютъ,
Сего не льзя имъ подать; подражать умѣютъ.

. . . . . .

Щастливъ я сыновнюю имѣлъ унять скупость,
Описавъ злонравія, и гнусность и глупость,
Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнашій бѣденъ
Надъ кучею злата; сухъ, печаленъ и блѣденъ,
Всякой часъ мучитъ себя: мнишь ли ты щастливу

Жизнь въ обильствѣ такову? Естьлибъ чрезъ чуръ тщиву
Руку его усмотрѣлъ,— пальцомъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеархъ, и всю расказалъ бы
Потомъ жизнь Клеархову чрезъ мѣру прохладну.

Примѣры (продолжаетъ онъ) сильно дѣйствуютъ надъ нами:

. . . . . Часто дѣти были бы честнѣе,
Естьлибы мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свои въ уздѣ держали.
Правдой и неправдою мнѣ копится куча
Денегъ, и степень достать высоку жизнь муча,
Нужусь; полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю,
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю;
Однихъ щастливыми я зову лишь обильныхъ,
И сотью то въ часъ твердя, завидую сильныхъ
Своевольству я людей, и дружбу ихъ тщуся
Всячески снискать себѣ, убогимъ смѣюся:
А однакожъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ
Зналъ обуздать похоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался,
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный часто примѣръ, силы
Будетъ важной, и итти станетъ сынъ тропою,
Котору протоптану видитъ предъ собою.
И съ какимъ лицомъ журить сына ты посмѣешь,
Когда своимъ наставлять его не умѣешь
Примѣромъ, когда въ тебѣ видитъ то всечасно;
Что винишь, и ищетъ онъ, что хвалишь, напрасно?

Если молодаго мать рака обличаетъ
Кривой ходъ: „прямо сама поди, отвѣчаетъ,
„Я за тобой пошлыву, и подражать стану.„

Старайся, говоритъ стихотворецъ отцу и матери, старайся самъ:

. . . . Всякаго убѣгать порока;
Есиньли не льзя, скрой его отъ младенча ока.
Когда гостя ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ
Слуга твой дворъ и крыльцо, другой подмѣтаетъ
И убираетъ весь домъ, третій третъ посуду,
Ты самъ вездѣ суешься, обѣгаешь всюду,
Кричишь, безпокоишься, боясь, чтобъ не вспрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу нечистоту; а тыже не тщишься
Поберечь младенцевъ глазъ, ему не стыдишься
Открыть свою срамоту. Гостя ближе дѣти,
Большу бережь ты для нихъ долженъ бы имѣти.

Въ осмой и послѣдней сатирѣ своей стихотворецъ между прочимъ говоритъ о себѣ, что хотя любилъ онъ осмѣивать злонравіе и пороки, однакожъ всегда опасался ясныхъ примѣтъ личности.

Когда я, говоритъ онъ, пишу стихи, то какъ осторожный рудометъ, боюсь, чтобъ излишнимъ впущеніемъ острея не-

дать больному глубокой раны. Для того (продолжаетъ):

Кончавъ дѣло, на долго тетрадь въ ящикъ спрячу.
Пилю и чищу пемзомъ, и хотя исправлю
Большу часть прежнихъ трудовъ, новыхъ не жалѣю;
Со всѣмъ тѣмъ стихи свои я казать не смѣю.
Стыдливымъ, болзливымъ, и всегда собою
Недовольнымъ быть, по мнѣ природы рукою
Вписано, или опытомъ совѣтомъ изъ дѣтства.

Всегда, продолжаетъ онъ, вѣрилъ я:

. . . . . Что лице, на коемъ садится
Часто красный цвѣтъ стыда, вдвое становится
Красивѣе, и даетъ знаки неоспорны
Внутренни доброты.

Сіи похвальныя свойства стихотворца нашего показываютъ, что онъ далекъ былъ отъ тѣхъ Сапириковъ, которые не прошивъ невѣжества и пороковъ вооружаются, но прошивъ человѣка, осуждающаго тѣ недостатки и страсти, которымъ они чувствуютъ себя подверженными. Сверхъ Сапиръ находимъ мы въ Кантемировыхъ сочиненіяхъ: четыре краткія пѣсни, письмо къ Трубецкому, нѣсколько басенъ и эпиграммъ. Мы предложимъ здѣсь только пер-

вую пѣснь, для показанія лирическаго стихотворства его.

Тщетную мудрость міра вы оставьте,
Злы Богоборцы! Обративъ кормило,
Корабль свой къ брегу истинны направьте;
Теченье ваше досель блудно было.

Признайте Бога, иже управляетъ
Тварь всю своими созданну руками.
Той простеръ небо, да въ немъ намъ сіяетъ,
Далъ Солнце, свѣта источникъ, съ звѣздами.

Той луну, солнца лучи преломляти
Научивъ, темный шаръ свѣтить заставилъ,
Имъ зрятся чудны сіи пресѣкати
Тѣлеса воздухъ, и въ нихъ той устава лъ

Теченій мѣру, порядокъ и время,
Итакъ увѣсилъ всѣ махины части,
Что нигдѣ лишна легкость, нигдѣ бремя;
Другъ друга держатъ, и не могутъ пасти.

Егоже словомъ въ воздушномъ пространствѣ
Какъ мячикъ легкой, такъ земля катится;
Въ травѣ же зеленомъ и дубравъ убранствѣ
Тутъ гора, тамъ долина гордится.

Той изъ источниковъ извелъ быстры рѣки
И пескомъ слабымъ велѣлъ сохранящи
Морямъ свирѣпымъ свои предѣлъ во вѣки,
И вѣтрамъ легкимъ далъ съ шумомъ дышащи.

Разны животныхъ оживилъ онъ роды;
Часть перомъ легкимъ въ воздухъ нѣма бремя
Удобно взноситъ, часть же сѣчетъ воды,
Ползетъ иль ходитъ грубѣйшее племя.

Съ малой частицы мы блага сплетенны
Тогожъ въ плоть нашу всесильными персты,
И успѣнъ духомъ его оживленны;
Онъ намъ къ понятью далъ разумъ отверстый.

Той черный облакъ жаркимъ раздѣляя
Перуномъ, громко гремя устрашаетъ
Землю и воды и дальнѣйша края
Темнаго царства быстръ звукъ достизаетъ.

Низитъ высокихъ, низкихъ возвышаетъ;
Тутъ даетъ, что тамъ восхотѣлъ отъяти.
Горамъ коснувся дымѣть понуждаетъ:
Мавіемъ міръ весь силенъ потрясати.

Эпиграммы его имѣютъ также много соли и остроты. На примѣръ слѣдующая *на гордаго новаго дворянина*:

Въ великомъ числѣ вельможъ Силванъ всѣхъ глупѣе,
Не богатѣя, не спарѣя, дѣломъ не славнѣе;
Для чегоже, когда имъ кланяются люди,
Кланяются и они; Силванъ одинъ груди
Напяливъ, даже кивнуть головой лѣнится.
Кувшинъ съ молокомъ сронить еще онъ боится.

Заключимъ изъ сего чтенія Кантемировыхъ сочиненій, что не несправедливо разсуждаютъ о семъ знаменитомъ стихотворцѣ, которые думаютъ, будто слогъ его устарѣлъ и не можетъ болѣе приносить удовольствія читателямъ. Хотя слухъ нашъ (можно сказать по нещастію) пріученъ къ нѣкоторой съ лишкомъ единообразной въ стихахъ мѣрности, къ нѣкоторымъ не только новымъ оборотамъ и выраженіямъ, но даже мыслямъ изнѣженымъ и весьма удаленнымъ отъ силы и простоты древнихъ писателей; однакоже умъ нашъ не долженъ походить на глаза наши, которыми по большой части управляетъ привычка, и которые сего дня лю-

бять красные, а завтра голубые цвѣты. Въ наукахъ и словесности знаніе должествуетъ быть гораздо постояннѣе, иначе оно не будетъ *знаніе*. Кантемиръ останется навсегда такимъ стихотворцемъ, которымъ Россійская словесность по справедливости хвалиться можетъ.

А. Шишковъ.

ВЕСНА

1812 ГОДА.

Снѣга пушисты изчезаютъ,
Зефиромъ нѣжится земля,
Пернаты слухъ нашъ услаждаютъ;
Одѣлись зеленью поля.
Кичась гранитными брегами,
Нева сребро свое грядами
Въ дань Вельту мощному катитъ:
Опять водъ ея Орелъ двуглавый,
Отечеству для новой славы
Съ перунами въ когтяхъ паритъ.

Всѣ грозные сыны полночи
Уже въ доспѣхахъ и бронѣ;
Подъята длань, сіяютъ очи
Неустрашимостію въ огнѣ.
Готово копіе и стрѣлы,
Уже на шлемахъ перья бѣлы
При дальнихъ вѣюпъ берегахъ.
ЕКАТЕРИНОЙ усмиренна
Вновь Висла, Россомъ окруженна,
На приспыхъ ей вливаетъ страхъ.

Подастъ усердіе согрѣто
Дыханьемъ сладостнымъ весны,
Благопріятно Россамъ лѣто,
Въ которомъ вѣрные сыны,
Среди трудовъ непредусмотренны,
Плоды получатъ вожделѣнны,
И напитаютъ ими свѣтъ;
А Росса Царь на колесницѣ,
Со вѣнцвью масличной въ десницѣ,
Въ Петрополь счастье принесетъ.

Сколь тягостно разлуки время,
Столь радостенъ свиданья часъ;
Спадетъ печали нашей бремя,
Одушевитъ веселье насъ:
Мольбы, обѣты совершатся,
Герои наши возвратятся
Къ супругамъ нѣжнымъ и сестрамъ;
Для торжества самъ Нордъ суровый,
И мирты и вѣнцы лавровы
Розсыплетъ щедро по стезямъ.

Графъ Хвостовъ.

ГИМНЪ

БОГУ.

О ты, всесущій духъ природы,
Кѣмъ движется міровъ горящихъ въ небѣ сонмъ,
Кого блаженъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ народы,
Чьимъ мановеніемъ гремитъ небесный громъ,
И носятся сѣды туманы
И сѣры облака перунами раздранны
Какъ пучныя спада овновъ,
Богъ благости, любви, начало всѣхъ міровъ!
Къ тебѣ паритъ мой умъ ничтожный,
Къ небѣ, которому весь шаръ земли огромный,
И огнь горящихъ сферъ, и шумъ кипящихъ волнъ
Въ гармонію слѣясь гимнъ славы составляютъ,
Кто въ солнцѣ основалъ свой пламенный престолъ,
Кого сонмъ Ангеловъ согласно величаетъ
Хвалою горныхъ струнъ.
Творецъ! тьмы темъ міровъ, Тобою сотворенныхъ,
И солнцевъ тысящи, и милліоны лунъ,
И все пространство безпредѣльно,
Мирьядами свѣтилъ небесныхъ озаренно
И свѣтла вѣчнаго зарей,
Ничто предъ славою Твоей.

* * *

Тебя, Благій Отецъ! намъ все изображаетъ,
Все смертнымъ говоритъ, что существуешь Ты:
И тѣнь древесная, гдѣ сладко воспѣваетъ
Любимецъ нѣжныя весны,
И пламенна заря, и солнце восходяще,
И утро ясное, и воздухъ аромать
И хладная роса зеленый лугъ кропяща,
И волны сыплющій въ граниты водопадъ,
И небо чистое, и звѣздъ горящихъ сонмы,
И молньи яркой лучъ парящій надъ землей,
И въ небѣ среди тучъ катающися громъ,
Все сердцу говоритъ: живъ, живъ Создатель твой!

* * *

Такъ! живъ мой Богъ,— и духъ мой живъ!
Пускай громада сферъ въ дно ада погрузится,
Пусть время нощію небытія затмится,
Свой скипетръ желѣзный преломивъ,
Пусть сѣдовласый верьхъ Кавказа вознесенна
Отъ тучъ въ дно пропастей надетъ,
И Океянъ сѣдый десницей разъяренной
О сферы пламенны волной своей плеснетъ,
Пускай окрестъ меня бунтуетъ вся природа,
Пусть весь изчезнетъ міръ: но духомъ я парю.
Се утренней зари вдали разсвѣтъ я зрю,
И солнца новаго надѣюся восхода!
Приди желанное свѣтило вѣчна дня,
И въ гробѣ пробуди улыбкою меня!—
О утра сладкій часъ, чѣмъ духъ мой веселится!
Когда твой свѣтлый лучъ очамъ моимъ явится?
Чего страшиться мнѣ врагъ смерти преступить?
Благословенъ мой Богъ! я вѣчно буду жить!

* * *

Когда же радостный сей день мнѣ возсіетъ?
Когда я воззовусь небесною трубою
Предстать передъ Тебя?— Вопще мой умъ блуждаетъ,
И я безмолвенъ предъ Тобою.
Возможетъ ли постичь виновника творенье,
Возможно ли прозрѣть въ святилище Творца?
Ахъ! духъ нашъ посвятимъ безсмертнаго къ служенью;
Се фиміямъ ему— незлобивы сердца.

* * *

Когда сонъ смерти вожделѣнной
Явится предъ меня,— и Ангелъ низпаритъ
Съ свѣщею вѣчности возженной;
Какъ темный кипарисъ гробъ сирый осѣнитъ,
И сладкій соловей надъ хладною могилой
Поздравитъ упренню природу пѣснью милой:
Тогда познаю я тебя, Создатель мой!
А нынѣ пѣснь моя лишь только звукъ пустой!

Яковъ Бередниковъ.

КЪ ПОЕЗІИ.

Безсмертный даръ, глаголъ вѣковъ,
Гремящій въ слухъ вселенной,
Органъ небесъ священной,
Поезія, языкъ боговъ!
Тебѣ звучащую я арфу посвящаю.
Да сердца моего хвалебная мольба
Безсмертная! предстанетъ предъ тебя!
Вонми брацанью струнъ,— огнемъ твоимъ пылаю.

* * *

Приникни съ высоты Олимпа вознесенна,
Снесися въ образѣ весны,
Зефира въ вѣяньи, въ сіяніи луны,
И духъ мой оживи Поезія священна!
По доламъ стелется туманъ; не видно стадъ,
И западны поля зарницею горятъ,
Чуть сыплетъ волны водопадъ,
Въ зеленой чащѣ древъ хоръ птичекъ замолкаетъ,
И шепчетъ съ тишиной сверкающій ручей,
Тамъ сквозь кустарники чуть, чуть мелькаетъ
Блескъ погасающихъ на западѣ лучей,
И мракъ надъ рощей темной

Сливаешся вдали съ сіяньемъ багреца.
Что благосклоннѣе мечтаніямъ пѣвца?
Привѣтствую тебя! — Приди въ чертахъ любезной
Съ улыбкой милою Лауриной красы;
Разсыпавши вокругъ лилейныхъ плечъ власы,
Въ часы вечернія прохлады,
Съ зефирной легкостію Лады,
Какъ вихорь прилетѣвъ,
Ты въ темной рощѣ древъ
Явись моимъ очамъ! — Тобою восхищенный
На лирѣ воспою Природу вдохновенный,
И эхо пѣснь мою по рощамъ разнесетъ.
Тогда, богиня! — Я Поэтъ!

* * *

Тобой Поэзія! мой духъ образовался,
Мнѣ чувствовать дано лишь прелести твои,
Тобой подъ мракомъ ночь единой утѣшался,
Съ тобою раздѣлялъ и радости мои.—
Когда родимыя дубравы въ отдаленьѣ
При утренней зарѣ, при возрожденьѣ дня,
Бродилъ я иногда при мѣсячномъ сіяньѣ
Ты занимала лишь меня!
Когда блистающу вечернюю зарницу
Я зрѣлъ на западѣ;— и въ тишинѣ нощной
Унизанну небесъ звѣздами багряницу,
Когда духъ пылкой мой
Дремотой сладостной въ забвеніе склонялся;
Въ мечтаніи святомъ
Твоею прелестью я юный восхищался,
Моимъ была ты божествомъ!

* * *

Съ тобою въ мрачныя я пропасти спускался,
Гдѣ стонъ сливается, молчанье тишины
Со клокотомъ глухимъ Коцитовой волны,
Тобою тартаръ мнѣ ужасный представлялся.
Съ тобою на крилахъ подъ небомъ я леталъ,
Носился за предѣлъ вселенной,
И вѣчности чертогъ священной
Рѣзецъ, Поезія! мнѣ твой живописалъ,
Съ тобою на Кавказъ угрюмой я взбирался,
И облачны поля и долу бездны зрѣлъ,
Орловъ подъ небеса паренью удивлялся,
Предъ взоромъ снѣжныя верьхъ Рифейскихъ горъ синѣлъ,
И лѣта пышный пиръ подъ мразомъ видѣлъ зимнимъ,
И громъ катящихся съ высотъ неизмѣримыхъ
Снѣговъ надъ мной шумѣлъ.
Поезія! тобой водимый
Съ станицею парилъ полунощныхъ орловъ
Въ огнѣ, въ дыму; во мглѣ, едва во мрачномъ зримыхъ
Туманѣ облаковъ,
Повсюду адскою крамолой обложенныхъ,
При громѣ по горамъ гремящемъ цѣпенѣлъ,
Когда средь молній Альпъ стеналъ изнеможенный,
Когда изчезнулъ Россъ,— и всталъ непобѣжденный.
Державинъ! я тобой сію картину зрѣлъ.

* * *

Поезья, другъ души! тобою преносился
Я очарованный въ Армидины сады.
Богатствомъ, роскошью лишь тамо я плѣнился:
Зрѣлъ тяжестью со древъ висящіе плоды,

Зрѣлъ зеркало прудовъ луною озаренно,
Шумѣлъ за мною въ отдаленьѣ
Ревущій водопада громъ,
Тамъ тополей подъ осѣненьемъ
Зрѣлъ водометовъ брызгъ, шумъ падающихъ волнъ
Внималъ въ очарованьѣ,
Въ тѣни прохладныхъ рощъ, при мѣсячномъ сіяньѣ
Зрѣлъ пляски стройныхъ Нимфъ вечернею порой,
Какъ съ распущенными лилейными власами
Онѣ невинными играми
Питали радостью, воспоргами духъ мой,
А тамъ подъ сводами пещеры отдаленной,
Присутствіемъ Армиды озаренной,
Бряцанію златой цѣвницы я внималъ,
Изъ коей нѣжная гармонья изливалась;
То съ нею въ облакахъ я мыслями леталъ
То дни печальные душа воспоминала,
Какъ льстившая меня надежда изчезала,
Какъ сей замолкшій вдругъ органъ,
Чей стонъ еще въ дали пустыня повторяетъ.
Въ очарованіи святомъ, въ тиши ночной
Тогда въ забвеніи мечталъ духъ пылкой мой:
Не горняяль меня Гармонія плѣнитъ?

* * *

Твоимъ присутствомъ озаренный,
Поезія, живой творенія органъ!
Зарею утра пробужденный
На холмѣ красное свѣтило дня встрѣчалъ.
Окрестъ туманы упадали,
И открывалися творенія красы.
Брильянты утренней росы

На бархатномъ лугу разсыпаны блистали;
Сверкалъ подъ чащей древъ игривѣе потокъ,
Сняла ночь мрачная хитонъ съ чела природы
И загорѣлся вдругъ пылающій востокъ,
Лучами озарились воды,
Подъ тѣнью засвистали весенній соловей,
И тихой трелію по рощѣ разсыпался,
Востокъ милліонами лучей,
Отъ часу пламеннѣй казался.
Послышался вдали пастушій звонкой рогъ,
Который вторяся въ пустынномъ отдаленьѣ,
По горнымъ челамъ вознесеннымъ
Гремѣлъ, звучалъ, шумѣлъ,—замолкъ.—
Окрестъ молчаніе природы!
Безмолствуя приникнула вся тварь;—
И солнца огненный, огромный шаръ
Катится сонныя оставя воды;
Какъ круглый Оссіяновъ щитъ . . . .
Воззрѣлъ,—и волны загорѣлись,
И пламемъ облака пылающимъ одѣлись,
Ночныхъ погасъ огонь лампадъ,
И тучи пламенемъ зажглися,
Туманы въ бездны улеглися,
И златомъ засверкалъ шумящій водопадъ,
Природа стройный гимнъ Создателю воспѣла,
Пастушьи раздались рога,
И огласились волнъ журчзніемъ брега,
И эхами вокругъ пустыня загремѣла.

* * *

Могу ли трепетной рукой
Поэзія, души моей Царица!
Касаясь струнъ моихъ даръ возвеличишь твой?
Безсмертная твоя десница
Цвѣты разсыпала сей жизни на пути.
Ахъ! долго дни моихъ свѣтило мракомъ крылось:
Но щастіе съ тобой очамъ моимъ явилось,
Когда восторгъ я пилъ Лауры на груди!

* * *

О Барды славные, краса полей родимыхъ,
Волшебной чей рѣзецъ искусною рукой
Природы начерталъ безсмертныя картины!
Благословенны будьте мной!
Отъ юности моей избранною стезею
За вами пылкая стремилась мысль моя:
И въ вечерь сумрачный, и съ утренней зарею
Безсмертну пѣнію внималъ Поэта я,
Гремѣвшаго Творца на лирѣ златострунной,
Съ другимъ Шамановъ двухъ при свѣтѣ ночи лунной
На брегѣ Иртыша бесѣдовавшихъ зрѣлъ,—
И—тщетно въ слѣдъ парить за славными хотѣлъ.

* * *

Поэзія! услышь, услышь мое моленье,—
И въ тишинѣ ночной, или при свѣтѣ дня,
Въ сіяньѣ солнечномъ, или въ подобьи тѣни
Предстань передъ меня!
Правь лиры моея плѣнительной игрою,
И вѣчно славная! не разлучись со мною!
Пускай мои будетъ прахъ въ глухой степи зарытъ,

Пусть хладный воетъ вѣтръ вкругъ гроба отдаленна,
Съ тобой, Поезія священна!
Въ безвѣстіи пустынь не буду я забытъ.
Прахъ Креза златомъ обложенный
Подъ пышнымъ мраморомъ сгніетъ опять всѣхъ забвенный.
Проропщетъ глухо лишь надъ нимъ проклятій гулъ.
Что жъ въ златѣ суетномъ? — Оно презрѣнно мною.
Мой не забудутъ гробъ, Поезія, тобою! —
Шепнешь лишь: здѣсь мой другъ спокойнымъ сномъ заснулъ—
И хладный прахъ пѣвца въ тиши лѣсовъ унылыхъ
Встревожитъ странника усталаго нога,
И на пустынный дернъ безмолвныя могилы
Лауры скатится слеза!

Яковъ Бередниковъ.

ЧУВСТВО

ПРИ НАСТУПЛЕНІИ ВЕСНЫ.

Какъ бурнымъ вихремъ прахъ смятенныхъ
Крутяся въ воздухѣ летитъ,
Какъ въ пыль блестящу раздробленный
Источникъ съ горъ, свой бѣгъ стремитъ,
Подобно такъ несется время
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ,
Влачитъ печалей нашихъ бремя
И мчитъ минуты дней другихъ,—
Въ своемъ стремленьѣ увлекаетъ
Ушѣхи, горесть, суеты
И вмѣстѣ съ жизнью разрушаетъ
Блестящи разума мечты.
И такъ всегдаль нашъ духъ спрадаетъ?
Нѣтъ— горю такъже есть конецъ!
Цвѣтокъ блаженства разцвѣтаетъ
И для нещастливыхъ сердецъ,
Все въ мірѣ можетъ премѣниться
Все въ немъ идетъ своей чредой:
Не рѣдко щастье въ томъ таится,
Что кажется для насъ бѣдой.
Не вѣчно осень докучаетъ
Угрюмостію намъ своей,
И снѣгъ на время лишь скрываетъ
Пріятный видъ луговъ, полей;

Прошли зимы часы суровы,
Грядетъ къ намъ кроткая весна,
Несетъ съ собой утѣхи новы,
И сладость въ чувства льетъ она.
На легкомъ облакѣ спускаясь
При яркихъ солнечныхъ лучахъ,
Въ виссонъ эфирный облекаясь
Блистаетъ въ Сѣверныхъ странахъ.
Подъ мирною ея стопою
Земли живится полукругъ;
Ея спасительной рукою
Все, мнится, воскресаетъ вдругъ.
Волшебнымъ скипетромъ махнула
Разсѣлись горы хладныхъ льдовъ,
Отъ сна природа воспрянула,
Изчезъ угрюмый видъ снѣговъ;
Богиня красныхъ дней явилась,
Умолкли стоны мрачныхъ бурь,
И оку смертнаго открылась
Небесъ прелестная лазурь.
Благотворящее свѣтило
Лучей своихъ къ намъ злато льетъ.
Веселье тварямъ возвратило
Все новой жизни токи пьетъ,
Весенне кроткое дыханье
Разторгло узы рѣкъ, ручьевъ.
Ихъ струй веселое журчанье
И пѣснь гремящи соловьевъ,

Весны владычество вѣщаетъ;
Гласитъ природы торжество.
Повсюду взоръ нашъ обольщаетъ
Въ прелестномъ видѣ совершенство.
Порхаютъ птички голосисты
И радостно поютъ въ кустахъ,
Гордятся зеленью вѣтвисты
Деревья въ рощахъ и садахъ;
Земною влагой насыщаясь
И жизненный вкушая сокъ,
Рукою Флоры украшаясь
Развертывается цвѣтокъ.
Стада, зимою заключенны,
Лишенны воздуха въ стѣнахъ,
Гуляютъ солнцемъ освѣщенны
На зеленѣющихъ лугахъ.
Вой бурныхъ вѣтровъ замѣняетъ
Тамъ звукъ пастушьяго рожка;
Тамъ нѣжна горлица лобзаетъ
Сердечко милаго дружка.
За пестрой бабочкой гоняясь
Играютъ дѣти средь полей;
Тутъ жаворонокъ вверьхъ взвиваясь
Поетъ красу вёсенних дней.
Пчела свой улей оставляя
Съ цвѣтка садится на цвѣтокъ,
И трудъ полезный начиная
Сосетъ изъ розы сладкой сокъ.

Зефиры рѣзвятся съ листками,
Играютъ Нимфы межъ собой;
Тамъ пѣсни съ звучными рожками
Вечерней слышатся порой.
Луна сквозь облако млечное
Сребря спокойствія часы,
На время, тихое нощное
Лѣетъ въ безмолвіи красы.
Мелькаютъ ручейки прозрачны
Сквозь вѣтьви гибкія древесъ,
Ликуютъ горы, долы злачны
Пестрѣетъ лугъ, пушится лѣсъ.
Болѣзнью, бѣдствомъ изнуренный,
Чья жизнь по гореснямъ течетъ,
Красой природы возхищенный
Весною сердцемъ разцвѣтетъ;
День Майскій свѣтлый, благодатный,
Унылы чувства оживитъ,
А воздухъ тихой, ароматный
И духъ и тѣло обновитъ.
Но можноль въ городѣ весною
Намъ зрѣть природы торжество?
Здѣсь смертныхъ хитрою рукою
Красотъ лишилось естество.
Гдѣ съ горъ катились водопады,
Цвѣты пестрѣли по полямъ,
Тамъ пышны каменны громады
Людей надмѣнность кажутъ намъ;

Гдѣ зрѣлись жатвы возращенны
Смиренныхъ пахарей трудомъ,
Тамъ стогны камнемъ опятченны
Звучатъ подъ быстрымъ колѣсомъ.
Спѣши,— луговъ, полей любимель!
Спѣши теперь изъ спѣшн градскихъ,
Будь чистой радости свидѣтель
Щасливыхъ поселянъ твоихъ;
Тебя тамъ вѣрность ожидаетъ,
Плететъ усердія вѣнецъ;
Въ тебѣ нещастный полагаетъ
Своимъ страданіямъ конецъ.
Повѣрь! все въ городѣ чужое,
Тамъ все тебѣ принадлежитъ;
Тамъ чувство истины святое
Душѣ смѣлѣе говоритъ.
Тамъ духъ градскихъ сустъ не знаетъ,
Тамъ сладкій царствуетъ покой,
Орапай нивы угобжаетъ
Въ надеждѣ жатвы золотой;
Землѣ безстрашно повѣряя
Обильныхъ часпь ея плодовъ,
Въ ней хлѣбно сѣмя погребая
Награды ждетъ своихъ трудовъ.
Тамъ ждутъ тебя различны роды
Забавъ, весенних малыхъ дней;
Увидишь пляски, хороводы
Предъ мирной сѣнію твоей.

Спѣши въ мѣстахъ уединенныхъ
Узрѣть природы пышный храмъ,
Гдѣ благовоніемъ умащенныхъ
Цвѣтовъ курится фиміамъ.
Неси ей чувства, дань священну,
Тронись— тронись ея красой,
Возможноль быть невосхищенну
Ея прелестной простотой?
Спѣши въ святилище покоя,
Въ жилище непорочныхъ утѣхъ,
Чтобъ щастье ближнихъ намъ устроя
Вкушать блаженство безъ помѣхъ.

Анна Волкова.

СОВѢТЪ

ЮНОМУ МОЕМУ ДРУГУ.

Приди, о юноша любезный!
Любезный мнѣ, какъ пчеламъ сонъ!
Прими совѣтъ душеполезный,
Къ тебѣ ниспосланный съ высонъ
Чрезъ дружбу и любовь и братство.
Внемли— и я во грудь твою
Мое все сердце излію;
Потщусь предать тебѣ богатство,
Котораго не крадетъ тать,
Не точитъ червь, не тлитъ и время;
Да мудрость, жизни правой сѣмя,
Въ тебѣ возможетъ процвѣтать.

Вмѣщая въ строгости отраду,
Потщусь, да гласъ мой, какъ Зефиръ,
Средь зноя вѣющій прохладу,
Душѣ твоей вдыхаетъ миръ.
Еще въ твоихъ зеницахъ ясныхъ
Веселія блистаетъ лучъ;
Еще не зрѣлъ ты грозныхъ тучъ,
Не слышалъ ты громовъ ужасныхъ,
Еще не отдѣлялся прочь
Отъ нѣдръ пристанища;— но вскорѣ
Ты будешь плавать въ бурномъ морѣ,
Умѣй напѣты превозмочь.

Какъ въ бедрахъ чувствующій крѣпость,
И въ жилахъ дмящихся огонь,
Гласящій ржаніемъ свирѣпость,
Ретивый, рѣзвый, дикій конь,
Свободно рыщущій по полю,
Мечтая поля быть царемъ,
Впервые ощутивъ яремъ,
Впервые испытавъ неволю,
Грызетъ желѣзныя брозды,
Копытомъ воздухъ бьетъ жестоко,
То вскинетъ всадника высоко,
То мчится съ нимъ изъ бѣдъ въ бѣды.

Такъ пылкая бунтуетъ младость
Пропивъ владычества ума;
И чувствамъ уловляя сладость,
Себѣ злодѣйствуетъ сама.
Безсильная управить страсти
Къ небесной щастія мечѣ,
Блуждаетъ духомъ въ суетѣ,
И съ шумомъ вержется въ напасти,
Отъ глубины во глубину,
И поздно, въ распрѣ съ небесами,
Познаетъ съ горькими слезами
Своей продерзости вину.

О другъ мой! облекись въ доспѣхи
Противу внутреннихъ враговъ,
Противъ влекущихъ на утѣхи

Прелестныхъ образомъ грѣховъ:
Прими щитъ вѣры нерушимый
И застѣняй себя отъ золъ;
Да будетъ пворческій глаголъ
Твой мечъ, ни чѣмъ неопразимый;
Какъ шлемомъ, разумъ свой покрой,
Господнимъ страхомъ благодатнымъ;
И въ брани съ временемъ развратнымъ
Явися истинный герой.

Блюдися мудрованій ложныхъ,
Сѣтей смертельныхъ для души;
Презрѣвъ глумленія безбожныхъ,
Огнемъ любови напиши
На сердцѣ чистомъ, непорочномъ,
Святаго грѣшникамъ завѣтъ.
Тогда тебѣ возблещетъ свѣтъ,
И въ мракѣ жизни сей полночномъ
Предыдетъ какъ волхвамъ звѣзда;
И ты, стезею совершенства,
Пойдешь къ святилищу блаженства,
И не предкнешься никогда.

Внимая умнымъ вѣрнымъ слухомъ
Всемірны Вышнему хвалы,
Взыскуй его смиреннымъ духомъ;
Вперяя взоръ отъ дальней мглы
Къ горящему въ свѣтилахъ своду,
Пущая сердце къ небесамъ,

Зри Бога— будь божественъ самъ.
Вездѣ, взирая на природу,
Ты можешь осязать Творца;
Но паче въ милостяхъ чудесныхъ
Во благо чадъ Его словесныхъ,
Познай нѣжнѣйшаго Отца.

Познай— и въ сладость умиленный,
Во всемъ предайся весь Ему;
Восторгомъ вѣры воскриленный,
Стремись къ началу своему:
Онъ жизнь— и жизнію безсмертной
Душа лишь въ Немъ одномъ живетъ.
Такъ къ солнцу, стройный солнцевъ свѣтъ,
Вперенъ любовію усердной,
Землетъ отъ его очей
И жизнь и блескъ свой златоцвѣтной,
И вянетъ съ горестью примѣтной,
Лишась благихъ его лучей.

Питая вѣры теплотою
Божественну въ себѣ любовь,
На смерть боримый суетою,
Всечасно возраждайся вновь
Молитвой пламенной, сердечной.
Мольбы летящи отъ сердецъ
Срѣтаетъ съ высоты Творецъ,
Пріемлетъ, щедритъ мздою вѣчной;

Какъ сладкій отъ кадила дымъ
Онѣ благоухаютъ Богу,
И радость, паче слова многу,
Вдыхаютъ Ангеламъ Святымъ.

Какъ якорь зубомъ изогнутымъ
Пронзая землю въ глубинѣ,
Пропитися стихіямъ люпымъ,
Корабль содержитъ въ пучинѣ:
Такъ вѣра сохранитъ собою
Тебя безбѣдственна средь бѣдъ.
Но если въ поприщѣ побѣдъ,
Ослабнешь упомясь борьбою,
Соступишь съ истинной стези;
Пролей, внявъ совѣсти упреки,
Раскаянія слезны рѣки,
И гнѣвъ небесный угаси.

Господь начало всякой власти,
Народамъ онъ даетъ вождей,
Вождямъ давъ мощь свою отъ части,
Возводитъ въ Боги изъ людей.
И ты, отъ вѣры просвѣщенный,
И волю совѣсти поворя,
Въ лицѣ крепчайшаго Царя,
Чти образъ видимый, священный,
Невидимаго Божества.
Державный санъ— яремъ златистый;

По тяжестью— Кавказъ кремнистый
Для силъ земнаго существа.

Монархъ величествомъ прославленъ,
(Царь славы судія ему,)
Да судитъ, истинной направленъ,
Судъ правый царству своему.
Да духомъ усиѣ разитъ пороки,
Да будутъ всѣ его дѣла
Ему и Вышнему— хвала,
Подвластнымъ— доблести уроки;
Да благомъ подданныхъ дыша,
Владѣя служитъ имъ въ порфирѣ.
Въ народѣ Царь, что солнце въ мірѣ,
Царь царства своего душа.

Онъ движетъ симъ огромнымъ цѣломъ,
Самъ движимъ Божіей рукой,
Радѣетъ о составѣ цѣломъ,
Крѣпитъ общеспѣвенный покой;
И въ сей громадѣ многосложной,
Единства духомъ оживленъ,
Спремиться долженъ каждый членъ,
Со всею ревностью возможной,
На свой общеполезный прудъ;
И въ гласѣ каждаго закона
Сходящемъ съ выспренности трона,
Внимать небесной правды судъ.

Давъ славу лицамъ высочайшимъ,
Долгъ первый воздавать любовь
Изъ смертныхъ всѣхъ для насъ дражайшимъ
Которыхъ въ насъ струится кровь.
Чрезъ нихъ отъ творческой щедроты,
Пріявъ къ блаженству бытіе;
Къ нѣмъ сердце прилѣпить свое,
Отъ нихъ наслѣдовать доброты,
И къ нимъ благоговѣть всегда,
Являть покорство безпредѣльно,
Жить съ ними духомъ нераздѣльно,
Собой щитить ихъ отъ вреда.

И ты смиреньемъ нековарнымъ,
Умаливъ самъ себя вконецъ,
Ревнуй симъ чадамъ благодарнымъ,
О коихъ, общій всѣхъ Отецъ
Благоволитъ во славѣ вѣчной.
Но ахъ! родитель твой драгой,
Едва ты въ міръ ступилъ ногой,
Изшелъ отъ жизни скоропечной,
Оставивъ Вышняго судьбѣ
Пещися о младенцѣ сиромъ;
Но дышетъ мать земнымъ эфиромъ,
И дышетъ нѣжностью къ тебѣ.

Будь въ скорбной старости ей радость;
Во цвѣтѣ твоея весны

Ея да обновится младость;
Да будутъ мирны и красны
Осенни дни ея тобою.
Коль много въ ней обрѣлъ ты благъ!
Когда, рожденный, слабъ и нагъ,
Не могъ существовать собою,
Живила жизнь твою она;
Отъ смерти хищной и несытой
Она была тебѣ защитой,
Отъ всѣхъ опасностей стѣна.

Блюла любовію прилѣжной
Лелѣя своего птенца;
То взоръ ея веселой, нѣжной,
Поверхъ любезнаго лица,
Висѣлъ, на долгій часъ недвиженъ,
То слухъ внимательный ея
Былъ спражемъ жизни твоея,
Къ дыханью твоему приближенъ.
Весь міръ сей былъ въ тебѣ одномъ;
Въ часы всеобщія дремоты,
Носились о тебѣ заботы
Между очей ея и сномъ.

Когда же тяжкою рукою,
Коснувшись сонъ ея очей,
Смыкалъ ихъ къ крапкому покою,
То сердце бодрствовало въ ней;

Малѣйшимъ шумомъ пробужденна,
Какъ будто громкою трубой,
Душей сливалася съ тобой.
Въ трудахъ, трудами награжденна,
Вкушала радости одни;
И возрастъ твой вознесся спокойно,
И цвѣлъ и созрѣвалъ спокойно
Въ ея пріятнѣйшей тѣни.

Будь ближній всѣмъ тебѣ подобнымъ
Не тщетнымъ именемъ однимъ;
Но духомъ искреннимъ, незлобнымъ,
Но сердцемъ приближайся къ нимъ.
Любить людей— блаженство наше!
Любезныхъ братій зрѣнь во всѣхъ,
Нѣтъ вящихъ на земли утѣхъ,
И нѣтъ добра подъ солнцемъ краше!
И ты, чтобъ райской сей любви
Испить животворящи токи,
Дерзай на поприща жестоки,
И всѣ косненія прерви.

Но зло и благо въ мірѣ смежны,
Какъ черна тѣнь и яркій свѣтъ,
Какъ терніе и розы нѣжны,
И въ смертномъ каждое живетъ,
Да будетъ дружество священно
Водитель юности твоей,
Ты тайны совѣсти своей

Ему повѣдай несмущенно,
Не скрой намѣреній во тьмѣ,
И всѣ желанія исчисли;
Да первое оно зритъ мысли
Свѣтающи въ твоемъ умѣ.

Благая дружества бесѣда
Отъ скорьби сердцу врачевство,
И пища духу— слаще меда,
Для правды пиръ и празднество.
Вкушая дружбу человѣки.
Вкушаютъ небо въ жизни сей;
Будь медленъ въ выборѣ друзей,
Избравъ— не оставляй вовѣки;
Душею съ другомъ сопряженъ,
Дѣля и горесть съ нимъ и радость,
И въ горести ты вкусишь сладость,
И будешь въ радости блаженъ.

Мужайся низлагать соблазны,
Которыхъ скопы встрѣтишь ты;
Они какъ тартаръ безобразны,
Но гнусныя свои черты
Прикрывъ личинами изрядства,
Умѣютъ мрачные блестѣть,
И юность уловляютъ въ сѣть;
Прельщаютъ роскошью богатства,
Прельщаютъ пышностью честей,
И всякой чувственной угодой,

А паче пагубной свободой
Нечистыхъ, буйственныхъ страстей.

Корысть ихъ вождь— всему, что свято,
Ругаясь съ адскимъ торжествомъ,
И грязь, созрѣвшую во злато,
Признавъ всесильнымъ божествомъ,
Не несчетными трудами,
Чрезъ ложь, предательство и лесть,
Всемѣрно тщится пріобрѣсть.
Толпятся смертные стадами
Покорствовать ея жезлу,
И вержутся предъ нею съ плескомъ;
Она мрачитъ ихъ разумъ блескомъ,
И гонитъ ихъ отъ зла ко злу.

Пусть скупость жадная, лихая,
Отъ двери гонитъ сироту;
И лихвы къ лихвамъ прилагая,
Въ богатствѣ терпитъ нищету;
Томится въ мукахъ непрестанныхъ,
И къ мукамъ снидетъ въ смертный ровъ.
Но ты отъ жизненныхъ даровъ,
Безмездно свыше изліянныхъ,
И въ мѣру наслаждайся самъ,
И бѣднымъ съ кротостью драгою,
Давай пространною рукою,
Во славу щедрымъ небесамъ.

*

Пусть лесть поетъ пріятно въ уши,
Манитъ улыбкой смертныхъ взглядъ,
И тихо вкрадываясь въ души,
Ліетъ въ нихъ гибельный свой ядъ;
Въ совѣтахъ, въ замыслахъ лукавыхъ,
Увязнетъ хитрая сама,
Но ты отъ сердца и ума,
Ревнитель чувствъ и мыслей правыхъ,
Отгнавъ коварство простотой,
Не будь предъ міромъ двоедушенъ;
Будь гласу истинны послушенъ,
И въ истинѣ крѣпись и стой.

Пусть гордость, выею высокой
Грозитъ расторгнуть звѣздный сводъ,
И въ тинѣ пропасти глубокой
Мечтаетъ видѣть смертныхъ родъ;
Сразится мстительнымъ перуномъ,
И въ бездну свергнется стремглавъ.
Но ты смиреніе объявъ,
Красуйся имъ и въ вѣкѣ юномъ,
Красуйся имъ и въ сѣдинахъ,
И внѣдри въ мысли умудренной:
Почто гордится въ жизни бренной
Предъ пепломъ пепелъ, предъ прахомъ прахъ?

Пусть нѣга, съ прихотьми не споря,
Гнѣтется тяжкимъ ихъ ярмомъ;

И въ роскоши, какъ въ сердцѣ моря,
Лежитъ разслабленна умомъ,
Недужна, вѣтротлѣнна пѣломъ,
Снѣдаетъ жизнь свою въ пирахъ.
Но ты— чистѣйшій Божій страхъ
Отъ дѣтства восприявъ удѣломъ,
Гнушался суетныхъ забавъ;
И пусть умѣренность святая,
Тебѣ всегда сообитая,
Крѣпитъ и духъ твой и сосцавъ.

Пусть зависть рветъ свою утробу,
И силится, подъемля ревъ,
Излаять изъ себя всю злобу,
На лавръ достоинства воззрѣвъ;
И козни строитъ въ сердцѣ дикомъ,
Чтобъ міръ въ печали уязвлъ.
Но ты, достойное похвалъ,
Хвали некосненнымъ языкомъ,
И гласъ твой да не будетъ тихъ;
И въ чуждой участи щастливой
Участвуй радостью нельстивой,
Цвѣти въ веселіи другихъ.

Пусть наглость, чувства воли злыя
Зачавъ въ сердечной глубинѣ,
Изъ скверныхъ устъ слова гнилыя
Со смѣхомъ извергаетъ вонъ;

Внимаетъ юность съ любопытствомъ
И гибнетъ отъ ея отравъ.
Но ты спасай свой кроткій нравъ;
Отъ лицъ, помѣдянныхъ безстыдствомъ,
Отъ срамной дерзости рѣчей,
Бѣги въ стыденіи суровомъ;
Будь чистъ и мыслію и словомъ,
Будь чистъ и взглядами очей.

Пусть праздность плачется отъ скуки,
Скорбитъ унылая вездѣ,
Томитъ бездѣйствомъ умъ и руки,
Страшась и мысли о трудѣ;
Сама себѣ и ближнимъ бремя,
Зѣвотой поглощаетъ дни.
Но ты— въ душѣ своей цѣни
Дороже всѣхъ сокровищъ— время,
Какъ съ жизнью разставайся съ нимъ,
Безплодно не теряй мгновеній;
И знай— что мы изъ всѣхъ имѣній
Лишь время можемъ звать своимъ.

Бесѣдуй съ прошлыми часами,
Испытывай свои дѣла,
Извѣсь безстрастія вѣсами,
И рви изъ сердца корень зла.
Вѣщать и дѣлать начиная
Воспомни свой послѣдній день;

Воспомни, что какъ сонъ, какъ тѣнь,
Исчезнетъ наша жизнь земная,
И мы отъ нашихъ дѣлъ и словъ,
Судимы правдою Господней,
Или восплачемъ въ преисподней,
Или взыграемъ межъ боговъ.

О часть души моей драгая!
Мой другъ! слова сіи внушивъ,
И въ сердцѣ оныя слагая,
Покорствуй имъ доколѣ живъ.
Не оплетайся суетами;
Питая ненависть ко лжи,
И правдой духъ вооружи,
И правду возвѣщай устами.
Вмѣняй притворство въ стыдъ и срамъ,
И будешь съ совѣстью согласенъ,
Какъ солнце доблестію ясенъ,
Живой жилаго Бога храмъ.

Князь Сергій Шихматовъ.

ПѢСНЬ

Каменскому второму,

написанная по полученіи извѣстія о его кончинѣ Маія 1811 года.

Et lacrymas vidimus ire Deo. Propere.

Орелъ, которому Царь Сѣвера вручилъ
Свой пламенный перунъ пропитву бурныхъ силъ,
Отъ Юга дышущихъ къ Полунощи войною,
Орелъ сей, въ воздухѣ ширяясь надъ луною,
Держа въ когтяхъ чалму, въ обширности небесъ
Паря къ безсмертію въ подсолнечной, изчезъ...
Балкански горы все еще въ недоумѣньи,
Уже ли Сѣверный Орелъ въ своемъ пареньи,
Носясь среди громовъ и бурь, навѣкъ уснулъ?
Такъ... очи смертный сонъ Каменскому сомкнулъ.
Россія о своемъ героѣ возрыдала,
У трона перла слезъ Монаршая упала.

Недавно черный вранъ на башнѣ прокричалъ,
Смерть славнаго вождя конечно предвѣщалъ,
Сбылось зловѣщее пророчество.... свершилось....
Явленье чудное великихъ дѣлъ сокрылось!

Герой! ты удушить могъ льва одной рукой,
И, на копьѣ своемъ подъявъ луну другой,
Играть судьбами Царствъ, срывать вѣнцы съ тиранновъ
И въ трепетъ приводить кичащихся Султановъ,
Огнь мужества средь льдовъ въ сердцахъ воспламенять,
На Югѣ жаръ водой Дунайской прохлаждать.
О чудо дивное военнаго искуства!
Гдѣ скрылось ты? Гдѣ вождь героевъ? мертвъ... безъ чувства...

Теките горькихъ слезъ источники изъ глазъ!
Безсмертной жизни лучъ въ часъ утренній погасъ;
Возможно ль не скорбѣть и слезъ своихъ стыдиться,
Когда Отечество вздыхаетъ и крушится,
Сколь славныхъ, сколь младыхъ лишаяся дѣтей?
Сокрылъ на вѣкъ въ землѣ громъ славы, цвѣтъ вождей!
Все воинство о сей потери возжалѣло,
И какъ бы безъ отца осирошѣвъ, скорбѣло;
Печалью стала грудь Петрополя полна—
Одна лишь блѣдная и робкая луна
Свой зракъ сквозь облака украдкой осклабляла,
Уныніе страны полночной освѣщала;
Ни враговъ хищныхъ крикъ, ни хриплый голосъ совъ,
Ни стоны филина, ни завыванье псовъ,
Ни въ полночь по гробамъ блудящи тѣни тощи
Сомкнуть ей не могли сверкающіе очи.

Но кто со слезными очами — на зарѣ—
Сѣдитъ среди холмовъ, возведши взоръ горѣ,

770996A

Съ разсыпавшимися по раменамъ власами,
Свѣтило дневное привѣтствуетъ слезами
И произноситъ тамъ плачевныя слова?
То матерь городовъ Россійскихъ— то Москва
Рыдаетъ о своемъ умершемъ гражданинѣ,
О преждевременной Каменскаго кончинѣ···
Рыдаетъ— и потокъ слезъ горькихъ и тоску
Какъ въ урну нѣкую кристальную— въ Оку
Со стономъ ропотнымъ и скорбнымъ изливаетъ,
Съ смятеніемъ струи слезъ урна принимаетъ
И быстрой Волгѣ ихъ, стеня, передаетъ . . .
Восплакалъ, возрыдалъ Россійскій весь народъ,
И горесть братняя, и матерни рыданья
Слились въ единый гласъ всеобщаго стенанья.

Смерть люта́я! смотри, кого твой серпъ пожалъ?
Давно ли съ Сѣвером̀ъ онъ Югъ соединялъ? . .
. . . И грозный сей Перунъ зарытый подъ землею
Не будетъ страшенъ ужъ вѣнчанному злодѣю!

Подъ кровом̀ъ голубым̀ъ безоблачныхъ небесъ,
При свѣтѣ блещущей луны изъ-за-древесъ,
Какъ умиралъ во мглѣ лучъ солнца потухая,
На злачном̀ъ берегу шумящаго Дуная,
Герои Сѣвера сошлись и стали вкругъ;
Одинъ изъ нихъ, вздохнувъ, сказалъ: нашъ умеръ
другъ!
Слезами на сіе Герои отвѣчали,
И, на мечи склонясь, всѣ горько возрыдали.
Ихъ плачъ и стонъ сердца Балканскихъ горъ потрясъ;
Тогда, взявъ лиру, Бардъ вѣщалъ, возвыся гласъ:

Геро
И, на
Играп

И въ
Огнь м
На Юг
О чудо
Гдѣ с

Теки
Безсме
Возмо
Когда
Сиоль
Сокры
Все во
И как
Печал
Одна
Свой
Унын
Ни вр
Ни с
Ни в
Сомк

,,Вихрь бурный помрачитъ Россійскій небосклонъ,
,,Подуетъ съ Запада и поколеблетъ тронъ,
,,Отечество съ Царемъ къ сынамъ своимъ воскликнутъ;
,,Ихъ клики до сердецъ Россіанъ всѣхъ проникнутъ;
,,На гласъ Отечества зовущій притекутъ:
,,Кутузовъ, Тормасовъ, Кутайцевъ, Богговутъ,
,,И Кульневъ—богатырь, и Платовъ диво свѣта;
,,И Милорадовичъ—спаситель Бухареста,
,,И Князь Багратіонъ—честь воинства всего;
,,Окинувъ ихъ Москва всѣхъ взорами своими,
,,Еще единаго поищетъ, между ими,
,,И не найдетъ нигдѣ любимца своего. . .
,,Восплачется о немъ печальная Столица,
,,И будетъ сѣтовать, какъ горькая вдовица,
,,Отретъ источникъ слезъ у матери градовъ
,,Старѣйшій изъ ея возлюбленныхъ сыновъ.
,,Его восхвалитъ Царь, сіяющій въ порфирѣ,
,,Пѣвецъ Суворова на златострунной лирѣ
,Великаго вождя героевъ воспоетъ,
,,И солнце на него съ весельемъ свѣтъ прольетъ;
,,Примѣромъ дѣлъ своихъ великихъ, несравненныхъ
,,Онъ образуетъ духъ воителей почтенныхъ
,,Подобныхъ славному Каменскому въ дѣлахъ,
,,Сей духъ наслѣдственнымъ пребудетъ въ ихъ сынахъ.,,
. . . Такъ пѣнье кончилъ Бардъ—герои восплескали
И взорами вездѣ Кутузова искали.

Д. Васильевскій.

Конецъ.

Такъ, Випязи, вашъ другъ — Россіи сынъ скончался,
Но вашъ отецъ еще для васъ въ живыхъ остался. . .
. . . Тутъ взоры каждаго искали зрѣнь того,
Надежда крѣпкая кто воинства всего,
Кто, знаменитому подобяся Камиллу,
Образовалъ въ себѣ великій духъ и силу
Карать Отечества враговъ и истреблять
И отъ грозящихъ бурь Отечество спасать,
Кого отважный Шведъ, Сарматы, Турки, Галлы
На полѣ ужаса и славы трепетали,
Кто прозорливостью, терпѣньемъ, правотой
Злыхъ ковы расторгалъ и теръ ихъ подъ пятой. . .
Межъ тѣмъ, какъ зрѣнь его желали несказанно,
Кардъ Сѣвера воспѣлъ;„ я видѣлъ утромъ — рано
„(Въ то время соловей пѣлъ гимнъ веснѣ златой
„И первый солнца лучъ игралъ въ травѣ цвѣтной)
„Я видѣлъ въ полѣ кринъ — и онымъ восхищался,
„Но вдругъ вѣтръ зашумѣлъ, цвѣточикъ зашатался,
„Къ полудню Флоры сынъ безвременно завялъ,
„И въ полдень зоркими красавица очами
„Пришла искать его въ травѣ между цвѣтами,
„Хотѣла, чтобы онъ ей перси украшалъ.
„Вотще по чистому дѣвица полю ходитъ,
„Весенняго цвѣтка весною не находитъ;
„Вотще на мѣстѣ томъ, гдѣ росъ онъ, слезы льетъ,
„Цвѣтокъ ужъ болѣе для ней не разцвѣтетъ.
„Военныя трубы здѣсь звуки раздадутся,
„На поле ратное герои соберутся,
„Имъ солнце красное освѣтитъ къ славѣ путь;
„Вотще сберетъ оно лучи, дабы блеснуть
„И міру показать вождя полковъ младаго,
„Не сыщетъ на землѣ Каменскаго втораго.

„Вихрь бурный помрачитъ Россійскій небосклонъ,
„Подуетъ съ Запада и поколеблетъ тронъ,
„Отечество съ Царемъ къ сынамъ своимъ воскликнутъ;
„Ихъ клики до сердецъ Россіанъ всѣхъ проникнутъ;
„На гласъ Отечества зовущій притекутъ:
„Кутузовъ, Тормасовъ, Кулайцевъ, Богговутъ,
„И Кульневъ — богатырь, и Платовъ диво свѣта;
„И Милорадовичъ — спаситель Бухареста,
„И Князь Багратіонъ — честь воинства всего;
„Окинувъ ихъ Москва всѣхъ взорами своими,
„Еще единаго поищетъ, между ими,
„И не найдетъ нигдѣ любимца своего...
„Восплачется о немъ печальная Столица,
„И будетъ сѣтовать, какъ горькая вдовица,
„Отретъ источникъ слезъ у матери градовъ
„Старѣйшій изъ ея возлюбленныхъ сыновъ.
„Его восхвалитъ Царь, сіяющій въ порфирѣ,
„Пѣвецъ Суворова на златострунной лирѣ
„Великаго вождя героевъ воспоетъ,
„И солнце на него съ весельемъ свѣтъ прольетъ;
„Примѣромъ дѣлъ своихъ великихъ, несравненныхъ
„Онъ образуетъ духъ воителей почтенныхъ
„Подобныхъ славному Каменскому въ дѣлахъ,
„Сей духъ наслѣдственнымъ пребудетъ въ ихъ сынахъ.„
. . . Такъ пѣнье кончилъ Бардъ — герои восклескали
И взорами вездѣ Кутузова искали.

Д. Васильевскій.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТАГО ЧТЕНІЯ.

Стр.

Опытъ о Россійскихъ писателяхъ:

Кантемиръ. - - - 3.
Весна 1812 года. - - - 55.
Гимнъ Богу. - - - 57.
Къ Поэзіи. - - - 60.
Чувство при наступленіи весны. - 67.
Совѣтъ юному моему другу. - - 75.
Пѣснь на смерть Каменскаго втораго - 88.

ОПЕЧАТКИ.

Стра.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
4	3	достоистно	достоинство
22	12	и Рексу	И Рексу
27	3	распучить	распучить
39	19	стакаканомъ?	стаканомъ?

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.